

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Разина Юлия Николаевна

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР УДМУРТСКОГО ДЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ
ГЕРМАНА ХОДЫРЕВА

Специальность 10.01.02 –
Литература народов Российской Федерации
(удмуртская литература)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Зайцева Татьяна Ивановна

ИЖЕВСК 2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. Творческая индивидуальность Г. Ходырева и ее отражение в зеркале критики и литературоведения.....	19
§ 1.1. Творческая биография и индивидуальность художника слова	19
§ 1.2. Творчество Г. Ходырева в критике и литературоведении.....	41
ГЛАВА II. Особенности поэтического мира Г. Ходырева.....	71
§ 2.1. Фольклорные истоки творчества	71
§ 2.2. Поэтические образы природы и ребенка	98
§ 2.3. Гражданская лирика.....	117
ГЛАВА III. Г. Ходырев – прозаик и литературный критик	133
§ 3.1. Художественно-документальная проза	133
§ 3.2. Литературно-критическая деятельность	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	177
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	181

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Важнейшим фактором формирования личности ребенка, развития его души, интеллекта является детская книга. В настоящее время особенно актуальной в деле воспитания патриотизма, национального самосознания, возрождения традиционных нравственных ценностей является задача приобщения подрастающего поколения к лучшим произведениям детской классической и современной литературы, в которой аккумулированы опыт и память о прошлом народа. Отмечая все более возрастающий в современном обществе интерес к теме детства, культурологи, психологи, педагоги, филологи сходятся во мнении, что «наука и общество в XX в. столкнулись с реальностью смены парадигмы в исследовательской практике – с “взрослоцентризма” на “детоцентризм”» [2, с. 12].

История развития удмуртской детской литературы никогда еще не становилась предметом специального научного исследования. Нет монографической работы, в которой изучались бы особенности становления удмуртской детской литературы, основные этапы ее развития. Не изучено также творчество наиболее выдающихся писателей, с именем которых связана история удмуртской литературы для детей. Поэтому актуальной остается задача монографического диссертационного исследования творчества одного из выдающихся детских удмуртских писателей Г. Ходырева. Постигание художественного мира конкретного детского писателя и его творческой индивидуальности позволит раскрыть внутренние закономерности национального литературного процесса, обращенного к «теме детства».

Мордовский исследователь А. С. Алешкин пишет, что «общенациональные черты и признаки в литературе всегда получают конкретное преломление в произведениях отдельных творческих личностей, не теряя при этом свою коллективную индивидуальность, т. е. общенациональную специфику» [5, с. 9]. Созвучные мысли высказаны и в монографии «Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х годов» известным литературоведом Урало-Поволжья

Г. И. Федоровым, который считает, что творческая индивидуальность автора «связана с явлениями типологии художественного творчества», а также с «вопросами традиций того или иного прозаика в развитии литературы, с явлениями топики и общих для многих художников коллизий...» [153, с. 165]. На основе анализа художественных произведений чувашских писателей ученый показывает большую роль в раскрытии национального своеобразия литературы таких понятий «как внутренний мир художественного произведения, художественный (творческий, поэтический) мир литературы (отдельного писателя, жанра), эстетический мир конкретного, отдельно взятого Художника, художественность литературы...», которые «литературоведу жизненно важны» [153, с. 198]. К сожалению, в удмуртском литературоведении можно назвать лишь отдельные работы монографического характера 1960–1980-х годов прошлого века, посвященные жизни и творчеству конкретного писателя. Это книги Ф. К. Ермакова «Поэзия и проза М. П. Петрова» (1960) и «Кузебай Герд: жизнь и творчество» (1996), З. А. Богомоловой «О творчестве Г. Красильникова» (1962), «Творчество Кедре Митрея (1967)», «Михаил Коновалов: К творческому портрету удмуртского писателя» (1971), А. Н. Власенко «Геннадий Красильников» (1981), В. М. Ванюшева «Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья» (1995), В. Г. Пантелеевой «Поэтический мир Флора Васильева. Национально-семантические особенности стиля» (2000) и др. Таким образом, в числе самых малоисследованных областей в удмуртском литературоведении до сих пор остаются вопросы изучения художественного мира конкретного писателя и эволюции его творчества. И, как отмечалось выше, нет ни одной монографии, посвященной детскому писателю.

Герман Алексеевич Ходырев (1932–1995) – один из самых известных и признанных в Удмуртии детских писателей второй половины XX века. Его лирика и проза прочно вошли в духовную культуру нации, с его творчеством связан выход национальной литературы для детей за пределы республики, к всесоюзному и всероссийскому читателю. Критик А. Ермолаев, достаточно активно публиковавшийся в эпоху «шестидесятых» в центральном журнале

«Дружба народов» и в республиканских русскоязычных изданиях, отмечая популярных удмуртских детских писателей тех лет, выделяет имя Г. Ходырева: «Преодолевая узость круга образов, учась говорить с маленьким читателем о серьезных вещах, на все более широкую дорогу выходит и детская литература. Книги Аркадия Клабукова, Германа Ходырева уже печатались многотысячными тиражами на русском и других языках народов Советского Союза» [53, с. 149]. О том, что книги Г. Ходырева признаны многонациональной читательской аудиторией, что с его стихами «знакомятся на своем родном языке украинские, башкирские, чувашские, мордовские, марийские, нивхские, якутские мальчишки и девчонки», говорил и его современник, видный ученый-фольклорист Д. Яшин [198].

Факт активного обмена творческой молодежи ходыревскими стихами в сети Интернет свидетельствует о востребованности «поэта-шестидесятника» и у нынешнего читателя [См.: 195; 253]. На стихи Г. Ходырева композиторы сочиняют песни, на материале произведений писателя организуются республиканские детские конкурсы чтецов, проходят читательские конференции и литературные вечера, его именем названа Республиканская Литературная премия. Не утратили злободневности слова известного советского детского писателя и переводчика Ю. Кушака, писавшего, что: «Герман Ходырев – один из лучших поэтов Удмуртии. У него есть остроумные и смешные стихи. Есть серьезные и глубокие» [195].

Творческий диапазон Г. Ходырева обширен как в содержательном, так и в жанровом отношении. Он автор более тридцати книг для детей, работал в жанрах короткого детского стиха, поэмы, сказки, был прозаиком-документалистом, переводчиком, песенником, публицистом, критиком. Заслуженную популярность поэту принесли книги, вышедшие в московских издательствах «Малыш», «Советская Россия», «Детская литература». Вместе с тем, творчество Г. Ходырева изучено недостаточно и, прежде всего, не осмыслены его роль и место в истории удмуртской детской литературы. Отсутствие подобного монографического исследования, в котором выявлялись бы

творческая индивидуальность писателя, особенности его художественного мира в связи с национальным литературным процессом, обуславливает актуальность данной диссертации.

Научная новизна и степень разработанности проблемы. Настоящее диссертационное исследование – одна из первых попыток целостного изучения художественного мира Г. Ходырева в контексте литературной жизни республики второй половины XX века. Научная новизна диссертации также связана с тем, что для осмысления художественной системы писателя в работе впервые вводится в литературоведческий оборот многообразный газетно-журнальный материал разных лет о творчестве Г. Ходырева. Кроме того, проанализировано большое количество ранее не изученных поэтических и прозаических произведений Г. Ходырева, его литературно-критическое наследие. Осмысление своеобразия художественного мира Г. Ходырева – активного участника литературной жизни республики, обусловило также рассмотрение таких малоизученных в удмуртском литературоведении проблем, как философские основы творчества детского автора, пространственно-временная организация произведения для детей, особенности ритмики удмуртского детского стиха, новаторские функции фольклорных традиций, связь образов героев детских книг с основными проблемами эпохи и др. Исследование выполнено в свете современных концепций литературоведения.

Несмотря на недостаточную изученность вопросов истории развития детской литературы и творчества Г. Ходырева, необходимо назвать работы, ставшие основой для дальнейшего освоения творчества Г. Ходырева. Прежде всего, следует отметить раздел «Литература для детей и юношества» второго тома «Истории советской удмуртской литературы» (1988) [28, с. 173–191], в котором дана общая картина развития удмуртской детской литературы конца XIX–XX вв. Здесь же в соответствии с хронологией литературного процесса в сжатой форме представлена творческая биография Г. Ходырева. Важно заметить, что в изданных в 1957 г. «Очерках истории удмуртской советской литературы» [111, с. 177–182] уже упоминается имя поэта. Небольшая информация включена

и в биобиблиографический справочник «Писатели Удмуртии» (1963) [121, с. 137–138]. Более полные сведения о жизни и творчестве поэта представлены в справочниках и энциклопедиях: «Писатели Удмуртии» (1989) [122, с. 396–399], «Писатели и литературоведы Удмуртии» (2006) [120, с. 116–117], «Удмуртская Республика» (2000) [147, с. 726].

На творчество Г. Ходырева обращает внимание венгерский исследователь финно-угорских литератур Петер Домокош в своем фундаментальном труде «История удмуртской литературы» (1993) [46; 201]. Выделяется широтой анализа идейно-художественных особенностей произведений Г. Ходырева статья Т. Зайцевой и И. Павловой «Детские книги Г. Ходырева», вошедшая в их совместный сборник научных статей «Удмуртская детская литература и детская книга Удмуртии (1960–2010-е гг.)» [56, с. 74–85]. Исследователи убедительно охарактеризовали новаторскую роль Г. Ходырева в национальном литературном процессе второй половины XX в.

Кроме работ обобщающего характера существуют критические статьи, в которых частично осуществлен научный анализ тех или иных произведений Г. Ходырева. Они публиковались, как правило, к юбилейным датам поэта или в качестве рецензий к его отдельным книгам, произведениям. Высокий нравственный пафос произведений Г. Ходырева и особенности поэтики его творчества описаны в статьях В. Ивашкина «Из наблюдений над поэтикой удмуртского детского стиха (на примере творчества Г. Ходырева)» [62, с. 87–100], Д. Яшина «С любовью к детям» [198], А. Уварова «Покчиослы литературалэн бадӟымесь сюлмаськонъёсыз» («Большие заботы “маленькой” литературы») [144, с. 43–44], Н. Кралиной «С планеты детей» [77], З. Богомоловой «С песней – людям в души» [18, с. 402–413] и др. Об общечеловеческом значении образов и проблематики произведений Г. Ходырева пишут журналисты О. Емельянова «Поэт, журналист, педагог» [49], С. Шихарев «Син азам будӱз» («Рос на моих глазах») [189], А. Ельцов «Кизилюос уг кысо» («Звезды не гаснут») [48, с. 51–52], Л. Федоров «Эшӱёс ке вань» («Если есть друзья») [154, с. 20–24], Р. Игнатьева-Лаптева «Словно встреча с добрым приятелем» [69] и др. Наиболее глубокий

анализ произведения Г. Ходырева получили в статьях В. Ивашкина «Жеч сямъёслы дышетйсь кылбуръёс» («Стихи, несущие добро») [60], «Отчего ива говорлива» [65], «Фольклорлэсь дышетскыса...» (Взращен на фольклоре) [61, с. 52–53]; «Шунйт но, шулдыр но: Герман Ходыревлы – 60 арес» («И тепло, и уютно: Герману Ходыреву – 60») [67, с. 21–24]; «Синучконэ, вера на мыным...» Герман Ходыревлы – 70 («Скажи мне, зеркало мое: Герману Ходыреву – 70») [68]. Соратник по перу, детский писатель и художник А. Леонтьев назвал Г. Ходырева мастером поэтического слова, отметил лиризм, познавательность и современность его стихов [86, с. 50–51]. О языковых особенностях произведений Г. Ходырева в статье «Нылпиосты яратыса» («Любя детей») пишет ученый-лингвист Г. Ушаков, выделяя тонкое знание поэтом детской речи [149].

В процессе работы над диссертацией мы также обращались к школьным учебным изданиям и книгам для дополнительного чтения. Это «Жильыртйсь ошмес: Ватсаса лыдзён книга. 5–6 класс» («Журчащий родник: Книга для внеклассного чтения для 5–6 классов»), «Букварь: Ныль аръем начальной школалы учебник» («Букварь: Учебник для четырехлетней начальной школы») Р.И. Даниловой, «Лыдзён книга: 3-тй класс» («Книга для чтения: 3 класс») А. Вахрушевой и А. Кузнецова, «Покчи эше: 1–2 классъёсын ватсаса лыдзён книга» («Маленький друг: Книга для дополнительного чтения в 1 и 2 классах»).

Определенная работа по библиографированию литературы о творчестве Г. Ходырева проделана Т. Г. Перевозчиковой и Л. Н. Долгановой, составившими основную библиографию к «Истории удмуртской советской литературы» [116, с. 173–191]. Материал о творчестве Г. Ходырева включен также в государственный библиографический указатель – Летопись печати Удмуртской АССР за 1983 год, охватывающий творческий период поэта от его начала до конца 1983 года [87]. Ценными представляются и биобиблиографические справочники «Писатели Удмуртии – детям» [131], составленные сотрудниками Республиканской библиотеки для детей и юношества.

Хотя Г. Ходырев был признан одаренным автором уже среди современников как внесший существенный вклад в развитие удмуртской детской

литературы, объективная оценка его творчеству дана лишь после смерти писателя. Вхождение Г. Ходырева в профессиональную литературу было сложным, долгим, противоречивым. На его первые сборники в основном были даны негативные рецензии. Толчком к этому, возможно, стали трагические события в его семье. Отец Г. Ходырева, который пропал без вести в годы Великой Отечественной войны, был несправедливо и бездоказательно обвинен в политической неблагонадежности. Несмотря на трудности вхождения писателя в профессиональную литературу, поэзия Г. Ходырева стала классикой детского чтения, заучивание многих его стихов является семейной традицией не одного поколения удмуртов. (Рецепция произведений Г. Ходырева в разные исторические периоды подробно изложена в первой главе диссертации.)

Обзор научной и критической литературы по теме исследования показывает, что задача целостного изучения художественного мира Г. Ходырева в контексте удмуртской детской литературы и в тесной связи с литературными исканиями эпохи остается не решенной. Критики и литературоведы еще не проследили пути становления и развития творческой индивидуальности писателя, не выявили особенностей его художественного мастерства. Это определяет научную новизну диссертации.

Объект диссертационного исследования – художественный мир Г. Ходырева.

Предметом исследования являются поэтические и прозаические произведения Г. Ходырева разных лет и разных жанров, а также его литературно-критические статьи.

Цель и задачи исследования. Цель работы – исследование художественного мира Г. Ходырева, его творческой индивидуальности как уникальной системы этических и эстетических ценностей, вместе с тем, тесно связанной с закономерностями литературного движения в Удмуртии второй половины XX века.

Цель обуславливает решение следующих **задач**:

- изучить эволюцию восприятия творчества Г. Ходырева в критике и литературоведении;
- выявить общественные и эстетические взгляды Г. Ходырева, его мнения по вопросу о путях развития удмуртской детской литературы;
- описать систему художественных приемов и поэтических средств в произведениях Г. Ходырева, определяющих его творческую индивидуальность;
- выявить закономерности сочетания образно-публицистического, социально-нравственного, философско-лирического начал в прозаических произведениях писателя как характерную черту своеобразия его художественного мира;
- проследить идейно-эстетическую, художественно-образную эволюцию творчества Г. Ходырева;
- изучить традиции национального фольклора в творчестве Г. Ходырева в связи с проблемой новаторства в удмуртской детской литературе второй половины XX века;
- рассмотреть творчество Г. Ходырева в связи с традициями русской классической детской литературы;
- на основе анализа специфики художественного мира Г. Ходырева осмыслить новые структурно-содержательные черты удмуртской детской литературы, характерные для второй половины XX века.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В творчестве Г. Ходырева нашли отражение основные тенденции развития удмуртской детской литературы второй половины XX века. Его творческая индивидуальность формировалась под влиянием социокультурной действительности, традиций устного народно-поэтического творчества, она вобрала в себя опыт удмуртской и русской классики, советской и мировой детской литературы. Наиболее сильное влияние на творчество Г. Ходырева оказали произведения и личное общение с удмуртскими писателями-классиками М. Петровым, М. Покчи-Петровым, А. Клабуковым. Среди русских писателей сам

Г. Ходырев отмечает влияние на свое творчество К. Чуковского, С. Маршака, А. Барто. В основе художественного мира Г. Ходырева – особенности народного миропонимания, сыгравшие важную роль в формировании его писательской позиции, реализации идей в произведениях.

2. Категория «детства» реализуется в произведениях Г. Ходырева по-особенному: он стремится смотреть на мир глазами ребенка. Создавая образы детей, автор говорит о серьезных гуманистических категориях – дружбе, открытости, справедливости – понятным для ребенка языком. Главным мотивом его детских стихотворений является любовь к «малой» и «большой» родине. Поэт утверждает творческую, деятельную, духовно насыщенную жизнь ребенка в мире, где важное место занимают труд и родительская любовь. Категория «детства» в лирике Г. Ходырева, вбирает в себя извечные нравственные, духовные, эстетические ценности. Это делает его поэзию актуальной и современной для нынешних детей как источник воспитания гражданской, патриотической позиции.

3. Рецепция творчества Г. Ходырева позволяет осмыслить вопросы социокультурного развития республики, увидеть более объективную картину истории удмуртской детской литературы и ее критики. Процесс интерпретации творчества Г. Ходырева можно разделить на три этапа: первый – со второй половины 1950-х до конца 1970-х гг.; второй – с начала 1980-х до середины 1990-х гг.; третий – посмертный. Исходя из идейной приверженности и наивно-реалистического восприятия художественного текста, национальная критика «шестидесятых» не дала верной оценки новаторским приемам и образам Г. Ходырева. Поэт был обвинен в привязанности к деревенскому подворью («азбару»), т.е. в мелкотемье. Отличительные особенности художественного мира детского автора не получили профессиональной оценки и в критике «семидесятых». В критике начала «восемидесятых» и середины «девяностых» годов на первый план выходит стремление осмыслить эстетическое своеобразие творчества Г. Ходырева. После смерти писателя (1995 г.) наблюдается общее признание его таланта, однако творчество Г. Ходырева рассматривается большей частью в контексте биографических сведений. Глубокого исследования

особенностей поэтики и художественной картины мира писателя до сих пор не существует.

4. В поэтическом творчестве Г. Ходырева большое место занимают социально-бытовое, гражданское, лирико-публицистическое, философско-пейзажное, дидактико-познавательное, игровое направления. Идейно-тематические и жанрово-стилистические особенности большинства его стихов обусловлены ориентацией на целевую аудиторию – детей младшего школьного и дошкольного возраста. Этим продиктован выбор поэтом художественно-изобразительных средств и приемов: рифмы, метрики, звукоподражания и т. д. Самобытность поэтического мира Г. Ходырева определяется в том числе и органическим взаимодействием с мировоззрением и поэтикой удмуртского народного творчества. Это предопределяет систему изобразительно-выразительных средств, используемых поэтом на разных уровнях произведения: жанровом, содержательном, поэтико-стилистическом.

5. Г. Ходырев основывается на традиционной жанровой системе удмуртской литературы для детей, которая сложилась к середине XX в., но существенно видоизменяет ее, приспособляя к требованиям времени и сознанию современного ему читателя-ребенка. В его творчестве активно развиваются жанры лирической миниатюры, стихотворной сказки, стихи-размышления, баллады, поэмы, документально-художественные повести, воспоминания, очерки, литературные портреты. Автор адаптирует к новому времени и новому читателю такие жанры удмуртского детского фольклора, как дразнилки, считалки, загадки, потешки, прибаутки, заклички, скороговорки, игры и т. д. В жанровой модификации Г. Ходырева воплощаются современные идеи образования, воспитания, привлечения детей к чтению.

6. Основными способами художественного освоения мира в прозаических произведениях Г. Ходырева являются автобиографизм, документализм, психологизм. Жанровая система прозаического творчества писателя представлена художественно-документальными повестями и литературными мемуарами: очерк, автобиографическая повесть, литературный портрет, эссе, не имеющими четко

очерченных границ. Поскольку проза Г. Ходырева продуцируется художественным сознанием поэта, в ней сильно лирическое начало. Художественно-документальные повести Г. Ходырева посвящены удмуртам П. Бабкину и С. Стрелкову, Героям Советского Союза, участникам Великой Отечественной войны, относятся к традиционному сюжетно-событийному типу. Их отличает дидактический характер, для автора важно, чтобы биография конкретного человека стала для ребенка уроком нравственности. Практически все произведения литературной мемуаристики Г. Ходырева имеют в своей основе личный опыт автора, поэтому их можно назвать автобиографичными. Литературные портреты удмуртских писателей-классиков в мемуарах Г. Ходырева формируют художественный образ истории национальной литературы. В основе автобиографической повести – незатихающая боль памяти войны. Знание фольклора, близость к народным традициям придает прозе Г. Ходырева особый национальный колорит.

7. Критическое творчество Г. Ходырева – одно из значительных явлений в удмуртской литературно-критической мысли второй половины XX в. Многие критические статьи Г. Ходырева имеют синтетическую жанровую природу, сочетают в себе признаки доклада, устного выступления, интервью, воспоминаний и др. В удмуртской литературной критике 1960-х гг. были сильны идеологические, публицистические тенденции; Г. Ходырев одним из первых актуализировал проблему воссоздания образа ребенка, писал о необходимости жанрового многообразия в детской литературе, стремился расставить приоритеты в вопросах художественного мастерства детского автора. Критику Г. Ходырева отличает нацеленность на прямой разговор с читателем, влекущий за собой яркую афористичность, ассоциативную образность, эмоциональное воздействие. В поздний период критического творчества Г. Ходырева наблюдается сращение публицистического пафоса с научно-исследовательским анализом, в частности, описанием языка и стиля автора. Ходырев-критик, сам являясь писателем, интуитивно точен в своих оценках новых литературных явлений. Г. Ходырев

наблюдает и оценивает литературный процесс как бы изнутри, как его непосредственный участник. В этом – ценность его критических статей.

Теоретической и методологической базой диссертационного исследования являются труды известных критиков, литературоведов, культурологов – М. М. Бахтина [11], Ю. Н. Тынянова [141], Д. С. Лихачева [89], Ю. М. Лотмана [91], Б. М. Эйхенбаума [193], С. Г. Бочарова [21], А. П. Чудакова [185], С. Е. Шаталова [186], В. В. Федорова [152], В. И. Тюпы [142], Ю. Б. Борева [20], А. С. Бушмина [25], Г. А. Белой [12], Н. М. Лейдермана [85] и др. В основу исследования также легла концепция художественного мира писателя и его творческой индивидуальности, содержащаяся в вузовских учебниках таких авторов, как А. Б. Есин [54], Н. Д. Тamarченко [138], Л. В. Чернец [180], А. Н. Андреев [6] и др.

В процессе работы над диссертацией большое значение для нас имели труды известных ученых, работающих в области исследования детской литературы: Ф. И. Сетина [132], И. П. Лупановой [93], И. Г. Минераловой [101], И. Н. Арзамасцевой и С. А. Николаевой [7], Е. Е. Зубаревой [59], Е. О. Путиловой [125], С. И. Сивоконь [133], М. И. Мещеряковой [99], З. А. Гриценко [41] и др.

Теоретико-методологическую основу диссертационной работы также составили исследования литературоведов Урало-Поволжья, посвященные изучению путей развития национальных литератур. В их работах уделено внимание и проблемам детской литературы, в том числе – вопросам теории. Это работы З. А. Богомоловой [15; 19], В. М. Ванюшева [27], А. Н. Уварова [143], Р. А. Кудрявцевой [79], Л. Н. Буркова [24], В. В. Пахоруковой [114], Л. А. Косовой [75], С. А. Югова [194], Т. Л. Кузнецовой [80], Т. И. Кубанцева [78], О. И. Налдеевой [107], Л. М. Иммангуловой [70], Т. М. Еремчевой [50], В. Г. Родионова [128], А. И. Мефодьева [98], Г. А. Ермаковой [51], Л. И. Мингазовой [100], Р. Ф. Кукушкина [81], А. Р. Абдулхаковой [1], Р. М. Ураксиной [148], Г. М. Буляковой [22] и др. В своей диссертации мы учитываем идеи, высказанные по поводу начального этапа развития удмуртской литературы для детей и детской книги Удмуртии в кандидатских диссертациях

Т. Г. Волковой [32] и И. Ф. Павловой. Позже диссертация И. Ф. Павловой была издана в виде монографии [112].

В связи с проблемой, поднимаемой в диссертации, актуальной становится категория «художественный мир». Круг научных работ, посвященных описанию понятия «художественный мир», очень широк. Более того, интерес к его исследованию продолжает активно развиваться. Ученые рассматривают данную категорию на разных уровнях: отдельного произведения и нескольких произведений, творчества одного автора и творчества различных авторов, представляющих единое литературное направление, метод, национальную культурную традицию.

Серьезный анализ истории разработки понятия «художественный мир» в российском литературоведении осуществлен в статьях Б. В. Кондакова и Т. Д. Попковой «Художественный мир литературы и феномен детского мирознания» [73; 74] и в первом параграфе «Категория “художественный мир” в работах современных отечественных литературоведов» первой главы диссертации С. С. Циммерман «Художественный мир прозы И. А. Бунина в сознании учащихся 11 класса» [179]. Обобщая существующие трактовки понятия «художественный мир» («внутренний мир», «поэтический мир», «художественная реальность», «мир литературного произведения», «авторский мир», «художественная вселенная» и т.д.), названные авторы делают вывод о том, что в схожих ситуациях эти термины употребляются как синонимы.

Исходным в изучении творческого наследия Г. Ходырева для нас является понимание «художественного мира» Д. С. Лихачевым, который определяет это понятие как «мир действительности в ... творческих ракурсах», которые «подлежат всестороннему изучению в связи со спецификой художественного произведения и прежде всего в их художественном целом» [89, с. 75]. Принципиальное значение имеет и более широкая трактовка термина Л. В. Чернец, рекомендующего использовать его «как синоним творчества писателя» [180, с. 191]. Указывая на концептуальный характер мира писателя, А. Чудаков пишет, что это «оригинальное и неповторимое видение вещей и духовных феноменов,

запечатленных словесно» [185, с. 3]. Ценными при анализе художественных текстов для нас явились и идеи ученых, считающих, что поэтический мир автора – это «постоянные темы, установки, мысли, которыми пронизаны все его произведения – на разных уровнях и в самых разных аспектах, компонентах и т. п.» [55, с. 213]. Для понимания художественно-речевой системы писателя мы обращались к исследованию Д. М. Поцепня «Образ мира в слове писателя» [124]. В диссертации обращались и к идеям А. Д. Хуторянской, изложенным в работе «Параметры художественной картины мира в литературоведении» [178].

Своеобразным продолжением и развитием исследований категории «художественный мир» выступают труды ученых, актуализирующих проблему «национального образа мира». Однозначного его обозначения в науке нет: «национальная картина мира», «национальная модель мира» и др. Яркими выразителями этого аспекта изучения литературы являются Г. Д. Гачев [37], Г. И. Ломидзе [90], К. К. Султанов [137] и др. Различные концепции «национального образа мира» обобщены в диссертационных исследованиях С. В. Шешуновой [187], Е. А. Малкиной [94]. Формы выражения национальной картины мира описаны в работе Е. А. Федоровой «Этнокультурные и социокультурные проблемы современной коммуникации» [155].

В диссертации использована совокупность **методов литературоведческого анализа**, наиболее эффективно способствующих решению поставленных задач: историко-литературного, биографического, проблемно-эстетического, структурно-аналитического, структурно-описательного, сравнительно-типологического методов.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты, полученные в процессе исследовательской работы, могут быть применены учеными при издании «Истории удмуртской детской литературы», школьных и вузовских учебников. Диссертация открывает перспективы для дальнейшего изучения художественного мира удмуртских детских авторов в их сопоставлении и в контексте литератур для детей народов Урало-Поволжья и народов России в целом. Материалы исследования могут быть использованы при разработке

вузовских дисциплин – «История удмуртской детской литературы», «Финно-угорская детская литература», а также в ряде спецкурсов – «Творческая индивидуальность Г. Ходырева», «Удмуртская детская литература в школьном обучении», «Детские писатели финно-угорских народов», «Мир детства в литературе народов России» и др. Кроме того, наблюдения, сделанные при анализе детских текстов, могут найти применение в работе специалистов детских дошкольных учреждений, дополнительных образовательных учреждений для детей, детских клубов, домов культуры и т. д. Материалы диссертации могут быть полезны при формировании к изданию антологии удмуртской детской поэзии и прозы. Важно заметить, что произведения Г. Ходырева, к сожалению, не были включены в зарубежные издания антологий удмуртской литературы [202; 203].

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и одобрена на расширенном заседании кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в более чем 20 публикациях, в том числе в трех рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК. По теме диссертационной работы сделаны научные сообщения и прочитаны доклады на научно-практических конференциях различного уровня – *международных*: X Международная научно-практическая конференция «Ашмаринские чтения» (Чебоксары, 2016), Международная научно-практическая конференция «Творческое наследие П. Хузангая в культурном пространстве современности (поэтические миры П. Хузангая)» (Чебоксары, 2017), Международная научно-практическая конференция «Литературное наследие региона: сохранение, интеграция в цифровую среду, перспективы чтения» (Сыктывкар, 2017), V Международная научно-практическая конференция – Надькинские чтения «Гуманитарные науки и стратегии образования: пути интеграции» (Саранск, 2017), Международная научно-практическая конференция «Богомолдовские чтения – I» (Ижевск, 2018); *всероссийских*: III и IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы марийской и сравнительной филологии»

(Йошкар-Ола, 2016, 2017), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Коми-пермьяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее» (Пермь, 2015), Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Слово и текст в культурном и политическом пространстве» (Сыктывкар, 2016, 2017), Всероссийская конференция «Петраковские чтения» (Ижевск, 2016, 2017), Всероссийская 50-я научная студенческая конференция по техническим, гуманитарным и естественным наукам Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова» (Чебоксары, 2016), Всероссийская 51-я научная студенческая конференция по техническим, гуманитарным и естественным наукам Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова» (Чебоксары, 2017), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Русский язык в диалоге культур» (Саранск, 2017), Всероссийская научная конференция «Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия» (Сыктывкар, 2017), Межвузовская научная конференция «Кормановские чтения» (Ижевск, 2018); *межрегиональных*: Межрегиональная научно-практическая конференция «Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность» (Глазов, 2015 г.), Межрегиональная научно-практическая конференция «Национальная литература республик Поволжья: проблемы межкультурной коммуникации» (Казань, 2016), Региональный фестиваль студентов и молодежи «Человек. Гражданин. Ученый» (Чебоксары: 2016, 2017) и др.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Объем диссертации – 202 страницы, список литературы включает 254 наименования.

Глава I. ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ Г. ХОДЫРЕВА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

§ 1.1. Творческая биография и индивидуальность художника слова

Удмуртская детская литература, являясь неотъемлемой частью литературы республики, тесно связана с жизнью народа и историей страны. Общеизвестно, что у каждого талантливой поэта есть своя миссия и сверхзадача. Суть этой миссии «определяется тремя факторами: драмой времени, то есть эпохой, в которой выпало жить поэту, мерой дарования, а также направлением вектора его творческой и духовной воли» [71, с. 335]. Г. Ходырев имеет и незаурядный талант, и обладает чутким ощущением времени, верен одной аудитории – детской.

Говоря об основных принципах анализа художественного мира писателя, русская философская критика придавала особое значение личности автора, поскольку художник стремится «индивидуально воспринимать и воплощать этот всеобщий существенный смысл мира и жизни» [136, с. 401]. Это умение «называется дарованием, гением», ее выражение – «вдохновением» [136, с. 401]. В основе художественного мира писателя – авторский идеал, поскольку у каждого автора в области искусства «один центр, изредка несколько, но всегда немного, около которых группируются все его создания» [129, с. 39]. Традиции русской философской критики в изучении «художественного мира» были продолжены советскими литературоведами, каждый из которых расставлял свои акценты в трактовке творческой индивидуальности писателя. В частности, это работы С. Бочарова [21], А. Бушмина [25], В. Линкова [88], С. Шаталова [186] и др. Важнейшей составляющей «большого совокупного мира писателя» (С. Бочаров) ученые считают творческую индивидуальность писателя.

В диссертации мы придерживаемся мнения тех ученых, кто полагает, что литературоведческий термин «творческая индивидуальность писателя» шире понятий, непосредственно связанных с мастерством и талантом писателя. Она

также включает в себя эстетическую позицию писателя как отражение его мировоззренческих позиций и общественных взглядов, как выражение его мироощущения и миропонимания [См.: 84, 92; 106; 33; 39; 177 и др.]. В диссертационной работе термины «творческая индивидуальность» и «творческая личность» применяются в синонимическом значении.

В работе отмечается, что творческая индивидуальность писателя, являясь реальным фактором литературного развития, не идентична исторической личности художника. Это явления не разнородные и в то же время не тождественные. На трудность выявления оригинальности писателя указывал В. Белинский. Критик считает, что все произведения писателя, «как бы ни были разнообразны по содержанию и по форме, имеют общую им всем физиономию, запечатлены только им свойственною особенностью, ибо все они истекли из одной личности, из единого и нераздельного я» [13, с. 307]. Важно то, что «приступая к изучению поэта, прежде всего, должно уловить в многообразии и разнообразии его произведений тайну его личности, то есть те особенности его духа, которые принадлежат только ему одному» [13, с. 307].

Значение творческой индивидуальности Г. Ходырева в развитии удмуртской детской литературы второй половины XX века трудно переоценить. Велика роль поэта в выходе национальной детской литературы на общесоюзную литературную арену. Глубокое постижение творческой индивидуальности Г. Ходырева позволяет выявить внутренние связи и закономерности, присущие как его отдельным произведениям, так и всему творчеству в целом, т.е. описать художественный мир мастера. В свою очередь, это позволяет увидеть, как в писательском опыте Г. Ходырева, в его художественном мире со всей полнотой и выраженностью обнаруживаются особенности эволюции национального литературного процесса, складываются перспективные тенденции развития удмуртской детской литературы.

Общеизвестно выражение, что без познания творца бедно познание творения, поскольку именно постижение автора приближает нас к сути и смыслу его произведений. Для творчества Г. Ходырева характерны поиски

индивидуального способа воплощения образа мира ребенка, отражающего его личное художественное сознание. Не случайно все близко знающие поэта современники отмечали его особый «детский взгляд» на мир. Актуализация индивидуального творческого потенциала, выдвижение на первый план личностного «ходыревского» начала, обусловившего появление в национальной детской литературе самобытных художественных произведений, было упущено из виду и не понято критикой. (Рецепция произведений поэта в критике была подробно освещена в первой главе диссертации.)

Творческая индивидуальность Г. Ходырева, основные факторы, определяющие своеобразие его поэтического мира, наиболее ярко раскрываются в соотнесенности с биографией поэта, индивидуально-творческим процессом. Важно отметить, что «в лирической поэзии биография поэта обретает большую значимость, нежели в произведениях других литературных родов» [47, с. 11].

Основные «слагаемые» творческой индивидуальности Г. Ходырева тесно связаны с биографией: большое влияние на его поэзию оказали детские и юношеские годы. Родился Герман Ходырев в семье учителя. Семья поэта получила весть с войны о том, что Алексей Ходырев пропал без вести. Началось компрометирование фамилии Ходыревых. Юноше пришлось отказаться от мечты получить образование в столичных институтах, и это сказалось на творческих установках будущего поэта: он всегда стремился к внутренней свободе и отличался обостренным чувством справедливости. В семье Ходыревых находились книги репрессированных писателей: Кузубая Герда, Кедре Митрея, Михаила Коновалова и др. В основе творчества названных писателей – народная эстетика и одновременно их творчество характеризует активное обращение к опыту русских классиков. Это во многом обусловило эстетические предпочтения и нравственные установки будущего поэта. Г. Ходырев говорил: «Рассказы матери об известных деятелях удмуртской культуры и литературы и сейчас помогают мне разобраться в том сложном (20–30-е гг.) времени» [Цит. по: 18, с. 404].

Творчество писателя связано с его биографией, но как социально-эстетический феномен оно определено значительно более широкими общественными, политическими, духовными процессами. Интересны в этой связи мысли М. Храпченко, высказанные в работе «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы». Относительно содержания этой категории, ученый считает, что «не подлежит сомнению значительная роль в формировании творческой индивидуальности писателя эстетических запросов времени, к которым так или иначе писатель определяет свое отношение» [177, с. 87].

Ученые считают, что в системе литературных течений и направлений, их сложных взаимосвязей существенным компонентом предстает индивидуальное дарование, своеобразие художника слова. К субъективным факторам, реализующимся в произведении писателя и отражающим его индивидуальность, относят мироотношение автора, его художественный дар, профессиональное мастерство, творческие цели, жанровые предпочтения, метод, пафос, стиль, установку на читателя и др. Напомним, что субъективные факторы находятся в прямой взаимосвязи с объективными: политическими, общественными, гражданскими течениями, играющими большую роль в становлении индивидуального мировоззрения писателя. Здесь же следует назвать эстетические идеалы эпохи, современный художнику литературный процесс. К особо значимым факторам, обуславливающим индивидуальность писателя, Н. Лейдерман относит культурно-эстетический фонд писателя. Литературовед выделяет такие составляющие, как «культурная среда, в которой происходило формирование личности, и круг чтения – корпус любимых и вызвавших наиболее сильное эстетическое впечатление книг, немаловажен также уровень образованности и сфера обучения (то, что теперь называют “профилем”)» [84, с. 12].

Важным периодом в формировании художественной индивидуальности Г. Ходырева и его литературных навыков стали годы учебы в Можгинском педучилище (1948–1952), ставшем в республике «кузницей» литературных кадров. Об этом сам Г. Ходырев вспоминает, что войти в литературу, полюбить и

понять красоту родного слова ему «помогли умения, полученные в Можгинском педучилище»* [235, с. 5]. Далее поэт пишет: «Отсюда я часто ездил в Ижевск, всерьез взялся за писательство» [235, с. 6].

А. Миронов считает, что рассуждать об истоках творчества писателя или художника нельзя, не учитывая «его интересы, пристрастия, увлечения идеями, принципами, именами, тем более что интересы эти могут претерпевать некоторые изменения в процессе развития творческой личности» [102, с. 76]. Таким образом, при изучении творческой индивидуальности писателя важно установить, в каких условиях, на какой культурной почве, под чьим воздействием формировалась личность автора.

В период обучения в педагогическом училище на развитие художественных пристрастий юного Ходырева сильно повлияла его дружба со старшекурсником, уже известным в республике молодым литератором Михаилом Покчи-Петровым. Покчи-Петров был старостой популярного студенческого литературного кружка г. Можги. Позже о его роли в своем литературном самоопределении Г. Ходырев писал: «"Ну вот, убедился? – вселил в меня уверенность Миша, – твой стих теперь напечатают. Ты же не хотел поехать!" Миша не зря сказал это: 9 апреля 1949 года в газете "Советской Удмуртия", на ее третьей странице, рядом со стихотворениями других начинающих авторов, было напечатано и мое стихотворение "Кузнец"» [235, с. 50].

Первостепенную роль в раскрытии творческого потенциала Г. Ходырева сыграли удмуртские писатели Михаил Петров и М. Покчи-Петров. Оба писателя активно откликались на актуальные события и проявляли себя художниками-новаторами, одновременно с этим они тяготели и к национальному фольклору, и к произведениям классической литературы. Именно в эти годы многие национальные деятели «сверху» считали, что фольклор тормозит развитие профессиональной литературы. Необходимо было бороться за «право» фольклора быть включенным в художественный процесс. К примеру, М. Петров в рецензии,

* Здесь и далее, где не указан переводчик, удмуртский текст приводится в дословном переводе автора диссертации – Ю. Р.

посвященной книге рассказов для удмуртских детей «Сюрес вылын» («В пути», 1953), пишет, что в сборнике «мало ярких сравнений, метких поговорок и т. д. Молодые авторы не пользуются фольклором» [118, с. 198].

Автор знаменитого удмуртского романа «Старый Мултан», М. Петров сразу уловил художественную интуицию и природный поэтический дар начинающего литератора. Сам Г. Ходырев неоднократно признавался, что М. Петров был его наставником. В статье «Дорожу своей дорогой» Г. Ходырев пишет, что «путевку» в детскую литературу ему дал М. Петров: «Как-то в июле 1955 года я зашел в редакцию “Молота”. М. Петров читал какую-то рукопись. <...> “Вот мы готовим августовский номер журнала. Хорошо бы дать что-то свежее из детской поэзии. Написал бы что-нибудь! Вспомни свое детство, какой-нибудь случай, и напиши. Только забавно, смешно. Думаю, сделаешь!” <...> Когда я показал стихотворение Петрову, он искренне поздравил меня. “Конец надо немножко подредактировать, и стихи – есть! Я вижу тебя, слышу твою радость и голос”, – сказал Петров. И добавил: “У каждой птицы своя песня, чтобы ее не путали с другой. Или возьмем цветы. Разве они одинаково пахнут? Так должно быть и в поэзии”. Похоже, это напутствие и помогло мне вступить в мир детской литературы» [172, с. 6–7]. Речь идет об одном из лучших стихотворений Г. Ходырева «Кызы мон будй» («Как я рос») [215, с. 16], давшем название поэтическому сборнику «Кызы мон будй», который вошел в «золотой фонд» удмуртской детской литературы и поначалу не был воспринят критикой.

Можно говорить о том, что ни один из начинающих в те годы молодых авторов не вызывал у М. Петрова такого пристального интереса, как Ходырев Герман. О том, как начиналось творческое взаимодействие двух писателей, свидетельствуют воспоминания фольклориста и литератора Петра Поздеева. Рассказывая о встрече М. Петрова со студентами, посещавшими литературный кружок, он вспоминает один яркий пример, раскрывающий восприятие критиками-современниками книги «Ѕардон азын» («Перед рассветом», 1952). Образ ведущего героя петровской повести «Ѕардон азын» коммуниста Боброва подвергся суровой критике за слабость характера, за его сочувствие к «низовым»

колхозникам и другие «некоммунистические» поступки. «Надежда Петровна Кралина в статье, появившейся в газете “Советской Удмуртия”, меня (М. Петрова – Ю. Р.) упрекает в том, что я не изображаю жизнь советских граждан так, как этого требует метод социалистического реализма. Эту же позицию в спорах занял и Михаил Горбушин» [213, с. 150]. Тут выясняется, что первокурсник Г. Ходырев напечатал статью в защиту прозаика.

Помимо созидательного использования элементов народной культуры, М. Петров призывал удмуртских авторов учиться образным средствам художественно-изобразительной выразительности, концептуальности, меткости выражения у русских классиков. «Читая наших старших братьев, русских, я всегда поражаюсь глубине мысли. И это не простое удивление, это – учеба, научение мыслить. Учиться нам надо, учиться у классиков, учиться и подражать, подражая учиться, подражать с новой глубиной мысли, а не по готовому трафарету – это маловато», – воодушевленно писал удмуртский автор (Цит. по: [46, с. 369]).

Благодаря искренней заинтересованности М. Петрова, параллельно со стихотворчеством Г. Ходырев начинает работать над переводами художественных текстов. Можно считать, что М. Петров «свел» Г. Ходырева с украинским поэтом П. Воронько, произведения которого переводил на русский язык С. Я. Маршак. Большой детский писатель приветствовал интерес украинского детского автора к фольклору. Так, в первой половине 1950-х гг. украинская детская поэзия зазвучала на удмуртском языке. Заслуживают особого внимания воспоминания Г. Ходырева о собственной работе над переводами стихотворений Платона Воронько: «Это поэт открытой, солнечной улыбки, его мягкое, доброе слово проникает в самое сердце, заставляет задуматься, интеллектуально совершенствоваться» [235, с. 41]. М. Петров хорошо понимал, что работа над переводами, освоение опыта развитых литератур помогут Г. Ходыреву вырасти в настоящего мастера художественного слова.

Рост литературного мастерства Г. Ходырева наглядно отражается в имеющихся вариантах перевода стиха «Про бычка» П. Воронько на удмуртский язык в разные периоды их сотворчества.

«По дорозі біг бичок,
Бачить – лізе їжачок.
Як лизне його бичок,
Поколовся – та вбочок.
Їжачок сміється: “То-то,
Не бери всього до рота!”»

[204].

«Встретил ёжика бычок
и лизнул его в бочок.
Но лизнув его, бычок
уколол свой язычок.
А колючий ёж смеётся:
– В рот не суй, что попадётся»

[210, с. 10].

Г. Ходырев вспоминает, что первый перевод этого стихотворения он сделал в 1953 году:

Адзиз ошак чүшгялэз,
Нюлыштйз нырзэ солэсь.
Нюлыштйз сое ошак,
Аслэсьтыз кылзэ бышказ.
Нош венё чүшгял шуэ:
– Ымад эн тыр, мар сюре!

[235, с. 41].

Увидал бычок ежа,
Лизнул его в нос.
Лизнул его бычок,
Уколол свой язык.
А игольчатый еж говорит:
– Не бери в рот все, что придется!

Для перевода характерно употребление приблизительных и неточных рифм: «чүшгялэз – солэсь» / «ошак – бышказ» / «шуэ – сюре». Повторяющийся глагол «нюлыштйз» (лизнул) в первой и второй строфах стихотворного текста художественно себя не оправдывает, стих лишается образности, динамичности, выразительности. Новая версия перевода стихотворения появилась в 1989 году:

Чүшгялэз ошак адзиз,
Көтурдэссэ нюлыштйз.
Нюлыштйз но туж кышказ,
Аслэсьтыз кылзэ бышказ.
Чүшгял шуэ серем пыр:
– Мар сюре – ымад эн тыр!

[235, с. 52].

Ежа бычок увидел,
За бочок его лизнул.
Лизнул – и очень испугался,
Язык свой уколол.
Еж говорит, ухмыляясь:
– Все, что придется, – в рот не бери!

Последняя версия перевода стиха отличается более тонким одухотворением природного мира. Окружающая действительность оживает, приобретает легкую приподнятость. Рифмы и ритм значительно точны: «адзиз – нюлыштйз» / «кышказ –

бышказ» / «серем пыр – эн тыр»; четкость и прозрачность стиха углубляют смысл текста. В начальном варианте перевода стихотворения повторы механические, сделаны неумело, не соблюдена внутренняя образность слова («Нюлыштйз нырзэ солэсь. / Нюлыштйз сое ошак...»). Во втором варианте стихотворные строки звучат более колоритно, обретают экспрессивность: «Көтурдэссэ нюлыштйз. / Нюлыштйз но туж кышказ...» [235, с. 41; 230, с. 52].

Изучение творческих взаимоотношений М. Петрова и Г. Ходырева – это проблема, требующая целостного подхода и коллективных усилий. В их отношениях отражается закономерность, характерная для всей удмуртской литературы послевоенного периода. Хорошим ориентиром в этом направлении представляются наблюдения венгерского финноугроведа Петера Домокоша, который говорил о большом воздействии личности М. Петрова на «формирование современного национального художественного сознания» [46, с. 462].

Следующая ступень, особо значимая в формировании и развитии творческой индивидуальности Г. Ходырева – это годы учебы в Удмуртском государственном пединституте (1955–1960). К сожалению, в этот период, в 1955 году, не стало писателя-наставника М. Петрова. В институтские годы Г. Ходырев самоопределился как автор, пишущий для детей. Это и было завещано ему учителем. Именно в студенческую пору Г. Ходыревым были изданы первые две книжки для детей дошкольного возраста: «Милям азбарамы» («У нас на дворе», 1957) и «Кызы мон будй» («Как я рос», 1959).

В дальнейшем становлении и развитии художественного сознания Г. Ходырева как детского писателя большую роль сыграл классик удмуртской литературы для детей А. Н. Клабуков (псевд. Аркаш Багай, 1904–1984). Г. Ходырев в своих воспоминаниях особо выделяет пытливый ум и удивительную интуицию А. Клабукова: «После М. Петрова за моими шагами внимательно и, главное, доброжелательно следил наш старейший детский писатель Аркадий Николаевич Клабуков. Он большой знаток фольклора своего народа, тонко чувствует юмор, музыкальность фольклора. У него есть чему поучиться. Это он

привил мне привычку постоянно изучать устное творчество, без чего немислимо творческое обогащение литератора» [171, с. 14].

Идеи А. Клабукова получили яркое выражение в творческих исканиях Г. Ходырева. Многие стихи Г. Ходырева, как и А. Клабукова, адресованы младшей возрастной группе читателей, вернее – слушателей. В основе поэтики малышей стихотворений художника слова – клабуковские традиции, связанные с движением, игрой, юмором. Оба писателя мастерски используют ямб, хорей, дактиль и анапест, столь характерные для национального фольклора. При помощи аллитерации и ассонанса, умело прибегая к приему звукоподражания, передают динамику смены настроений ребенка. Их стихотворениям для малышей присущ подвижный интонационный рисунок, насыщенность конкретными образами, в них нет пространных моралистических сентенций, но подлинность жизни и непосредственное отношение ребенка к реалиям окружающего мира. Влияние А. Клабукова на Г. Ходырева сохранится на разных этапах пути поэта, в творчестве обоих авторов обозначены универсалии и принципы поэтики детского стиха, восходящие к фольклору.

Сравним на примере двух стихотворений (знаменитой дразнилки А. Клабукова «Куатаськись» («Обидчивый») и дразнилки Г. Ходырева «Ляли») ритмические и смысловые переключки рассматриваемых авторов:

Куата`пуйы`, куатали` ¹ ,	Ты, мешок с обидой, обидяка,
Куака`пиез` кут` али!	Вороненка поймай-ка!
Куать` пуйы` кеньыр` сётоз`,	Шесть мешков крупы всучит,
Куата`ськемысь` дугдытоз`!	Обижаться тебя отучит!

[208, с. 52].

Сложное сочетание в стихотворных строфах двусложного и трехсложного метров – ямба, хоря и анапеста – не создает впечатления сложности, умелое сочетание размеров, рифм и звука «куа» упорядочивают текст, связывают в единую словесную цепочку, делая привлекательным и произносимую читателем на одном дыхании. А ходыревская дразнилка «Ляли» строится на другом

¹ Куатапуйы, куатали – дразнилка, игра слов, адресованная обидчивому человеку.

сочетании метров – хорее и ямбе, но и клабуковская, и ходыревская похожи по форме, и даже звучат почти одинаково:

Ля`ли, Ля`ли,
Сыл` али,
Кузь` ньör у`тча,
Кут` али...

[242, с. 47].

Ляля, Ляля,
Лялечка,
Стой, погоди!
Длинный прутик поищи
Да возьми-ка...

Уточним, что при произношении последнего слога, как и в случае клабуковской считалки, ямб – в сочетании с глаголом в повелительном наклонении – теряет ударение в конце и создает размер дактиля, превращая рифму женскую в мужскую (имеется в виду в частице «али» («-ка»)). Анализируя особенности удмуртского стихосложения, Л. Айтуганова пишет, что в национальной поэзии «женская рифма употребляется только чередуясь с мужской...» [3, с. 122]. Исследователь права, однако талантливые авторы умело пользуются и женской рифмой. Подтверждение этому – продемонстрированный выше пример.

Обращаясь непосредственно к своеобразию поэтического мира Г. Ходырева, важно заметить, что фольклорный жанровый опыт, воспринятый в том числе через посредничество А. Клабукова, особо эффективно сказался на авторских шуточных стихах, дразнилках, скороговорках, потешках, считалках, небылицах и др. Такого рода «короткие» ходыревские стихи необычайно популярны и любимы детьми. Их заучивание стало семейной традицией не у одного поколения удмуртских читателей. Эмоциональная сила стихов Г. Ходырева – в артистической игре словом: многие его стихотворения отличает виртуозная техника словотворчества, характерная для народной поэзии. «Смешные» стихи Г. Ходырева, как их нередко называют в читательской среде, обнаруживают также близость с поэзией советских русских детских писателей. Наиболее успешно Г. Ходырев применял аллитерации, активно используемые, например, А. Барто, С. Маршаком, К. Чуковским, и др. Комбинирование разных звуков, выполняющих интонационные и звукоподражательные роли, придает стихам Г. Ходырева слуховую осязательность и зрительную осязательность:

Читыр-чутыр,
Кытыр-котыр
Бызиськод тон, Нязь!

[242, 46].

Читыр-чуртыр,
Кытыр-котыр*
Бежишь ты, Нязь!*

Или:

Тэк, ужтэк
Мöзме Онтон.
Олокытын
Мылпотон?

[242, 47].

Без дела, так просто
Страдает Антон.
И где ж теперь
Его «хочуха?»

Безусловно, творческая индивидуальность Г. Ходырева сформировалась в контексте русской поэтической культуры. Однако самобытность его поэзии определена, прежде всего, тесной связью с фольклором. Будучи ребенком, писатель был очень привязан к деду, который жил в дальней деревне. Восприимчивая душа мальчика впитала в себя народную мудрость, традиционные нравственные ценности. Это, как писали выше, во многом обусловило то, что на всех этапах творчества Г. Ходырева отличало активное использование художественных приемов, выразительных средств, жанров, свойственных народной поэтической культуре. Примечательна в этом плане одна из стихотворных миниатюр, напечатанная во втором номере журнала «Молот» за 1989 год (это произведение, кстати, не вошло ни в одну книгу поэта):

Кечат-вамат поръя Игнат.
Кырыж-мерыж шонтэ Гирыш.
Дыг но мог выре Кимок.
Тур но пар лöпша Захар.
Їуш но паиш поттэ Аркаш.
Нош Элесь – уг їыд ужлэсь!

[237, с. 61].

Вдоль и поперек носится Игнат.
Вкривь и вкось снует Гирыш.
Ни то, ни се ведет себя Кимок.
Несказанно раззадорился Захар.
Неугомонно разошелся Аркаш.
А Элесь – от работы не оторвать.

Так сочетаются в его стихотворениях способы, присущие устному народнопоэтическому творчеству и детской русской поэзии. Удмуртского поэта привлекает умение русской поэзии делать сложные философские, эстетические,

* Игра слов, передающая извилистое течение реки.

* Нязь – название реки в Удмуртии.

психологические, социальные идеи «взрослой» литературы достоянием детского ума и чувства.

Продолжая разговор о национальной литературной среде, в которой происходило становление поэтической личности Г. Ходырева, круге его чтения, следует обратиться к ходыревскому сборнику воспоминаний «Љеч визь-кенеш котьку дуно» («Добрый совет всегда дорог», 1989), в котором воссозданы поэтические «упражнения» маленького школьника. Забегая вперед, отметим, что интерес к автобиографическим записям станет существенной чертой художественной манеры зрелого Г. Ходырева. В воспоминаниях он пишет, что на формирование его художественных вкусов особенно повлияла поэзия классика удмуртской литературы Д.А. Майорова (1889–1923). Заслуживают внимания ходыревские описания того, как он со своим сверстником «впитывал» и «пропускал через себя» майоровскую самобытную образность, восторгался его тончайшим ощущением нюансов народной речи. Мальчишки-пострелы, читая стихотворение Д. Майорова «Тулыс» («Весна»), начинают воспринимать весеннее пробуждение окружающего мира сквозь призму его поэзии:

Ини шунды џемгес пота,	Уж солнце чаще всходит,
Куазед умой шунтэ.	В природе больше тепла.
Липет йылысь лымы шуна,	На крышах тает снег,
Отысь шаплы ву вия.	Оттуда бежит вода.

[См.: 235, с. 14].

Несколько позже юный Г.Ходырев напишет одно из своих первых стихотворений «Тулыс» («Весна», 1944), майоровский язык в его поэтической интерпретации приобрел новые собственные краски. Полный текст этого стихотворения, раскрывающий творческую лабораторию начинающего поэта и непосредственные истоки его творчества, обнаружен нами в названной выше книге воспоминаний «Љеч визь-кенеш котьку дуно». Приведенный отрывок из этого стихотворения наглядно показывает дар юного поэта – умение сочетать и зрительные, и слуховые, и тактильные образы, доступные для восприятия читателя-ребенка.

Кужмо вуэн жильыртыса,
Кошке шуред шаугетыса.
Быдэс дунне вожектэ,
Куара жинграк! шуккиське.
Бадьпу пучы лэзе ини,
Шунды шуныт пиштэ ини.
Кузь луэ нунал, йылэ,
Та пала шырчик лыктэ. <...>

[235, с. 3–4].

Лихо водами звеня,
С шумом катится река.
Нежно зеленеет лес.
Эха раздается смех.
Верба распускается,
Солнце улыбается.
День длинней, а в ближний лес
Возвращается скворец. <...>

Для сравнения вновь обратимся к строкам из стихотворения Д. Майорова «Тулыс»:

Бадьпу вылэ пучы потэ,
Тулысэз со возматэ.
Кытй-отй канаватй
Вуэд бызе, жургетэ...

[См.: 235, с. 15].

Почки вербы вылупляются,
Это – весна приближается.
По канавам тут и там
Ручейки бегут, журча...

Проиллюстрированные примеры подтверждают наши наблюдения о том, что истоки поэтической образности Г. Ходырева, с одной стороны, уходят в фольклор, с другой – вбирают в себя художественные нормы молодой удмуртской литературы, опирающейся на мощные традиции русской литературной классики. Поэт «мог находить едва уловимую грань между фольклорным и литературным, национальным и общечеловеческим, когда все эти начала не противоречат, но дополняют и углубляют друг друга в художественном тексте» [126, с. 38].

Г. Ходырев вырос в атмосфере межкультурной коммуникации, в его родных Алнашах тесно соседствовали русские, удмурты, татары, марийцы. А рос он в атмосфере, когда еще была сильна память о Великой Отечественной войне, когда каждый ребенок знал о существовании врага, потому и делил мир на «наших» и «не-наших». Писателю предстояло восстановить целостность разрозненного мира в восприятии детской души. На творческие установки Г. Ходырева не могло не повлиять усвоение гуманистических традиций русской литературы, в основе которой «утверждение идеалов личности и общества, к которым каждая личность должна стремиться; призыв к утверждению этих

идеалов в жизни; убеждение в реальности и действенности высших ценностей; гуманизм в аспекте добра, сострадания, жертвенности как центральная идея большинства литературных произведений» [192, с. 168].

Как уже отмечалось, для современного читателя актуальными остаются слова Ю. Кушака о том, что «Герман Ходырев – один из лучших поэтов Удмуртии. У него есть остроумные и смешные стихи. Есть серьезные и глубокие» [195]. А еще Г. Ходырев вел большую собирательскую работу, являясь своеобразным летописцем истории удмуртской литературы. Много лет он работал внештатным корреспондентом газеты «Литературная Россия», «Бюллетеня Союза писателей СССР», в которых печатались его статьи и подготовленная им информация о значительных событиях, памятных датах из хроники Союза писателей Удмуртии. Хотя включенность поэта в общественные, политические и др. процессы времени не прямо пропорциональна художественным достижениям автора, но все это так или иначе воздействует на личность художника, определяет его творческую индивидуальность.

В книге «Чале ми вöзы» («Давайте с нами вместе», 1982) есть раздел «Дуно эшъёсылэн чуръёссы» («Стихи моих дорогих друзей»), в котором представлены в переводе Г. Ходырева стихотворения П. Воронько, И. Курлата, О. Поскребышева, Г. Ладонщикова. Сотрудничество Г. Ходырева с московским детским писателем Г. Ладонщиковым стало событием в литературной жизни Удмуртии. Г. Ладонщиков был активным организатором литературных семинаров, посвященных проблемам развития удмуртской детской литературы, не раз участвовал в Днях советской литературы в Удмуртии. Под руководством и по инициативе Г. Ладонщикова издательством «Детская литература» был подготовлен к печати сборник стихотворений национальных поэтов страны, в который вошла и финно-угорская детская поэзия, в том числе и стихи Г. Ходырева. Имеются сведения о том, что Г. Ходырев высоко ценил переводы Г. Ладонщикова как адекватные оригиналу: «Когда он (Г. Ладонщиков – Ю.Р.) кого-то не мог перевести, говорил: “Группа крови не совпадает”. У нас с ним была одна “группа крови”. Этот поэт близок мне по духу» [См.: 18, с. 410].

Личность автора, восприятие мира, эмоциональный строй, жизненный опыт рождают неповторимость творческой индивидуальности Г. Ходырева. Эти субъективные факторы находятся в теснейшей взаимосвязи с таким явлением как его литературные и человеческие связи с многонациональной детской литературой. Г. Ходырева отличало умение налаживать связи и контакты с писателями разных национальностей. В частности, Г. Ходырев установил тесные связи с украинскими детскими писателями П. Воронько, И. Курлатом, Ю. Кушаком.

Возвращаясь к размышлениям о связи творчества Г. Ходырева с русской классикой, важно заметить, что опыт мастеров русской детской литературы удмуртский писатель осваивал целенаправленно. Во вступительном слове к книге «Чале ми вöзы» («Давайте с нами вместе»), Г. Ходырев пишет: «В 1950-е два года я работал в газете «Комсомолец Удмуртии». В те годы много читал, очень любил читать книги таких мастеров детской литературы как С. Маршак, С. Михалков, А. Барто, Л. Квитко, П. Воронько, Д. Гулиа и др. Произведения некоторых из них я перевел на удмуртский язык, например, стихотворения Воронько, Гулиа, Барто» [172, с. 6]. Или другое высказывание поэта: «В молодежной газете стали появляться мои детские стихи. Видимо, они в какой-то мере стали “откликом” на запомнившиеся вещи С. Маршака, С. Михалкова, А. Барто, Л. Квитко, П. Воронько, Д. Гулиа... Я для себя даже переводил их стихи» [171, с. 14].

Безусловно, произведения Г. Ходырева впитали в себя широкую литературно-художественную традицию, но более всего, пожалуй, в поэтическом творчестве Г. Ходырева узнаваемы черты поэзии А. Барто, в особенности ее изящные юмористические, ироничные строчки. Говоря об особенностях стихов А. Барто, написанных в «коротком» народном жанре, литературоведы подчеркивают их гражданственность и открытую авторскую позицию: «Стихи (А. Барто) непосредственны, как истинно детское выражение чувства, своего любознательного отношения к жизни. Вместе с этим, в них видно всегда небезразличное отношение к предмету, к мысли или чувству, к факту или явлению, которые исследует, оценивает поэт» [130, с. 406]. Сходство поэзии

Г. Ходырева с поэзией А. Барто наглядно проявляется в том, что большинство ходыревских стихов, о чем упоминалось выше, написаны для маленьких детей-дошкольников или младших школьников. Следует подчеркнуть, что их поэзию также роднит легкий стиль, игра словом, непринужденный юмор, жизнелюбие. Авторы, словно ровесники ребенка, разговаривают с ним простым языком, но точно и в рифму. Особо в этом плане отличаются стихи Г. Ходырева, вошедшие в сборник «Кызы мон будй» («Как я рос»). В контексте рассуждений стоит отметить, что одна из лучших книг А. Барто называется «Я расту». Удмуртский поэт занятно и весело, как и А. Барто, помогает маленькому читателю усвоить природные законы роста и развития:

– Соиз со зэм, – шуиз пересь, –
Лапег, уд будйськы:
Куазь зорыку, малы кыре
Тон чик уд потаськы?
– Нош зэм-а жог будод соку?
– Кызы уз луы зэм?
Милям атай но будыкуз
Жаль зор улын сылэм.

– И то правда, – сказал дед, –
Мал ты, не растешь:
Почему же под дождем
– Ты не стоишь совсем?
– А правда, что быстрее вырасту тогда?
– Ну как же не правда-то?
И мой отец, говорят, когда рос,
Под проливным дождем стоял.

[215, с. 16].

Искусно осваивая и интерпретируя традиции фольклора и русской классики, Г. Ходырев раскрывает хорошо знакомые сельскому ребенку (и взрослому) жизненные ситуации с неожиданно новой стороны и добродушно подшучивает над этим.

Вместе с непосредственными, легкими и игривыми стихами в арсенале Г. Ходырева немало и «стихов-бойцов». Он мог, не боясь и непринужденно, говорить с читающей аудиторией на разные темы, поднимал вопросы бытового, социального и экологического характера, был пронитателен в героических поэмах и сказочных жанрах, в документально-художественных повестях и рассказах, литературных портретах, в юмористических стихах, в поучительных стихотворениях-миниатюрах. В этом ряду можно назвать произведения, написанные в лиро-эпических жанрах и адресованные подросткам: поэма «Вортты тон, валэ!: Чилиысь пинал патриотъёслы» («Скачи, мой конь!: Юным

чилийским патриотам»), баллады «Кысонтэм тылси» («Неугасающий луч»), «Батыр Ожмег: Советской Союзлэн Героезлы гвардиысь сержантлы сйзисько» («Богатырь Ожмег: посвящаю Герою Советского Союза, гвардии сержанту Г. Ф. Ожмегову») и др. Все эти произведения вошли в книгу «Чале ми возы» («Давайте, с нами вместе», 1982). В общих чертах эти стихи можно назвать героико-патриотической лирикой. Помимо воспитательной функции, такого плана ходыревская поэзия несет в себе большую познавательную нагрузку, ее пафос – воспевание свободы, братства народов, мирного труда, патриотизма.

Разумеется, обращение Г. Ходырева к интернационально-патриотической тематике происходит под определенным воздействием героических традиций родного фольклора. Однако явно и влияние произведений русских писателей, активно откликающихся как на отечественные исторические события, так и на события международного освободительного движения. В главных чертах эстетическое отношение к духовной атмосфере эпохи становится общим для ряда писателей. Президент Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей Союза Советских обществ дружбы с народами зарубежных стран, член Международного Совета по детской литературе А. Барто призывала детских писателей служить идеалам гуманизма и объединению народов, своим творчеством и общественной деятельностью, всей своей жизнью она доказывала необходимость возвращать в ребенке веру в справедливость, чувство взаимопомощи и интернационализма.

Тема борьбы за свободу народа с особой силой воплощена в поэме «Вортты тон, валэ», воссоздающей историю дружбы удмуртского мальчика Очей и чилийца Луиса, познакомившихся в международном пионерском лагере «Артек». Поэма отражает настроения и чувства многих людей тех лет, для нее характерна конкретность образов (Луис Корвалан, Виктор Хара, Пабло Неруда, Юрий Гагарин, Олег Кошевой и др.), ясность языка, внутренняя энергия. В ходе развития сюжета, повествующего о реальных исторических событиях, происходит быстрая смена разворачивающихся на глазах читателя действий, от Валы и Камы

до чилийских саванн и ранчо, воссоздаются эпизоды, отсылающие нас к историческим фактам.

Тыныд сёто та книгаез.
Испан кылын ке но,
Тодод.
Сое гожтйз визьмо поэт,
Батыр поэт, бадзым поэт
Пабло Неруда!
<...>
Зарезь съёрын мукет кунъёс,
Турлыосыз вань со палан...
Чилиецлы туж дуноез
Їук жардонысь – СССР!
Соя азылань ми мынйськом,
Соя улон сюрес – шонер!
Корчагин, Кошевой, Гагарин –
Соос кадь будэме потэ!

[230, с. 42].

Тебе я дам эту книгу.
Хотя она на испанском языке,
Узнаешь.
Ее написал умный поэт,
Сильный поэт, большой поэт
Пабло Неруда!
<...>
За морем другие страны,
Разные есть страны там...
Чилийцу особенно дорога
Та, что на востоке – СССР!
Глядя на нее, мы идем вперед,
Сверяясь с ней – дорога – верная!
Корчагин, Кошевой, Гагарин –
Хочу вырасти таким, как они!

Произведение, отражая атмосферу своего времени, не обходит сложную идеологическую проблематику: идея гуманизма неотделима от идеи интернациональной близости людей. Несмотря на победу передовых идей революции, финал поэмы тревожен:

Но – өвёл на, өвёл
Сапкемын лек съосьёс,
Но – өвёл на, өвёл
Таркамын фашистьёс,
Кылемын на соос –
Їогьямтэ съёд кыйёс...
Чилиын съосьяське ай
Сьёдкиль Пиночет...

[230, с. 48].

Но не все еще хищники
Загнаны, изгнаны...
Нет, фашисты не все еще
Нами растерзаны,
Свора черных гадюк
В Чили – все еще есть...
Их вожак – Пиночет –
Всех пугает окрест...

Наряду с воссозданием «боевых» эпизодов, автор достаточно часто использует прием косвенного и прямого звукоподражания «Кылтыр-колтыр, / Дымбыр-дамбыр», «Йыг-дым! / Шлыч-шляч! / Тырк-торк!», «Шырк-шарк!», «Шыр-шар», «Тыпыр-топ! – Топ-тыпыр!», «Жингыр-жон! – Жон-жынгыр!», «Лыптыр-лоптыр», «Тапи-тап», «Тюри-тюр-р», «Ныс-ныс», «Шу-у-у!», «Гуж-ж-

ж», «Ме-э-э!», «Пи-пи-пи!» и т. п. Такого плана приемы придают тексту народно-сказительные и одновременно музыкально-поэтические интонации, «особую весомость» отдельным словам и фразам, динамизм, приподнятость, а порой и некую торжественность целым строкам.

О том, что в своем развитии Г. Ходырев учел творческие достижения русской детской литературы, говорит и созвучие его поэзии мыслям А. Гайдара, который справедливо считал, что счастье мирного труда нуждается в защите и охране. У Г. Ходырева есть замечательные стихи, написанные в возвышенных тонах, свойственных гайдаровской манере письма. Эти стихи укрепляют и развивают у ребенка историческое сознание и историческую память. Например, стихотворение «Кысонтэм тылси» («Неугасимый луч») посвящено памяти первого пионера Удмуртии Шуры Бабикова, зверски убитого белогвардейцами. Около двух месяцев мальчик подвергался бесчеловечным пыткам в холодном подвале, а 28 октября 1918 года полураздетым его вывели за село Карманово (Камбарский район УР) и расстреляли. Согласно воспоминаниям, мальчик назло своим врагам распевал революционные песни. В страстном ходыревском посвящении пионеру-герою торжествует вера в победу. Произведение проникнуто народным духом, романтическим пафосом борьбы, свободолюбием.

Тодьыос чигнаса ыбыло,
Кам шурлэсь кыдёке уз ни бызе.
Нош огзэ бурдьяськись тылсиез
Сьёд узвесь мышласянь
Лек сутйз на...
Выль отряд вамышъя урамтй,
Пёлазы кадь бырем геройзы но...
Тылсиез уката воректйз,
Гомзытйз кадь жингрес кырзанэз но!

Стреляют белые, отступая,
Да не уйдут они дальше Камы-реки.
Но один окрылившийся луч
Черный свинец жестокий
Догнал...
Шагает по улице новый отряд,
И погибший герой среди них...
Луч засверкал еще ярче, и от него
Звонкая песня вновь разгорелась!

[230, с. 14].

Чрезвычайная популярность стихотворения «Кысонтэм тылси» в подростковой читательской среде той эпохи объясняется не только его политической остротой, но и яркой выразительностью языка, особым эмоциональным строем. Общность поэзии Г. Ходырева и русских классиков детской литературы говорит

о том, что удмуртский поэт воспринял и преломил их традиции в своей художественной системе, подчинил их своим идейным задачам и поискам формы.

На важность литературного контекста в становлении творческой индивидуальности писателя указывает А. Блок, считавший, что любому лирику свойственно перенимание чужого голоса: «Поэт всегда хочет разное относиться к миру и разное воспринимать его и, вслушиваясь, перенимать разные голоса. Потому лирика нельзя накрыть крышкой <...>. Никакие тенденции не властны над поэтами. Поэты не могут быть ни “эстетическими индивидуалистами”, ни “чистыми символистами”, ни “мистическими реалистами”, ни “мистическими анархистами” или “соборными индивидуалистами”...» [14, с. 135]. Признанный советский поэт А. Твардовский считал, что усвоение предшествующей и настоящей культуры, есть «длительный путь чтения, самообучения» [139, с. 729].

Уникальность творчества Г. Ходырева, индивидуальное преломление в его произведениях ведущих, заданных временем художественных принципов может быть объяснено сменой эстетических парадигм в удмуртской литературе в целом. Эпоха «оттепели», так или иначе определившая приоритет свободного выбора для каждого участника литературного процесса, предъявляла писателю новые требования. Время ставило перед Г. Ходыревым другие задачи. Если вспомнить, что многие удмуртские писатели входили в большую литературу постепенно, долго и исподволь вырабатывая собственную манеру письма, то становится очевидным, сколь оригинальными и своеобразными были дебюты Г. Ходырева. Писатель смог заявить о себе неожиданно и быстро, обратить на себя внимание, открывая новые возможности художественного изображения действительности.

Литературные начинания Г. Ходырева поражали даже Флора Васильева. В одном из писем Г. Ходыреву, опубликованных в журнале «Вордском кыл» («Родное слово») современным поэтом А. Перевозчиковым, есть флоровское признание: «Ты просто молодец. Нечего сказать. Твои дела идут в гору. Читал твои стихи в “Молоте”. Скоро выйдет твой второй сборник. Давай, издавай сборник на русском языке. Если эти стихотворения переведены так же хорошо, как в прошлый раз, которые ты мне присылал, книга получится замечательной.

Все-таки Курлат замечательно переводит. <...> Поддерживайте творческие связи друг с другом. Завидую я тебе, понимаешь. Действуй давай, не сдавайся. А вот мои литературные дела тормозят. В последнее время ни одно стихотворение не написано» [См.: 115, с. 53].

В удмуртской детской литературе довоенных, военных и первых послевоенных лет главенствующим был романтико-патетический стиль. Центральной темой, разрабатываемой детской литературой, являлась проблема формирования личности ребенка в условиях классовой борьбы или идейного противостояния взрослых людей, придерживающихся разных взглядов на жизнь. Г. Ходырев одним из первых в удмуртской детской литературе новой эпохи обратился к изображению будней ребенка во всей их конкретной повседневности. Важнейшим художественным принципом в изображении повседневной жизни ребенка на новом историческом этапе для него стала стилизация устной детской речи. Такая ходыревская лирика по-своему гуманизировала социальную тематику, снижала напряжение времени.

В поэзии Г. Ходырева детство заговорило своим языком, детская литература получила эстетическое оформление как особая область национального художественного слова. Важно подчеркнуть, что творческая личность Г. Ходырева явилась для удмуртской детской литературы одновременно и сферой эстетических притяжений, и детонатором новой художественной энергии. Уверенность поэту в правильности своих поисков придавало издание его книг в центральных издательствах [224; 225; 231; 254 и др.].

Творческая индивидуальность Г. Ходырева оказалась шире родного социоисторического контекста. Уходя корнями в народную, по своей сути, систему взглядов и воззрений на мир и человека, художественное мышление Г. Ходырева соединило конкретику действительности и тяготение к пересозданию этой действительности с помощью условных форм, красивого художественного вымысла. Характерную особенность художественного мира Г. Ходырева определило сочетание свойственной для удмуртской литературы реалистической традиции, активно разрабатывающей тему деревенской жизни, и традиции

русской поэзии, склонной к эстетизации окружающей реальности. В конечном итоге поэтический мир Г. Ходырева являет собой поэзию чувства и поэзию гражданско-патриотической мысли.

§ 1.2. Творчество Г. Ходырева в критике и литературоведении

Среди удмуртских детских писателей второй половины XX века имя Германа Алексеевича Ходырева по сей день занимает одно из самых значимых мест. Автор широкого диапазона, он писал стихи и прозу, баллады, песни, поэмы, сказки, рассказы и повести, как художественные, так и документальные; писал не только для младших школьников и самых маленьких детей, но и для подросткового и юношеского возраста. Одновременно с художественным творчеством, Г. Ходырев профессионально занимался журналистикой и литературно-критической деятельностью, постоянно говорил об актуальных задачах детской литературы, выступал за расширение круга чтения удмуртских детей, за включение в него лучших произведений устного народного творчества, произведений посмертно реабилитированных удмуртских писателей, детских книг русских и зарубежных авторов. Поэзия Г. Ходырева стала классикой детского чтения.

Вступление в литературу Г. Ходырева связано с периодом советской «оттепели». В 1960-е годы в удмуртской литературе формируется новое поколение профессиональных детских писателей, развиваются новые жанры и новые типы изданий книг для детей. Талантливыми представителями молодой писательской генерации были А. Д. Вотяков (1928–1985), И. М. Данилов (1929–1998), Н. В. Васильев (1933–1982), Г. Д. Данилов (1935–1989), Н. Е. Белоногов (1938–1995), А. К. Леонтьев (1944–2008), В. В. Романов (1943–1989) и др. Детскую литературу этого периода также многогранно представляют поэты и прозаики старшего поколения, участвовавшие в национальном литературном процессе 1920–1930-х годов. Прошедшие войну, они, тем не менее, наиболее ярко

проявили себя в 1960–1980-е годы. Это А. Н. Клабуков (1904–1984), В. Г. Широбоков (1919–1991), Г. С. Симаков (1919–1996) и др.

Заслугой удмуртской детской литературы «шестидесятых» явилось новое отношение к воссозданию психологии ребенка, его мироощущения. Творчество названных выше писателей и обозначило тенденцию психологически углубленного изображения внутреннего мира ребенка и окружающей его действительности, наметилась интеллектуализация национальной прозы и поэзии для детей. Произведения Г. Ходырева наиболее отчетливо отражают содержательную и художественную общность произведений названных выше детских писателей-«шестидесятников».

Принципиальным звеном в осмыслении эволюции поэтического мира Г. Ходырева является изучение критики и литературоведческих работ, посвященных оценке сборников его стихотворений, вышедших на разных этапах истории удмуртской литературы. Факты и сведения, полученные в процессе сбора и систематизации разрозненных газетных и журнальных статей, стали для нас опорным материалом в изучении процесса формирования и развития художественной системы поэзии и прозы Г. Ходырева. Это дает возможность более полно и объективно понять внутреннюю сущность основных закономерностей развития национальной литературы для детей во второй половине XX века.

В восприятии критиками и литературоведами творческого наследия Г. Ходырева можно выделить три этапа: первый – со второй половины 1950-х до конца 1970-х гг.; второй – с начала 1980-х до середины 1990-х гг.; третий – посмертный [См.: 113, с. 173–177]. Именно в эти периоды через осмысление творчества Г. Ходырева совершается процесс развития самосознания и самой удмуртской детской литературы и ее критики. Творчество Г. Ходырева и его осмысление стали «лакмусовой бумагой» процессов, происходящих в литературной жизни той эпохи.

Г. Ходырев стал известен в литературных кругах республики сразу после выхода двух книг стихов: «Милям азбарамы» («В нашем дворе», 1957) и «Кызы

мон будй» («Как я рос», 1959). Наряду с большим читательским интересом эти книги вызвали далеко неоднозначные оценки критиков, писателей, представителей творческой интеллигенции. Ученые верно отмечают, что необходимо «увидеть, как шел в литературе процесс формирования критериев оценки произведения детской литературы» [56, с. 75].

В числе первых критических отзывов на названные выше сборники, следует назвать рецензии П. Поздеева «Герман Ходыревлэн кылбуръёсыз» («Стихи Германа Ходырева») [123], А. Вотякова «Пичиослы кузьым» («Подарок малышам») [35], Ф. Васильева «Поэтлэн но будэмез шӧдске» («И поэта чувствуется рост») [29, с. 47–48] В. Ванюшева «Так он рос» [27]. Несколько позже появились статьи А. Вотякова «Киысьтыды уд куштэ» («Не хочется расставаться») [34] и А. Леонтьева «Азбар съӧры, пе, потоно» («Говорят, что нужно выйти за пределы двора») [86], также посвященные оценке первых поэтических сборников Г. Ходырева. Эти первые отклики на стихи Г. Ходырева были во многом зависимы от идеологических представлений эпохи. Однако, говоря о том, что главной обязанностью советской детской литературы тех лет являлось формирование у юного поколения коммунистического мировоззрения, важно отметить, что в реальности процесс реализации этой цели был сложен и далеко не однозначен. В задачу государства вместе с тем входила и забота о всестороннем развитии ребенка о расширении его кругозора, общество проявляло неподдельный интерес к будущему своих граждан, к воспитанию нравственно и физически полноценного поколения. Таким образом, проблема рецепции творчества Г. Ходырева проясняет вопросы социокультурного развития республики и позволяет увидеть более объективную картину развития удмуртской детской литературы и ее критики в целом. Введенные в работу рецензии и критические статьи дают хорошую возможность понять, какие требования предъявляла критика к детской литературе того времени, какие недостатки усматривали критики и рецензенты в стихах Г. Ходырева, каковы были творческие установки его собратьев по перу, писателей-современников.

Прежде чем приступить к изучению конкретного критического материала, следует заметить, что основной пласт публикаций 1950–1960-х годов, посвященных литературе для детей, в соответствии с общественно-политической жизнью страны был сосредоточен на идейно-содержательном уровне произведений. В статьях и рецензиях тех лет в первую очередь оценивали точность отражения детским автором окружающей действительности; предметом разговора становился вопрос о степени участия ребенка в преображении народной жизни, т. е. его активная жизненная позиция. Так А. Вотяков, отмечая в вышеназванной рецензии образный язык Г. Ходырева, умение поэта проникнуться настроением ребенка, указывает на следующие недостатки стихов, вошедших в его сборник «Кызы мон будй»: «Нельзя не отметить и некоторые недостатки сборника... Действительно, они (*дети* – Ю. Р.) и к самолету успевают сбегать, и с горки прокатиться, и снежного медведя слепят, и на демонстрацию сходят, и малины наберут, в общем, кажется, что жизнь детей показана достаточно полно. Но если подумать, этого явно не хватает. Разве наши дети проводят свое время только в играх да в праздности? Это не так. Они охотно помогают родителям, трудятся на колхозных полях и на огородах. Нужно было обязательно включить сюда два-три стихотворения, показывающих детей в труде» [35]. Приведенная цитата наглядно отражает требования, предъявляемые удмуртской критикой той эпохи к детской литературе. В рассматриваемой рецензии тематическая актуальность и идейная направленность произведения заслоняют разбор художественных качеств текста.

О том, что художественно-изобразительные особенности детского произведения зачастую отодвигались на второй план за счет его тематической злободневности, свидетельствуют и статьи популярного удмуртского поэта-«шестидесятника» Ф. Васильева. В контексте рассуждений о процессе формирования поэтического мира Г. Ходырева и его творческой индивидуальности большой интерес представляют статьи Ф. Васильева «Поэтлэн но будэмез шӧдске» («И поэта чувствуется рост») [29] и «О литературе для детей» [30]. Взгляды и позиция Ф. Васильева, высказанные в этих статьях,

вызвали в национальной писательской среде непривычно оживленную дискуссию, побудили удмуртских литераторов поднять давно назревший разговор о проблеме содержания и формы произведения, адресованного ребенку. В первой статье Ф. Васильев дает положительную оценку стихам молодого Г. Ходырева, выделяет самобытность поэтического слога, неповторимый национальный колорит, умелую ритмическую организацию поэтического текста. «В последние годы в удмуртской детской литературе заметную роль начал играть молодой поэт Герман Ходырев. Читатели уже знакомы с ним по книжке для дошкольного возраста “У нас на дворе” и по стихотворениям, которые были напечатаны в журнале “Молот”. В прошлом году Удмуртское книжное издательство напечатало новую книгу поэта “Как я рос”... Что сказать: Герман Ходырев знает психологию малышей, их мироощущение. Видимо, потому и многие стихи из нового сборника также нравятся детям» [29, с. 47].

Вместе с тем, в этой же статье Ф. Васильев высказывает весьма негативное мнение о том, как освещает Г. Ходырев в своей поэзии проблему труда. На взгляд Ф. Васильева, разработка темы «ребенок и работа» в книгах начинающего автора весьма и весьма уязвима: «Поэт показывает желание ребят трудиться, помогать родителям. Другое дело: показать – показал, но не довел до конца. Дети не показаны в процессе труда, об этом сказано совсем немного, лишь в двух-трех словах. Поэт, начав стихотворение с рассказа о работе мальчика, заканчивает текст по-другому. Таковы все названные выше стихотворения. А вот тему труда автору стоило раскрыть объемно. Необходимо было подробно рассказать о том, как дети помогают родителям, как работа им самим приносит радость. И читатели-дети, следуя примеру героев книги, сами захотели бы трудиться. Вот тогда пользы от этого сборника было бы больше» [29, с. 48]. Обращение к пространной цитате понадобилось для того, чтобы наглядно показать суть критики тех лет и ее аргументации.

Критики и публицисты с момента появления первых произведений Г. Ходырева, напечатанных еще на страницах периодической печати, отмечали умение поэта искусно использовать приемы комического, хорошее владение

устно-поэтической народной речью. «Герман Ходырев в своих стихах умеет обращаться к юмору. Это и нравится детям» [29, с. 48]. Но эти достоинства поэта критика либо просто констатировала, либо фольклоризм ходыревской поэзии оценивался ею негативно, как признак несовременности.

Основной пафос недовольства Ф. Васильева состоянием удмуртской детской литературы тех лет и, в частности, поэзии Г. Ходырева, более отчетливо выражен в его выступлении на одном из писательских семинаров: «Мы много говорим о расширении тематики, о повышении мастерства, но воз и ныне там. Выходят книга за книгой о бабочках, о цветах... В лучшем случае – об огороде, дворе. А где книги о пионерах и пионерской организации? О комсомольцах и школьном комсомоле? Ведь именно здесь закладываются основы воспитания сознательных граждан, настоящих людей. К сожалению, таких книг в удмуртской литературе еще нет» [30]. Эти замечания Ф. Васильева вызвали большой резонанс. В связи с этим фактом необходимо сделать пояснение. Ф. Васильев в те годы работал литературным консультантом в Союзе писателей Удмуртии, поэтому его оценка ходыревского творчества была незамедлительно «подхвачена» многими удмуртскими литераторами. В особенности это касается критических высказываний, изложенных Ф. Васильевым в статье «О литературе для детей», написанной на основе его доклада. Оценка произведения с позиции его «прямой пользы», идеологический подход к художественной литературе, и в особенности к книгам детских авторов, были характерны для большинства рецензий и отзывов тех лет. К сожалению, не избежал общих тенденций критики и Ф. Васильев.

Картину противоречивого восприятия первых книг Г. Ходырева воссоздают рецензии, написанные удмуртскими писателями и критиками в течение достаточно большого периода времени. Выход третьей книги поэта, с одной стороны, приветствовался, с другой – оценивался не как развитие его поэтического мастерства, но упадок творческих устремлений. «К сожалению, ошибка, которая наметилась в книге “Кызы мон будй”, в сборнике “Пичи воргорон” стала распространенной. Во многих стихотворениях Г. Ходырев теряет

детский взгляд на вещи, смотрит на поступки детей сверху вниз, оценивает и делает выводы из них как взрослый» [26].

Приведем еще одну цитату из другой рецензии, которая также посвящена третьему поэтическому сборнику Г. Ходырева. Рецензия отражает декларативную тенденцию оценки литературного произведения удмуртской критикой. «Уже само название сборника – «Мужичок-малыш» – указывает на то, что в книге будут показаны дети, которые крепнут в труде. В новый сборник вошло девятнадцать новых стихотворений... во многих стихах автор показывает хорошие привычки детей, их желание втянуться в труд» [149].

Стихотворения Г. Ходырева вновь оцениваются с точки зрения того, насколько его герои заняты трудом. Приведенные цитаты говорят о наивно-реалистическом восприятии литературно-художественного произведения удмуртской критикой тех лет, для которого характерно игнорирование образных средств и почти исключительная ориентация на «материал» текста. Эти примеры говорят о живучести догматического мышления, доставшегося в наследие от «сталинской» эпохи и эпохи «теории бесконфликтности». Прямолинейность, обращенная к целому кругу проблем национальной детской литературы, к сожалению, в той или иной форме будет проявляться и на более поздних этапах развития критики.

В 1960-е годы в республике достаточно активно обсуждался вопрос «мелкотемья» в удмуртской литературе. В связи с этим в детской литературе особым смыслом наполнилась тема деревенского подворья («азбар»), которая приобрела своеобразное символическое звучание (т.е. ассоциировалась с привязанностью национальной литературы для детей к крестьянскому быту, двору). Обращение Ф. Васильева к удмуртским детским писателям с призывом «выйти за пределы деревенского подворья» напрямую намекает на содержание стихотворений первой книги Г. Ходырева «Милям азбарамы» («В нашем дворе»).

То, что удмуртская критика «шестидесятых» все еще испытывала большое влияние идеологии и эстетики эпохи сталинизма, наглядно подтверждают материалы семинара по детской и юношеской литературе, организованного

Союзом писателей УАССР и издательством «Удмуртия». Семинар проходил 3–4 апреля 1967 года и был приурочен к пятидесятилетию Октябрьской революции. В работе семинара принимали участие и приглашенные столичные литераторы, в частности, А. Н. Власенко (заведующий кафедрой советской литературы всесоюзного Литературного института имени А. М. Горького). К сожалению, подробные отчеты о работе семинара в Государственном архиве республики обнаружить пока не удалось, но в газете «Удмуртская правда» (7 апреля 1967 г.) напечатаны «заметки» с этого мероприятия. Автор публикации – переводчик, поэт и журналист Ан. Писарев, работавший в те годы заместителем редактора газеты «Удмуртская правда». Из заметок видно, что большинство участников семинара в своих выступлениях отдало предпочтение идеологическим интерпретациям и пояснениям тенденций развития удмуртской детской литературы: «На самом деле, идет юбилейный год Советской власти, а приходится констатировать тот факт, что удмуртские литераторы почти ничего не написали для юношества о героях революции и гражданской войны, о славных сынах удмуртского народа, активных участниках коллективизации и индустриализации страны, об энтузиастах трудового фронта послевоенного периода, о комсомольских и пионерских вожаках наших незабываемых лет» [119].

По поводу творчества Г. Ходырева было высказано много несправедливых критических замечаний. Выдвигая требования гражданского содержания детской книги, участники семинара делали выводы об идейной и художественной слабости ходыревских стихов, исходя из вульгарно-социологической оценки литературного произведения. Нападкам выступающих подверглось стихотворение «Їӧжпиос» («Утята»), включенное поэтом в тот же упоминаемый выше сборник «Милям азбарамы». Ан. Писарев пишет, что семинару можно предпослать подзаголовки критических выступлений, обращенных к Г. Ходыреву: «Чем объяснить узость территории, на которой живут и растут герои удмуртских детских книг – от двора до улицы? Права ли корова из стихотворения Германа Ходырева, поведение которой столь оживленно обсуждалось на семинаре?» Критикуя стихотворения Г. Ходырева, участниками семинара сделаны выводы

о том, что «узость тематики и есть тот серьезный недостаток, которым можно объяснить многое. Отсюда и схожесть сюжетов и тем, и ограниченная география мест действия героев книг» [119].

Напряженную атмосферу семинара, видимо, смягчила речь преподавателя русской советской литературы Удмуртского пединститута В. И. Петровского, выступившего «в защиту ходыревской коровы, выпившей, в силу своей неосознанности, воду, предназначавшуюся для утят» [119]. Ученый считает, что «дело в подходе к теме, в мастерстве писателя, умеющего по-своему и правильно осмыслить увиденное» [119]. Позиция В. И. Петровского сильно выделяется на общем фоне семинара, где доминировало предвзятое построчное комментирование художественного текста; оценка произведения напрямую связывалась с его идейной направленностью и гражданским пафосом.

Общую направленность удмуртской критики рассматриваемого периода, игнорирующую «внутреннюю логику» детского произведения и его эстетические составляющие, отражает и статья К. Дзюиной «О героях детских книг». Значение приобретают, по мнению К. Дзюиной, те детские книги, которые отвечают на злободневные вопросы и насущные требования времени. Писатель, считает критик-журналист, должен быть верен фактам и реалиям жизни. К. Дзюина очень жалеет, что в национальной литературе для детей нет настоящих героев, с кого бы наши ребята брали пример: «Нужны яркие произведения о пионерии, об увлекательных походах, о спорте и летнем отдыхе. <...> Большинство детских книг, выпущенных нашим издательством, адресовано малышам – дошколятам и октябрятам. В основном это стихи или сказки... Однако, основными героями детской поэзии по-прежнему остаются кошки, собаки, куклы, жучки, паучки. Все события происходят в своих двориках, огородиках, на лужайках. Словно ребят не интересует ничего, кроме этого?! А где настоящие герои, с кого бы брали ребята пример? С сожалением приходится говорить, что таких героев в удмуртской литературе пока нет» [43].

В работе уже писалось о том, что такое восприятие художественного произведения определенной частью наших критиков и литературоведов можно

определить как наивно-реалистическое. Фраза «наивный реализм» возникла в педагогической науке в двадцатые годы прошлого века, она указывает на оценку произведения искусства сквозь призму его привязанности к действительности. К сожалению, при таком подходе к литературе художественная форма произведения, условность его художественного мира оставались без внимания.

Наглядное подтверждение остроты затянувшейся дискуссии о героях и проблематике удмуртской детской литературы (и, прежде всего, книг Г. Ходырева) – публикация статьи А. Леонтьева с «говорящим» названием «Азбар сьёры, пе, потоно» («Говорят, что надо выйти за пределы двора»).

А. Леонтьев оказался одним из немногих удмуртских писателей того периода, заговоривших о проблеме воплощения темы деревенской детворы в литературе в художественном аспекте. Он указал на важность формы при разработке проблематики деревенского двора, улицы, огорода и т. д.: «Часто детских поэтов упрекают в том, что они боятся “выйти за пределы двора”. Мне, почему-то, такой разговор кажется неуместным. Неужели у нас накопилось так много стихотворений о жизни деревенского двора? Когда специально просматриваешь сборники, ничего особенно страшного не замечаешь. Действительно, этой теме многие поэты посвятили свои стихи. Но, на мой взгляд, дело совсем не в этом. Зачастую об этом пишем слабо, бледно, однообразно, поглядывая на двор сквозь занавешенные окна. Вот о чем, думается, нужно говорить. Кажется, что мы просто не читаем произведений друг друга» [86].

Особо тревожит молодого писателя и художника А. Леонтьева излишняя назидательность удмуртских детских авторов. Повествование о достойных подражания поступках зачастую завершается, по его наблюдениям, примитивной моралью. «Но разве каждому поэту нужно разговаривать с ними (с детьми – Ю.Р.), обязательно вразумляя их? Следует искать и находить новые художественные формы, говорить с детьми на оригинальном языке, оригинальным способом» [86].

А. Леонтьев в поэзии Г. Ходырева как раз таки обнаруживает новые формы и способы воссоздания традиционных тем и вопросов, на конкретных примерах

описывает умелое использование автором возможностей народного поэтического слова. «О таком природном явлении как мороз в поэзии написано уже много. Но Г. Ходырев сумел по-своему, весьма своеобразно, с юмором раскрыть старую тему. Почтайте-ка: “В подщипывающуюся морозную погоду в дом / Входит туман, когда открываешь дверь. / Толя боится выйти, / На печи сидит в такую погоду. / – Не пойдешь кататься? – / Толю спрашивает младший брат. / – Туман заходит в дом погреться, / А я выйду, чтобы замерзнуть?” Эти стихотворные строки надолго запечатлеваются в детской памяти. Почему в мороз в избу с улицы врывается пар? На этот вопрос ребенок сам будет стараться найти ответ. Ведь в стихотворении нет готовых, “разжеванных” ответов. Стоит ли разговор о том, что пора выйти за пределы двора, превращать в большую проблему? Стихи о дворе нужны детям. Были бы эти стихотворения содержательны и побуждали к размышлениям» [86]. Он смело пишет о том, что дидактическая установка удмуртской детской литературы на изображение ребенка в процессе работы без внимания к художественно-изобразительным средствам лишает ее образности, эмоциональной выразительности. Позиция А. Леонтьева стала хорошим стимулом для усиления демократических традиций в удмуртской детской литературе 1960-х годов.

Кочующие из статьи в статью однообразные, похожие друг на друга оценки произведений Г. Ходырева, к сожалению, помешали увидеть художественное новаторство поэта. Однотипные высказывания последовали и относительно других книг Г. Ходырева. Даже известный своим демократизмом радиожурналист В. Ивашкин с явной поучительностью отмечал: «Произведений, прославляющих труд, воспитывающих детей уважительно относиться к труду, у нас пока мало. <...> Нашим писателям со всей ответственностью надо бы взяться за это. Пусть узнают наши юные читатели о том, как усердно работают люди на колхозных полях, на заводах и в других отраслях народного производства» [61].

Репутация Г. Ходырева как поэта, привязанного к деревенскому двору, не потеряла своей актуальности даже в 1970-е годы. Так, в рецензии на книгу

Г. Ходырева «Зор, зор, зорые!» («Лей, дождик, лей», 1975) журналист и писатель М. Гаврилова-Решитько с искренним сожалением пишет, что поэт все еще остается «аслаз азбараз» («в своем дворе»). Отмечая такие достоинства новой поэтической книги Г. Ходырева, как живописность, яркость красок, богатство лексики, рецензент делает выводы: «Германа Ходырева молодым поэтом уже не назовешь. Этот сборник – его одиннадцатая книга. А ведь он все еще держит своих читателей во дворе. Двор – хорошо. Но ведь дети растут, выходят со двора на улицу, уходят в большую жизнь. Не стоило бы отставать от них и автору. А вернее, он сам должен вести за собой своих читателей. Было бы хорошо, если бы поэт, расширяя тематику стихотворений, учил детей вступать в жизнь с оптимистическим настроением, прививал им хорошие навыки, чтобы они в будущем могли браться за большие дела» [36, с. 47].

В «семидесятые» годы Г. Ходыреву большей частью доставалось за проявленную «педагогическую неграмотность», за то, что его произведения уводят читателя-ребенка от реальной действительности, за то, что поэт отстает от «бурного роста сознания ребенка» и не может понять интересы современных детей. Действительно, в первых книгах Г. Ходырева лирический герой-ребенок окружен домашними заботами, он осваивает мир родительского дома. В последующих сборниках непринужденный разговор писателя с маленьким читателем все чаще переходит в иную плоскость, являя собой литературный диалог на серьезные и гражданские темы. Однако отличительные черты художественно-изобразительных особенностей изображения поэтом мира семейных хлопот ребенка и мира его социально-общественных интересов в критике не получили профессиональной оценки. Тем не менее, в связи с возрастанием интереса конструктивных критиков к вопросам теории детской литературы, к вопросу о путях и перспективах ее развития, активизируется реформирование критической мысли в сторону большей свободы по сравнению с предыдущими годами. Узконаправленная оценка творчества поэта Г. Ходырева постепенно вытесняется более объективным отношением к его произведениям.

Несомненным достижением удмуртской детской литературы «семидесятих» стал выход в свет книги стихов Г. Ходырева «Чибориё буко» («Разноцветная дуга», 1972). Этот сборник чрезвычайно показателен потому, что он иллюстрирует процесс обновления удмуртской детской литературы и критики. Этот процесс, прежде всего, связан с изменением общественного сознания. Становится абсолютно очевидной несостоятельность плакатно-догматических идей, которые, кстати, являлись идеологической базой для творчества определенной группы национальных литераторов, особенно в 1920–1930-е годы и в первое послевоенное время. Книга «Чибориё буко» («Разноцветная дуга») – своеобразное «заседание» любопытных детей-читателей, которым интересно то, как маленькие муравьи смогли построить большой дом, сколько воды пьет из реки радуга, почему мороз не щиплет дедушку. В стихах есть доступный детскому пониманию ответ на эти и многие другие вопросы. Окружающий ребенка мир зачастую изображен через смешные ситуации, много забавного и комического, отстаивается «поэзия действительности», одухотворенная живым национальным интересом, авторской фантазией.

На поэтический сборник «Чибориё буко» откликнулся молодой критик, недавний выпускник аспирантуры Московского государственного университета А. Шкляев. В небольшой рецензии он точно подметил, что в удмуртскую детскую литературу Г. Ходырев вошел со своим поэтическим словарем, самобытной экспрессией и стилем, базирующемся на фольклоре. По его мнению, основой творчества Г. Ходырева является детское отношение автора к окружающему миру. «Стихи его (Г. Ходырева – *Ю.Р.*) – моментальные снимки детской жизни в ее наиболее забавных состояниях. Г. Ходырев широко использует речевую характеристику, детские разговорные обороты. Порой детское видение удачно передается в его стихах через буквальное употребление ребенком «взрослой» фразеологии» [190]. И далее: «Стихи Г. Ходырева построены именно на детских речениях, на детском понимании мира» [190].

При всех трансформациях отношения к творчеству Г. Ходырева ситуация в критике в целом менялась не просто. Весьма противоречива рецензия на книгу

«Чибориё буко», критика-фольклориста Н. Кралиной. Отдавая предпочтение содержательно-тематическому аспекту оценки ходыревских стихов, Н. Кралина в достаточно резкой форме пишет: «Пусть дети растут отзывчивыми, пусть они вокруг себя природу, животных, птиц берегут, заботятся о них. Без этого не вырастешь хорошим человеком. Младшие друзья Ходырева именно такие. Это мы видим, к примеру, в стихотворениях «Давай погреем», «Липа». Конечно, это радует. Но было бы не правильно, хвалить все стихи. Вот стихотворение «Скворец». Даже по стилю оно не подходит Ходыреву. Там нет ни юмора, ни чего-то нового. Общие, “сухие” слова. Следует откровенно сказать, оно попало в книгу по ошибке. Также ничего нового не смог сказать автор в стихотворении «Валенки». Зря затеян диалог между валенками и кирзовыми сапогами... Поэту следует поставить перед собой серьезные требования, чтобы рядом с хорошими стихами не появлялись плохие» [76, с. 47–48]. Уместно отметить, что не одобренные критиком стихи Г. Ходырева до сих пор интересны читателю.

Большое влияние на «детскую» литературную жизнь Удмуртии того периода начинает оказывать московский журнал «Детская литература». В девятом номере журнала «Детская литература» за 1975 год есть целый раздел, посвященный творчеству удмуртских детских писателей. Интересный творческий портрет Г. Ходырева в журнале представил В. Ивашкин [64, с. 65–66]. На страницах этого же издания за 1978 год (№5) была напечатана аналитическая статья-рецензия Вяч. Михайлова на книгу Г. Ходырева «Однажды на опушке», в которую вошли поэмы, переведенные на русский язык. В рецензии сделана попытка рассмотреть идейно-художественную структуру нового для Г. Ходырева жанра поэмы. «Для Ходырева поэма – новый жанр. Правда, поэт остался самим собою: немногословным, легким для чтения и запоминания стихотворным фразам, принимающим то форму раешника, то форму свободного стиха. И очень хорошо, что поэт-переводчик Игорь Мазнин представил русскому читателю все характерное для ходыревского стиха» [103, с. 20].

Итак, к концу 1970-х годов заметное место в критике начинают занимать вопросы литературно-художественного мастерства поэта. Но, забегаая вперед,

отметим, что отголоски «причастности» Г. Ходырева к деревенскому «азбару» ощутимы еще и в критике «восьмидесятых». К примеру, статья Р. Яшиной «Нылпиослы кузьым» («Подарок детям», 1987). «Главный мой упрек состоит вот в чем: хочется уже, чтобы Г. Ходырев сделал более широкий шаг в реальность, чтобы ярко показал приметы времени» [199, с. 53]. Говоря о самобытной стихийности таланта Г. Ходырева, эмоциональной силе его произведений, включенных в новую книгу “Покчи дэменчи” (“Маленький да удаленький”, 1986), Р. Яшина все же считает поэта не способным к сознательному творческому росту. «Хотя книгой “Маленький, да удаленький” поэт попытался сделать добрый подарок детям, но она не явилась новой ступенью в его творчестве – все те же темы, те же герои» [199, с. 53].

О том, что изменить сложившееся в критике представление о Г. Ходыреве как о поэте «мелкотемном» оказалось весьма непростым делом, показывает и статья Д. Яшина «Готовить к жизни», написанная по следам XXV съезда партии. «Многое нужно сделать детским писателям и по расширению тематики произведений. Авторы редко выводят своих читателей за пределы двора, огорода, околицы. Большие проблемы общественно-политического звучания недостаточно отражаются в их произведениях. Мы не найдем увлекательных повестей о достижениях науки и техники, о знатных людях» [196].

Между тем, в этой же статье Д. Яшин очень точно отметил, что в удмуртской литературе мало «книг для подростков и почти нет произведений для детей старшего школьного возраста и юношества» [196], что подростковая проблематика «не находит в нашей литературе должного отражения» [196].

В критике начала 1980 – середины 1990-х годов на первый план выходит стремление осмыслить эстетическое своеобразие творчества Г. Ходырева. Авторы рецензий тех лет все чаще обращают внимание на изобразительные приемы и жанровые формы, открытые Г. Ходыревым для национальной детской поэзии. В эти годы пристальный интерес к удмуртской детской литературе проявляет радиожурналист и аспирант В. Ивашкин. На основе изучения жизни и творчества детских писателей он подготовил немало радиоочерков, написал ряд

интереснейших статей. В читательской среде наибольшую известность получают его статьи, посвященные книжным новинкам удмуртских детских писателей. Он также регулярно освещает многообразную деятельность писателя Г. Ходырева, стремится популяризовать его новые произведения. Многие рецензии В. Ивашкина, демонстрируя образцы профессионального анализа поэтического текста, свидетельствуют о развитии эстетических способностей удмуртской критики. К примеру, статьи «Отчего ива говорлива» [65], «Нылпиослы кузьым» («Подарок – детям») [66], «Шуныт но, шулдыр но» («И тепло, и уютно») [67] и др. Особой глубиной анализа отличается статья «Из наблюдений над поэтикой удмуртского детского стиха (на примере творчества Г. Ходырева)» [62, с. 87–100]. Отрывок из этой статьи был опубликован в журнале «Детская литература» [64, с. 65–66]. В. Ивашкин впервые проанализировал короткие ходыревские стихи с точки зрения их ритмической организации и связи с фольклором. Хотя это были наблюдения общего плана, но ощутимо стремление молодого филолога-журналиста проникнуть в «лабораторию» поэта, описать его творческий метод. Наблюдения В. Ивашкина посвящены особенностям стихотворной формы Г. Ходырева, подкреплены точными поэтическими цитатами. В целом же статья В. Ивашкина «Из наблюдений над поэтикой удмуртского детского стиха (на примере творчества Г. Ходырева)» является образцом журналистской критики с доминированием публицистического начала.

Удмуртская критика «восьмидесятых», накапливая опыт квалифицированного литературоведческого анализа, стремилась расставить эстетические и идеологические ориентиры в литературной жизни республики. Об этом свидетельствуют обзорные статьи об удмуртской детской литературе поэта и литературоведа А. Уварова «Покчиослы литературамылэн бадӟымесь сюлмаськонӟёсыз» («Большие заботы нашей литературы для детей») [144] и «Пути детской литературы» [145], напечатанные в республиканских изданиях в преддверии XII съезда удмуртских писателей. А. Уваров выделяет в творчестве Г. Ходырева такие отличительные черты, как «уважительное отношение к личности ребенка», «избегание дидактичности», «умелое направление юного

читателя по волнам сюжета и мысли стихотворения» [145]. Делая выводы об успехах и недостатках удмуртской детской литературы, ученый в качестве слабой стороны произведений детских авторов, по сложившемуся в национальной критике шаблону, отмечает: «Литература для наших детей очень бедна тематически. Можно сказать, практически нет стихов и рассказов, посвященных красным календарным датам. Мало написано о труде и о Родине, мало произведений, призывающих к бережному отношению к родному краю» [144].

Причины чуждости детской литературы и, в частности, произведений Г. Ходырева, требованиям нового времени критика вновь видела в тематической ограниченности писателей. Однако такого плана обвинения уже решительно опровергались прогрессивно мыслящей национальной интеллигенцией. К примеру, рецензии молодого журналиста В. Михайлова «Туала нылпиослы – туалала улон сярысь» («Современным детям – о сегодняшней жизни», 1983) [104] и ученого-лингвиста Г. Ушакова «Аслаз лёгем сюрестйз» («По своей проложенной дороге», 1983) [151] на книгу Г. Ходырева «Чале ми вёзы» («Давайте вместе с нами»), изданную в 1982 году. Разговор на этот раз шел непосредственно о художественных приемах, открытых поэтом. Рецензенты верно отмечают, что во многих стихах Г. Ходырева, вошедших в его новый сборник, ведущими стали гражданские и патриотические мотивы. Привлекая к рассмотрению конкретный поэтический материал, оперируя цитатами из стихотворных текстов рецензируемой книги, Г. Ушаков пишет: «В первую очередь бросается в глаза широкий тематический охват книги. <...> Стихи “Не угасай, звездочка!”, “У памятника”, “Неугасимая звезда” посвящены воинам, погибшим в огне Великой Отечественной войны. Поэма “Паровоз” рассказывает об известном событии из истории Удмуртии: в голодную годину времен гражданской войны с удмуртских земель в Москву и Петроград был отправлен эшелон с зерном. Иногда для звонкой рифмы автор использует диалектизмы или искаженные слова: “Садятся они в укромное место... / Путь еще долгий! / Улыбнулся Волк: / – На Луне / Лапу сосать не будешь”. Поэт довольно часто пользуется анахронизмами и

диалектизмами. Таким образом, он способствует обогащению удмуртского языка» [151].

Действительно, книга «Чале ми вöзы» разнообразна в стилевом и жанровом отношении. Сюда включены короткие стихи, поэмы, баллады, авторские сказки, песни, переводы и др. Хрестоматийным стало стихотворение «Памятник дорын» («У памятника»), где поэт в символически сгущенной форме выразил идею преемственности поколений, любви к Родине.

О расширении жанрово-тематического диапазона творчества Г. Ходырева пишет ученый-фольклорист и поэт Д. Яшин. Творчеству своего современника он посвятил несколько статей: «Готовить к жизни» (1976) [196], «С любовью к детям» (1982) [198], «Покчиослэн эшсы но дышетйсьсы» («Друг и учитель малышей», 1982) [197]. Следует особо подчеркнуть, что статьи и рецензии Д. Яшина – это не односторонняя критика. Д. Яшин заинтересованно участвовал в критике и оценке литературной деятельности Г. Ходырева, нередко высказывался в поддержку его поэзии, видел изменения, характерные для его творческой позиции зрелых лет. По мнению Д. Яшина, детский поэт с годами все чаще «начинает обращаться к фактам реальной жизни... Баллада “Неугасимый луч” посвящена первому пионеру Удмуртии Шуре Бабикову, замученному в колчаковских застенках в годы гражданской войны, поэма “Батыр Ожмег” – памяти сына удмуртского народа Героя Советского Союза Г. Ф. Ожмегова, погибшего в годы Великой Отечественной войны при освобождении Западной Украины. В поэме “Скачи, мой конь” автор разрабатывает интернациональную тему. В пионерском лагере встретились и подружились удмуртский мальчик Очей и его ровесник Луис из Чили» [198]. Критик прав, что мотив достоинства личности, национальной и гражданской чести – один из важнейших идейно-нравственных моментов художественного мира Г. Ходырева.

Статья Д. Яшина «С любовью к детям», в которой дана беспристрастная характеристика поэзии Г. Ходырева в ее динамике и в конкретных проявлениях, занимает важное место в литературно-критической жизни республики 1980-х годов. Примечательно, что Д. Яшин увязывает выход в свет каждой книги

Г. Ходырева с общественно-культурными и историческими явлениями, нашедшими отражение в творчестве поэта, а также с актуальными проблемами, характерными для удмуртской детской литературы и ее критики в целом. Автор статьи сумел представить удмуртского детского автора в его индивидуальных особенностях, дать емкие «портреты» ходыревских поэтических и прозаических сборников, указать на отличительные признаки поэзии. «Знание детской психологии, хорошее языковое чутье, композиционная стройность стихов – все это способствует тому, что книги поэта пользуются большим успехом у юных читателей» [198]. Д. Яшин одним из первых обратил внимание на прозаическое творчество Г. Ходырева. Заметим, что ходыревские документально-художественные произведения предвосхитили многие проблемы сегодняшней удмуртской литературы на историческую тему. В контексте рассуждений необходимо также сказать, что положительные отклики критики «восемидесятых» были симптоматичными и являлись выражением мнения достаточно большой части читательской аудитории. В этом плане небезынтересны статьи О. Емельяновой «Поэт, журналист, педагог» [49] и Г. Батуева «В родных местах» [10], отражающие взгляды и впечатления рядовых читателей на книги Г. Ходырева.

Говоря о критике «восемидесятых», нельзя не обратиться к статье народного писателя Удмуртии П. Чернова «Солэн удысэз – нылпи поэзия» («Его призвание – поэзия для детей»). Рассуждения П. Чернова отражают тенденцию все более складывающихся отношений поэта с новым временем. «Его (Г. Ходырева – Ю.Р.) долго упрекали за книгу “На нашем дворе”, говорили, что он пишет только о домашнем подворье, домашних животных, огороде и тому подобных мелочах... Между тем, Герман Алексеевич создал и гражданские, и патриотические, и интернациональные произведения для детей, например, поэму “Скачи, мой конь!” Он писал для маленьких удмуртских читателей и о деревенском дворе, полях, лесах, говорил и о большом мире, о космосе, что за горизонтом» [181, с. 41].

Критика 1990-х годов демонстрирует более глубокое понимание творчества Г. Ходырева, умение выявлять сильные и слабые стороны его поэзии и прозы. Так, А. Шкляев в рецензии на книгу Г. Ходырева «Пиос но будо но» («Вот и мальчишки растут»), критикуя автора за невнимательное отношение к слову в целом ряде стихотворений, за нарушение правильности речи лирического героя, ошибки в употреблении народных выражений, указывает на важные моменты в поэтике ходыревской поэзии. Это не огульное осуждение, но доброжелательная критика, подкрепленная конкретными иллюстрациями. К примеру, «Бывает и такое: если слово стоит не на своем месте, образ рушится. “Почти весь день дул ветер, и песок скатал”, – пишет автор, и про себя думаешь: как же можно скатать песок, он же не мокрый снег» [191].

Показательна в качестве образца конструктивной критики рецензия Г. Ушакова на рассказы Г. Ходырева, представленные в книге «Кытчы лобо пилемъёс?» («Куда летят облака?», 1980). Рецензия Г. Ушакова «Кылбур кадь мед луоз» («Пусть будет как поэзия») была написана и напечатана раньше, чем рассмотренная выше публикация Г. Шкляева. В данном случае для нас важно показать процесс углубления критики 1980–1990-х годов в художественный мир поэта. Конструктивный подход Г. Ушакова к недочетам ходыревских рассказов противостоит социологизаторской методике оценки литературного произведения, распространенной в прошедшие годы. В центре внимания ученого-лингвиста – литературно-языковая позиция Г. Ходырева. В рецензии дана характеристика стилистической организации речевого материала в рассказах писателя. Изъяны художественного изложения в прозе Г. Ходырева рассмотрены Г. Ушаковым на примере сюжетостроения: «Ошибочно полагать, что только в поэтическом произведении каждое слово должно быть четко выстроено. Действительно, без этого в стихотворении и рифма, и ритм расшатаются. Язык прозаического произведения требует еще большей утонченности, упорядоченности, поскольку здесь нет бросающихся в глаза ритмики и рифмы. “Одежда” прозаического текста – язык, художественное слово. Поэтому прозаику значительно больше, чем поэту, необходимо соблюдать приемы художественной речи» [150].

В 1980-е годы в критический оборот начинают входить прозаические произведения Г. Ходырева. Признавая поэтический талант Г. Ходырева, авторы критических статей пишут об оригинальности его подхода к реальным жизненным явлениям в прозаических произведениях, отмечают глубину понимания писателем особенности художественного факта. Пожелания – как работать с фактическим материалом, высказаны фольклористом Л. Долгановой в рецензии «Кылбурчилэн веросьёсыз» («Рассказы поэта», 1980 на книгу Г. Ходырева «Кытчы лобо пилемъёс?»): «Сложности начинаются тогда, когда автор не подключает фантазию, начинает “давить” факт. В этом случае произведение получается сухим, не берет за душу. Не все произведения в этом сборнике одинаковы по уровню... Однако автором подняты животрепещущие темы. Книга читается легко, если автор и дальше думает работать в прозаических жанрах, ему необходимо обратить серьезное внимание на сюжетную основу своих произведений. Сюжет должен соответствовать детскому восприятию, притягивать ум и сердце ребенка» [45, с. 47].

Между тем, авторы названных рецензий, уделяя внимание характеристике особенностей художественного словоупотребления Г. Ходырева, нередко обвиняют поэта в чрезмерном использовании диалектизмов или других местных народных изречений. В вину писателю ставится и его склонность к созданию индивидуально-стилевых неологизмов. Сегодня языковое своеобразие творчества Г. Ходырева, его интерес к словотворчеству, смелые эксперименты с рифмой и содержанием слова мы признаем несомненным достоинством.

Приведенные цитаты свидетельствуют, что в критике изучаемого периода объективный анализ произведений Г. Ходырева становится важнее их огульного осуждения. К этому времени относится и растущее признание творчества Г. Ходырева за пределами республики. Интересны высказывания украинского писателя Миколы Ночовного, опубликованные в газете «Удмуртская правда». Статья М. Ночовного посвящена проблеме взаимодействия творчества Г. Ходырева с украинской литературой. Связи удмуртского детского писателя с представителями разных национальных литератур страны являлись яркой

чертой его литературной деятельности. «Из далекой Удмуртии принесла мне почта подарок – новую книгу Германа Ходырева «Скачи, мой конь!», переведенную на русский язык Иосифом Курлатом, поэтом из Донбасса. Более двадцати лет длится их творческая дружба, Г. Ходырев неоднократно бывал на Украине, писал о шахтах Донбасса, в свою очередь И. Курлат на страницах областных и республиканских газет с большой теплотой рассказал о встречах с тружениками села и города, деятелями культуры и искусства Удмуртии. Мне также приходилось переводить стихи Г. Ходырева на украинский язык. В творчестве удмуртского коллеги меня более всего привлекает его умение передать нежность, чистоту детской души, войти в мир юных граждан, рассказать о нем, и ненавязчиво, по-доброму направить устремления своих читателей» [110], – пишет М. Ночовный. О том, что сложный комплекс жизненных и литературных влияний формирует черты личности писателя, обуславливает направление его творческих поисков, не раз упоминает в своих воспоминаниях Г. Ходырев. В сущности, именно литературные контакты помогли Г. Ходыреву выйти на новый уровень осмысления собственного творчества. В этом Г. Ходырев признался в личных беседах с особо близкими для него людьми.

В критике «девятиности» большое значение приобретают мысли о специфике современной детской книги, актуализируется проблема воссоздания образа ребенка. Штампы, навязанные частью критиков поэзии Г. Ходырева в предыдущие годы, остаются в прошлом, все более преобладающим становится утверждение, что у писателя тонкое чутье к воссозданию образа ребенка. К этим годам относится осознанная оценка многими критиками глубокой связи поэзии Г. Ходырева с фольклором. Хотя, надо сказать, фольклорная ориентированность творчества поэта была замечена с момента появления первых его произведений. Но тогда фольклоризм ходыревской поэзии просто отмечался как факт, или с ним связывалась слабость произведений.

Изменение отношения критики к творчеству Г. Ходырева в 1990-е годы хорошо отражает «юбилейная» статья В. Ивашкина «Шуныт но, шулдыр но» («И тепло, и весело», 1992), посвященная шестидесятилетию писателя.

Размышляя о жизненном и творческом пути поэта, В. Ивашкин пишет: «Его (Г. Ходырева – *Ю.Р.*) произведения – в том числе и переводы на русский язык – хорошо знают и учащиеся, и учителя, и родители. Одну из книг, выпущенных в студенческие годы, Герман Ходырев назвал “Милям азбарамы” (“В нашем дворе”). Поначалу автор был очень рад. Но потом... Потом доходило и до отчаяния. В одно время его почти на каждом писательском собрании упрекали в том, что Ходырев не пишет ничего нового, всё посиживает на своем “азбаре” (“подворье”). Но если вдуматься, его путь в детскую литературу очень верен. Начал он писать с тем и образов, которые близки и знакомы ему самому и его читателям. Настало время для глубокого изучения и оценки творчества Германа Ходырева. Кто смеялся, тот и будет продолжать ухмыляться. Возможно, поэт на них и сердился, но не показывал этого, а все трудился и трудился» [67, с. 23].

Новое восприятие творчества и литературной деятельности Г. Ходырева во многом было связано с открытием под его руководством детского журнала «Кизили» («Звездочка») на удмуртском языке. Следует напомнить, что для удмуртских детей на их родном языке журналы выходили лишь в 1920-е годы. Издано было всего три номера детского журнала, это: «Муш» («Пчелка», созд. Кузубай Герд) и несколько номеров журнала «Кузьыли» («Муравей»).

О роли Г. Ходырева в организации и издании журнала «Кизили» («Звездочка») для современного поколения удмуртских детей З. А. Богомолова пишет: «Возможно, не сразу и не вдруг заметны плоды того, как он работает в журнале. Но “Звездочку” дети читают с большим удовольствием, значит, старания Германа Алексеевича не напрасны» [16, с. 8]. Литературная критика рассматриваемого периода на примере творчества Г. Ходырева стремилась найти перспективы развития новых тем, жанров, направлений в удмуртской детской литературе.

Обзор статей показывает, что в истории литературно-критической рецепции творчества Г. Ходырева просматриваются тенденции, характерные для литературной жизни республики второй половины XX – начала XXI века в целом. Изменения оценок произведений писателя со стороны критики выражают

процессы, обусловленные переменами в литературно-общественной ситуации в стране на разных исторических этапах. Как видим, вокруг имени Г. Ходырева в разные периоды его творчества складывалась неоднозначная ситуация. Признавая прирожденную поэтическую даровитость Г. Ходырева, авторы критических статей давали противоречивые оценки его произведениям. Особенности поэтического мастерства Ходырева, эстетико-нравственный анализ поэтики его творчества так и не нашел должного внимания.

После смерти Г. Ходырева о его творчестве чаще пишут в жанре воспоминаний. Среди наиболее известных – статьи Л. Федорова «Эшъёс ке вань» («Если есть друзья», 2012) [154], Р. Яшиной «Нылпиослэн зэмос эшсы» («Настоящий друг детей», 2002) [200], С. Перовошикова «Асьме адями» («Свой человек», 2004) [117] и др. К сожалению, писательский талант Г. Ходырева, художественное новаторство его поэзии стали общепризнанными лишь после смерти мастера. Очень точно об этом пишет ученый-филолог Р. И. Яшина: «Ну почему так получается: мы начинаем понимать всю трагичность ухода великих, истинно человеческих людей только после их смерти? Не умеем ценить, когда они рядом. А жизнь так коротка... Как и после смерти Г. Красильникова, Ф. Васильева, Д. Яшина, С. Самсонова, после кончины Германа Алексеевича Ходырева я остро почувствовала, как жизнь опустела, обеднела» [200, с. 75].

Основные положения статьи Р. Яшиной «Нылпиослэн зэмос эшсы» контрастируют с ее собственными критическими воззрениями, изложенными в рецензиях, написанных раньше. К чести ученого, признав свои прошлые критерии оценки поэзии Г. Ходырева ошибочными, она пишет: «Некоторые критики (среди которых была и я), говорили, что тематика его творчества очень узка... позже стали понимать, что удмуртские дети растут в деревне, знакомятся в первую очередь с родительским домом, с деревенским подворьем, с домашними животными и птицами. Проблема ведь в том, чтобы суметь сказать по-новому о знакомых вещах. Герман Алексеевич почувствовал и понял это очень рано» [200, с. 76].

Заслуживают внимания и указания Р. Яшиной на самобытные поэтические истоки творчества Г. Ходырева: «...читаешь его книги, посвященные детям, и словно снова окунаешься в мир детства, живо приходят на ум и родительский дом, и родная деревня, босоногие “побегушки”, укрытия от дождя, пастбище, милые и дорогие сердцу картинки. И вот так, словно снова молодеешь: тебя заново охватывает радость жизни» [200, с. 77].

Известный российский критик и литературовед З. Богомолова считает безвременную кончину детского писателя Г. Ходырева невосполнимой потерей для удмуртской литературы. Ее статья «С песней – людям в души...» проникнута теплыми воспоминаниями о Германе Ходыреве. З. А. Богомолова лично знала поэта, ее связывала с ним многолетняя творческая дружба. «Он прожил недолгую, но, как писатель, счастливую жизнь» [18, с. 407]. Воспоминания З. Богомоловой помогают полнее осмыслить творческую индивидуальность Г. Ходырева, оценить его человеческие качества. В статье З. Богомоловой приведены высказывания о поэте общественно-значимых писателей и литераторов той эпохи. К примеру, московского детского поэта и переводчика Г. Ладонщикова, русского писателя Удмуртии О. Поскребышева и др. Интересны и поучительны цитируемые здесь же рассуждения самого Г. Ходырева о писателях-современниках, под влиянием творчества которых он обратился к детской литературе, оттачивал свои художественные навыки. Особую признательность, по словам З. Богомоловой, поэт выражал классику удмуртской детской литературы А. Клабукову, поэту-воину Н. Байтерякову, прозаику В. Широкову.

Достойными упоминания являются высказывания критика об индивидуальных чертах характера писателя Г. Ходырева «По характеру он был добрым, но доброта его была действенной. С пониманием и участием относился он к любой просьбе, готов был помочь каждому. Я никогда не замечала его нетерпения, нервозности. На собраниях выступал редко, не слышала выпадов против кого-то, он обладал качеством уживчивости в любом коллективе» [18, с. 412]. Продуктивными для понимания писательской индивидуальности

Г. Ходырева являются и такие наблюдения: «он до конца не пережил «период детства», вернее, не покинул этот мир внутренне, ибо непосредственно, по-детски мог воспринимать какие-то вещи, недоступные взрослому, всякий раз открывая в человеке, в ситуации что-то новое, выражая это характерным: “О-о! а-а!”» [18, с. 406]. Именно детскость как черту творческой личности Г. Ходырева не поняла и не разглядела критика «шестидесятых».

З. Богомолова отмечает весьма важные для понимания поэтики творчества Г. Ходырева свойства писателя – наблюдательность и внимательность. Действительно, тексты ходыревских произведений передают множество деталей, «увиденных» сердцем. Отсюда образная яркость его поэзии, признаваемая и теми, кто давал категоричную оценку творчеству поэта.

Для нашего исследования важна мысль критики «девяностых» об истоках творчества Г. Ходырева, о сочетании в его художественном мире традиций родного фольклора и родной литературы, опыта русской классической и мировой литератур. Из бесед Г. Ходырева с З. Богомоловой проясняется, что деревенский мальчик в студенческие годы приобщился «не только к национальной, но и советской литературе: прочитаны книги С. Михалкова, А. Барто, “Повесть о настоящем человеке” Б. Полевого, “Петр I” А. Толстого, “Кондуит” Л. Кассиля, “Чапаев” Д. Фурманова, “Огни на реке” Н. Дубова. “Русская и советская классика, – говорил Герман Алексеевич, – дала много. Писатель должен знать родной фольклор, русскую, европейскую классику. Позже я увлекся И. А. Буниным, Л. Н. Андреевым. Это в годы учебы в педагогическом институте открыл для себя поэзию В. Я. Брюсова”» [18, с. 405]. Именно сложное соединение в стиле поэта классических поэтических приемов с народными, смешение реалистических и фольклорно-романтических красок восприятия действительности не было понято частью критиков, давших предвзятую оценку книгам Г. Ходырева.

В посмертных статьях, написанных в жанре воспоминаний, раскрываются интересные факты биографии писателя, передаются эмоциональные впечатления современников о его личности. В ряду наиболее существенных посмертных

статей-воспоминаний, приуроченных к семидесятилетию и семидесятипятилетию поэта, следует назвать статьи В. Ивашкина «Синучконэ, вера на мыным...» («Зеркало мое, Расскажи мне еще...» [68], Н. Кралиной «С планеты детей» [77], А. Ельцова «Кизилюс уг кысо» («Звезда не гаснет») [48] и др. Из перечисленных статей интерес вызывает публикация Н. Кралиной. Автор, в противовес ранее сделанным собственным замечаниям к содержанию текстов ходыревских произведений, вступает в полемику с коллегами-литературоведами, также некогда обвинявшими и критически оценивавшими творчество поэта. Говоря о том, что поэзия Г. Ходырева дает пищу детскому воображению и вызывает к возвышенным и благородным порывам, Н. Кралина пишет: «Исследователи творчества поэта В. Ванюшев и А. Уваров прежде всего отметили, что “свое видение мира герои Г. Ходырева нередко передают через взрослую фразеологию, и это создает комический эффект...” Но причина художественного эффекта поэзии Ходырева в ином: не герои как бы копируют взрослых, а вполне взрослый автор, оставшись навсегда ребенком, живет среди своих героев равный среди равных, вжившийся в их мир, и не мыслит себя вне этого мира. Он не приспосабливается к их восприятию и ощущениям, а просто остается самим собой – большим удивленным и удивительным ребенком. Остаться ребенком – сообразительным, остроумным, гениальным, талантливым – но всегда немного наивным ребенком. Это было его призвание, его судьба, его радость и боль» [77].

Рассуждения Н. Кралиной не раскрывают всей полноты мыслей, высказанных в соответствующих рецензиях В. Ванюшевым и А. Уваровым, на статьи которых в диссертации сделаны ссылки. Чтобы снять противоречия в восприятии произведений Г. Ходырева, необходимо комплексное изучение его художественного мира, учитывающее специфику содержания творчества писателя и особенности его стиля, изобразительных приемов.

Последнее десятилетие характеризуется снижением интереса критики к творчеству Г. Ходырева, несмотря на растущую популярность его произведений в читательской среде. Снижение критической активности по отношению к творчеству Г. Ходырева во многом связано с уходом из жизни его

современников – писателей, журналистов, критиков: А. К. Леонтьева (1944–2008), З. А. Богомоловой (1923–2012), К. Е. Ломагина (1933–2012), М. В. Гавриловой-Решитько (1935–2013), В. М. Ивашкина (1939–2013), И. Иванова (1953–2015), Н. П. Кралиной (1923–2016) и др.

К сожалению, литературоведческих исследований, посвященных творчеству Г. Ходырева, очень мало. Прodelанный в главе диссертации обзор публикаций о Г. Ходыреве показывает, что по большей части это работы критико-публицистического характера. Проявил внимание к изучению идейно-творческой эволюции Г. Ходырева коллектив авторов статьи «Литература для детей и юношества», включенной во второй том «Истории удмуртской советской литературы» [28]. Небольшой раздел о Г. Ходыреве имеется в монографии литературоведа и критика З. Богомоловой «Песня над Чепцой и Камой» [15]. Попытка раскрыть художественное своеобразие поэзии Г. Ходырева, особенности его мироощущения сделана в статьях автора диссертации [58; 126; 127].

2017 год ознаменовался в республике восьмидесятипятилетним юбилеем Г. Ходырева. В честь этой даты были проведены экскурсии, встречи, организованы выставки, конкурсы. Многие мероприятия, кстати, прошли под активным началом Литературно-краеведческого музея, носящего имя Германа Ходырева, работающего при общеобразовательной школе № 20 г. Ижевска. Особенно значимыми событиями стали: конкурс чтецов «Дети читают Германа Ходырева» в рамках фестиваля «Читай, Ижевск!» и вечер памяти писателя, проведенный в Доме дружбы народов. Однако, несмотря на широкую известность творчества Г. Ходырева в читательском и литературном сообществе республики и за ее пределами, удмуртская филологическая общественность весьма скромно отозвалась на эту дату [44, с. 24–31].

Пусть не все в творчестве Г. А. Ходырева эстетически равнозначно. Но в целом Г. Ходырев и сегодня «в общем строю удмуртской детской литературы, в ее первых рядах». Этими словами заканчиваются воспоминания души известного в республике современного журналиста Вл. Михайлова о своем литературном наставнике Г. Ходыреве: «Нылпи литератураысь генерал пинал

армиезлэн котьку азыпалаз» («Генерал детской литературы всегда впереди своей армии-детворы») [105, с. 92].

Выводы. Характеристика творческой индивидуальности Г. Ходырева так или иначе составляет понятие его художественного мира. Изучение индивидуальности поэта связано с рядом имен, чье творчество оказало влияние на формирование его мировоззрения, литературного мастерства, вкуса. Круг имен, повлиявших на формирование творческой индивидуальности Г. Ходырева, определен самим писателем в его статьях, письмах, воспоминаниях. Из удмуртских писателей им названы – М. Петров, М. Покчи-Петров, А. Клабуков; из русской советской классики – К. Чуковский, С. Маршак, А. Барто. Однако разговор о влиянии философско-художественных идей на развитие творческой индивидуальности писателя всегда выходит за границы эпохи, в которой он живет и работает. В работе не ставилась цель назвать все имена, повлиявшие на творчество Г. Ходырева «напрямую». Вместе с тем, в главе показано, как творческая биография Г. Ходырева, его литературно-эстетическая позиция складывалась в процессе переосмысления традиций народного творчества и в контексте истории удмуртской литературы, как она органично связана с русской литературой и поисками зарубежных авторов.

В главе проделан анализ критической литературы о творчестве Г. Ходырева, начиная с периода публикаций его первых журнальных поэтических подборок и издания первых книг. Изучение критического материала дает основания для выделения в восприятии творчества писателя в удмуртской критике определенных этапов. При жизни Г. Ходырева его творчество оценивалось неоднозначно.

В 1950-е – 1960-е годы на фоне сохраняющегося идеологизированного восприятия литературы, критика обвиняла поэта в «мелкотемье». Большинство критиков в соответствии с требованиями времени и политической конъюнктуры не смогли тогда увидеть подлинную «детскость» поэзии Г. Ходырева, ее тесную связь с традициями фольклора, удмуртской, русской и мировой литератур. Однако даже негативно отзывающиеся о стихах Г. Ходырева авторы критических

статей признавали силу и самобытность его таланта. Подлинное мастерство поэта впоследствии было понято, прежде всего, теми его современниками, рецепция которых была свободна от идеологических клише.

В 1970-е годы в связи с новыми художественными веяниями, идеологической переориентацией общественного сознания, критическая оценка произведений Г. Ходырева начинает меняться. В рецензиях на книги писателя все большее место теперь занимает внимание к художественной стороне произведений.

В 1980–1990-е годы процесс восприятия творчества Г. Ходырева критикой развивается с разной степенью интенсивности. Критики признают бесспорные достоинства его поэзии, среди которых – фольклоризм, тесная связь ребенка и мира природы, поэтическая образность.

После смерти писателя (1995 г.) наблюдается общее признание таланта писателя как детского автора. Хотя с большим сожалением приходится констатировать, что поэтика творчества писателя, особенности его художественного мира изучены далеко недостаточно. Тексты Г. Ходырева не включены в антологии, напечатанные в зарубежных издательствах [202; 203]. Таким образом, задача изучения творческой индивидуальности Г. Ходырева включает в себя также и издание его произведений с целью знакомства с ними широкой читательской аудитории.

Обобщение, систематизация, изучение критической литературы о творчестве одного из самых крупных мастеров удмуртской детской литературы, глубинный анализ его художественного мира на основе накопленного материала может стать, с одной стороны, хорошей базой для монографического исследования литературного наследия Г. Ходырева, с другой – подвигнуть ученых к написанию «Истории удмуртской детской литературы», которая, к сожалению, до сих пор остается не написанной.

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА Г. ХОДЫРЕВА

§ 2.1. Фольклорные истоки творчества

Подчеркнем еще раз мысль о том, что самобытность поэтического мира Г. Ходырева, богатство содержания его произведений определены тесной связью творчества писателя с фольклором. Именно опора на фольклор определила жанровое и тематическое многообразие его поэтического творчества. Исследователи отмечают, что «Произведения фольклорной поэзии любого народа являются хранителями генетической, культурной и духовной памяти этноса...» [8, с. 4]. Близость поэта к народной жизни определила хорошее знание им бытового уклада и мироотношения удмуртского крестьянства. Народное творчество воспринимается Г. Ходыревым как составная часть удмуртской культуры, как источник познания нравственных ценностей трудового народа. Иноязычным читателям поэзии Г. Ходырева нередко не понятны те или иные фрагменты и эпизоды стихотворений, поскольку они не знакомы с удмуртским фольклором. Это важно знать, прежде всего, переводчикам поэта.

Связь с фольклорной традицией проявляется на всех уровнях произведений Г. Ходырева – сюжетном, образно-тематическом и др. На основе фольклорных сюжетов им создано немало оригинальных произведений, в которых образы народной поэзии получили новое звучание и новое содержание. Нами сделана попытка изучения своеобразия фольклоризма поэзии Г. Ходырева на примере анализа конкретных произведений, где наиболее полно проявились характерные особенности связей творчества поэта с устной поэзией.

Наиболее многообразно в ходыревском художественном арсенале представлены народно-поэтические сравнения и обороты, олицетворения, метафоры, эпитеты, параллели с осознанным учетом их устойчивых функций и ассоциаций. Многое почерпнул Г. Ходырев из народной песни, частушки, притчи, легенды. Его поэзия породнилась также с загадкой и пословицей и с такими характерными жанрами детского фольклора, как песенка-дразнилка, считалка, скороговорка.

Ходыревский фольклоризм много сделал для демократизации содержания и формы удмуртской детской литературы. Такого плана ходыревские тексты напечатаны в издаваемых в республике «антологиях», составителями которых являются сотрудники журнала «Кенеш» [229; 227].

Особо активно поэт использует народные сравнения, фразеологизмы. Этот прием достаточно часто встречается в ходыревских стихотворениях, изданных в сборниках разных лет: «Кызы мон будй» («Как я рос», 1959), «Чибориё буко» («Разноцветная радуга», 1972), «Покчи дэменчи» («Маленький, да удаленький», 1986) и др. Наглядное представление дает стихотворение «Чагы пуйы» («Ябеда») из сборника «Чибориё буко» («Разноцветная радуга»):

Ураме али ик пот,
Эшъясьдлы кидэ сёт,
Шу, уг чагиськы ни, уг,
Чагиськыса улон шуг.
Чагы пуйы шуозы –
Тонэн-а эшъяськозы!

Выйди на улицу сейчас же,
Протяни ребятам руку,
Скажи, не будешь жаловаться,
Жалобой трудно жить.
Ябедой назовут –
Будут ли с такой дружить!

[223, с. 11].

Используемый поэтом фразеологический оборот «чагы пуйы» (букв. «жалоба-мешок», «ябеда-мешок»), который до сих пор широко распространен в удмуртском детском фольклоре, удивительно точно передает эмоциональное состояние маленькой девочки, повздоровившей с мальчишками-ровесниками. Посредством короткой поэтической строфы создана выразительная, почти живописная картина-назидание, описывающая взаимоотношения ребят в играх, и одновременно объясняющая значение дружбы, призывающая детей к умению ладить между собой в любой ситуации.

Другой пример, в котором также проявляется ассоциативная связь с народным фразеологизмом – стихотворение «Чечы» («Мёд»):

Ѓушказ бен со (муш – *Ю.Р.*) мынэсьтым
Шиеныз бамме.
Уськытй мон кийсьтым
Чечы пуньыме.
Мон кожей, съорам лобзе, –
Пегзисько чаляк.

Ошпарила же она (пчела – *Ю.Р.*)
Своим жалом мне щеку.
Уронил я с рук
Маленькую ложку.
Я подумал, летит за мной, –
Убегаю со всех ног.

– Эх тон, муш – *чурыт куртчем*,
Чечыдэ жаляд!

[215, с. 13].

– Эх, ты, жади́на-пчела,
Меда пожалела!

С одной стороны, в устойчивом словосочетании «чурыт куртчем» (букв. «жёстко зажавший зубами», «крепко-накрепко стиснутые челюсти») легко угадывается детская дразнилка «жади́на-говя́дина», с другой – просматривается связь с народной характеристикой: прижимистый, бережливый, рачительный, домовитый и др. К народным сравнениям ведут нас и строки из стихотворения «Ыжлюгы» («Колючка-приставучка»):

– Тон жадёд, – солы вазе
Агаез.

Бичалод тон ёуказе

Эмезез.

– Уг, туннэ! – шуэ Очан,
Кесяське.

Интыяз уг сыл, тэтча,

Куриське.

– *Ыжлюгы* кадь вылэмед

Тон, Очан.

Пыдъёстэ кутчамтэед,

Мын, кутча!

Тани, ме, тыныд пичи

Посуда.

Нуыны сое, Очи,

Вормод-а?

...Малы весь иса вынзэ

Та Ыыгын?

– Тон ачид, – Очан вазе, –

Ыж люгы!

[216, с. 11].

– Ты устанешь, – ему отвечает
Старший брат.

Пойдешь ты завтра

По малину.

– Нет, сегодня! – говорит Очан,
Кричит.

На месте не стоит, скачет,

Просится.

– Ну и репей же ты, Очан,

Оказывается,

До сих пор не обулся,

Обувайся!

На, вот тебе маленькая

Посуда.

Нести ее, Очан,

Силенок-то хватит?

...Почему все время дразнит братика

Этот Ыыгын?

– Ты сам! – отвечает Очан, –

Пристаешь как *ыж люгы!**

Свое творческое кредо как детского поэта Г. Ходырев в предисловии к книге «Чале ми вёзы!» («Давайте вместе с нами!») формулирует следующим образом: «Нужно жить вместе, всегда в дружбе, понимая друг друга, стараясь сделать друг другу доброе, отказываясь от плохих привычек, веря только в хорошее – вот такими идеями я старался наполнить эту книгу» [172, с. 7].

* «Ыжлюгы» (удм.) – букв. перевод: «череда»; сравнение соотносится с фразеологизмом «колючка-приставучка»

Г. Ходырев не только непосредственно использовал народно-поэтический материал, но усваивал приемы его обработки, созданные классиками удмуртской и русской литературы. Наиболее плодотворно он постигал творческие принципы комического, в частности, традиции А. Клабукова. Отличительной чертой литературного дарования Ходырева, как и Клабукова, является органическое единство, казалось бы, несоединимых начал: проникновенного лиризма и комического в многообразии его проявлений – от мягкой иронии до сатиры. В таких стихотворениях существенное место занимает нравственная тема, в особенности – тема формирования личности ребенка: воспитание отзывчивости, трудолюбия, умения критически относиться к самому себе. Комические ходыревские тексты отличаются естественными интонациями, наполненностью детскими ощущениями и, вместе с тем, конкретными бытовыми наблюдениями. Цельности лирических образов в «смешных» стихах поэт добивается путем иронически-шуточной интерпретации народных выражений, умелой перефразировки устойчивых речевых оборотов. К примеру, прием шуточной переделки известного народного сравнения использован в стихотворении «Горшокен эмезь» («Горшок с малиной»):

– Эмезьлы, пияш, ветлйд-а?	– Малыш, по малину, ходил?
– Эмезьлы, о-о.	– По малину, ага.
– Бен, эмезь уно шедьтйд-а?	– А малины много ли нашел?
– Эмезь туж уно. <...>	– Малины очень много. <...>
– Эмезед малы уг адскы?	– А малину почему не видно?
Оло шат лапкам?	Осела, что ли?
– Вань эмезьме мон бичай ук	– Всю малину собирал ведь я
<i>Пеймыт горшокам!</i>	В темный свой горшок!

[215, с. 13–14].

Шуточная финальная фраза «пеймыт горшокам» (в «темный горшок») является переиначенным вариантом таких хорошо известных в народе словесных выражений, как «пыдэстэм мешок» («бездонный мешок»), «пыдэстэм вышкы» («бездонная бочка»), «пыдэстэм бекче» («бездонный бочонок»). Примененный поэтом фольклорным способ выражения, соответствуя строю и стилю

стихотворения, не разрушает художественной цельности текста, но придает ему легкий комический оттенок.

Комическое в поэзии Ходырева связано не с шутовством и балагурством, оно ему необходимо для «просвечивания» идеала, утверждения добра и гармонии. Примечательно, что специфический народный юмор в сочетании с универсальными фольклорными образами приоткрывает скрытые в ходыревских текстах особенности народного миропонимания. Высмеивая недостатки в поведении детей, их ошибки, шалости, автор нередко иронизирует и над самим собой.

Поэт очень точно улавливает любовь ребенка к небылицам, перевертышам, к комическим несоответствиям. Увлекает Г. Ходырева и словесная игра с применением метафор, эпитетов, параллелей. Маленький читатель смеется над воссозданными писателями историями, принимая их за шутку, поскольку прочитанное ребенком противоречит его представлениям об окружающем мире. К примеру, стихотворение «Тумошо Опо» («Потешный Опо») из книги «Пиос но будо но» («Вот и мальчишки растут», 1991):

Кыл вылын Опо	На словах Опо
Толэзе тубоз,	На Луну поднимется,
Кыл вылын Опо	На словах Опо
Шундыез сабоз.	Солнце достанет.
Кыл вылын Опо	На словах Опо
Кам вамен уя.	Через Каму переплывет,
Кыл вылын Опо	На словах Опо
Инсьӧрын поръя. <...>	В космос улетит <...>.
Ушъяськиз Опо,	Хвастался Опо,
Уямез ӧйлась.	Переплыть не смог.
Тулкымен гуньдйз,	Захлебнулся волной,
Ымыз вылэм – пась.	Оказалось, рот не закрыл.

[240, с. 1–3].

Хвастливый Опо на словах готов и на Луну слетать, и солнце поймать, и в космосе побывать, и реку переплыть, но как доходит до дела, оказывается, что и плавать-то не умеет, и тут же получает характеристику (ярлык): «ымыз пась» («рот дырявый»). Автор называет героя несуществующим, но «говорящим»

именем Опо, внося изобразительно-сатирический оттенок в образ «дырявого рта». В такого плана стихотворениях Г. Ходырева слышится ритмика детской считалки с ее характерной установкой на скандирование. В них одновременной проявляются авторские переживания, юмор и веселье.

Обратимся также к стихотворению «Кечтака» («Козел»). Оно подтверждает, что любовь и интерес к народному юмору прочно вошли в жизнь и творчество поэта:

– Баблес тушо, кузь суро, – Сюрёсын бен мар карод? – Исады ке, возматом, Кымысады сюр пукто!	– Бородатый, длиннорогий, Что ты будешь делать с рогами? – Будете дразниться, я вам покажу, Я на ваши лбы шишек наставлю!
---	--

[214, с. 7].

В удмуртском фольклоре выражение «сюр пуктйз»^{*} имеет иное смысловое значение. В данном стихотворении оно означает то, что у ребенка на лбу может «вырасти шишка», поскольку он плохо себя ведет.

Гамму чувств, ассоциаций, связанных с воспоминаниями о детстве, вызывает у взрослого читателя стихотворение «Їышкем йыр» («Налысо подстриженный»), в котором своеобразно сочетаются грусть и юмор.

Петырлэн їышкем йырыз Зуд кадь чилия шундыя. Серекья ке ымнырыз Кожалод <i>шунды мыня</i>. Нош исаськись эшїёсыз Чик уг кошко вїзысьтыз <...>. Маке шат серекьямзы – Эшїёслэн сыїе сямзы!	Налысо постриженная голова Петыра На солнце блестит как наковальня. Когда смеется его лицо, Оно кажется улыбающимся солнцем. А друзья мальчишку все дразнят И никак от него не отойдут <...>. Ну и пусть дразнят – Раз у друзей привычка такая!
--	--

[216, с. 31].

Широко распространенный в народе словесный оборот «шунды мыня» («солнце улыбается») употребляется при характеристике добродушного, незлобивого, благожелательного человека. В ходыревском стихотворении «Їышкем йыр» этот речевой оборот используется в качестве стилистического приема, описывающего натуру благодушного мальчика, в чем-то немного

^{*} «Сюр пуктйз»^{*} – букв. – «рога понаставил»

неуклюжего и смешного. Народный оборот придает тексту выразительность и живость.

Изучение удмуртского детского фольклора показывает, что Г. Ходырев охотно прибегал к коротеньким и предельно точным фольклорным формам [См.: 207; 211; 212]. Когда Г. Ходырев начинал свой творческий путь, определенная часть удмуртских писателей была враждебна традиции народного смеха детской литературы. Произведениям детской литературы «доставались», по остроумному выражению С. Маршака, лишь «обесцвеченные остатки фольклора» [97, с. 21]. Г. Ходырев – настоящий мастер разговора с ребенком на языке комического. Зачастую обращаясь к различным средствам и формам комического народного, поэт использует прием параллели между сказочными персонажами и людьми, подводя ребенка к конкретному заключению – что такое хорошо, а что такое плохо. (Этот способ наглядно проявился в авторских сказках Г. Ходырева, о которых речь пойдет ниже.)

Эстетическая категория комического в детской литературе способствует развитию представлений ребенка как о смешных, так и уродливых явлениях жизни. Талантливый писатель умеет одновременно вселять в маленького читателя веселое настроение и сделать смех орудием борьбы против больших и малых пороков. Ребенок всегда откликается на добрую шутку, забавную историю, интересную выдумку. Умели разговаривать с детьми на языке комического в удмуртской литературе Кузедуб Герд (1898–1937) и А. Клабуков (1904–1984), которые, кстати, нередко критиковали писателей-современников за неудачные переделки фольклора.

На новом этапе развития удмуртской детской литературы Г. Ходырев вырабатывал собственный стиль работы со словом, стремился освоить и внедрить разнообразные «механизмы» комических приемов. В своих статьях и выступлениях он критиковал стертые штампы и маловыразительные рифмы, столь свойственные удмуртской детской литературе послевоенных десятилетий. Напомним, еще в самом начале пути Г. Ходырева в литературу, Ф. Васильев, несмотря на жесткую оценку первых книг поэта, отметил, что сюжеты стихов-

первенцев просты, но подкупает язык, богатый фольклорными идиомами. Он также говорил об искусном применении поэтом юмора. «Это и нравится детям», – писал Ф. Васильев [29, с. 47].

В поэтике стихотворения «Чебеляй» (букв. «украшал») большое значение имеет игра со звуками. Слова, воспроизведенные в детском произношении: «чеберьяй – чебеляй» («украшал – уклашал»), весьма своеобразно приучают ребенка к поэтической речи. Известно, что ребенок познает окружающий мир через слова, через наименования предметов, определение действий и т. д. Автор в этом стихотворении отвечает от лица ребенка, и таким образом воссоздает картину детского мира.

– Чебеляй,
Чебеляй! –
Кесяське ини песяй. <...>
Нуназе куазен Кимок
Син азьысь ышиз,
Шыльтчиз! <...>
Шугьяське ни песянай.
Вазе солы Чебеляй:
– *Маштешкойын*
Мон пойяй,
Машинаме чебейяй!

– Чебеляй,
Чебеляй! –
Зазывает (внука – *Ю.Р.*) бабушка. <...>
Среди белого дня
Пропал внучек Кимок,
Испарился! <...>
Беспокоится бабуля.
Отвечает Чебеляй:
В маштешкой
Глудилиша,
Швою машину уклашал!

[242, с. 33].

Слово «чебеляй» – уменьшительно-ласкательное прозвище внука, которое он получил из-за трудновыговариваемого им слова «чеберьяны» («украшать»). Посредством этого слова автор довольно оригинально «пробивает» веселую ритмику стиха.

Для многих стихов Г. Ходырева, даже совсем коротеньких, характерна сюжетная законченность. Поэтому эпизод, представленный автором – не застывшая картинка, а движущийся кадр. Весьма своеобразно, занятно и весело Г. Ходырев умеет воссоздавать скрытые жизненные парадоксы. Здесь автор искусно прибегает к фольклорным повторам, перевертышам. Радиожурналист и поэт В. Михайлов проницательно отметил, что ребята особенно любят стихи Г. Ходырева, заканчивающиеся «шөдтэк шорысь серемпыр чурьёсын»

(«неожиданно, смешными фразами») [105, с. 92]. Действительно, ходыревские стихи, веселя и забавляя читателя-ребенка, побуждают его самого воссоздать в памяти неординарные случаи из своей жизни в эстетической форме. Ходыревские «смешинки» развивают в ребенке восприятие художественной символики, формируют в нем литературное чутье, понимание особенностей текста. В своих суждениях о детской литературе и народной словесности Г. Ходырев отмечал, что ребенку близки не описательные и бессюжетные стихи, а пронизанные веселыми ритмами детского фольклора. (Литературно-критическая деятельность Г. Ходырева рассмотрена в третьей главе диссертации.) Обратимся к популярному в современной читательской среде стихотворению «Лымы комок» из сборника «Пичи воргорон».

Сильсьöраз, саесъёсаз
Таляк туляськем лымы.
Лымы люк кадь луыса,
Сюл-кал бертэ Мишимы.
Тодмазы сое мырдэм,
Мар бен та, пе, тамаша...
Кызы вормид мугордэ
Вайыны гуртэ, Миша?

За шиворот, в рукава
Набилось снега полным-полно.
Точно снежная баба,
Еле ворочая ноги, возвращается Миши.
Узнали его с трудом,
Удивляются: как это понимать...
Как ты свое тело сумел
Донести до дома, Миша?

[216, с. 19].

У ребенка, считает поэт, есть неосознанная, однако эмоционально здоровая тяга к народному. В стихотворении «Пиньтэм Лёня» («Беззубый Лёня») автор описывает событие через восприятие ребенка. Стихотворный текст отражает народно-поэтическую «память», связанную с сюжетами «выпадения», «шатания» детского зуба. В силу неожиданности обычное явление – выпадение молочного зуба, – ребенок воспринимает весьма драматично, если не сказать трагично.

Лёнялэн пиньыз усем,
Ымдураз бордон вуэм.
Песязлы жожтйське:
– Мон пиньтэк кылё,
иське.
Кызы мон пиньтэм улом?
Нянез кызы кушалом?

У Лёни выпал зуб,
На губах уж плач.
Бабушке жалуется:
– Я беззубым, получается,
останусь навсегда?
Как я буду жить без зуба?
Как я буду хлеб жевать?

[216, с. 13].

М. Горький призывал советских писателей активно создавать детские книжки, где было бы «побольше юмора». Писатель считал, что нельзя «втискивать детей в серьезное», поскольку это подавляет «их неорганизованную и податливую волю» [40, с. 86]. Удмуртская критика неоднократно отмечала, что национальной литературе недостает творческого использования приемов комического посредством обращения к широко распространенным в удмуртском фольклоре жанрам – потешкам, прибауткам, небылицам, считалкам и др. Эту лакуну в истории удмуртской детской литературы восполнило озорное и доброе слово Г. Ходырева. Наряду с сюжетными стихами появились авторские прибаутки и другие смешные стишки, напоминающие короткие фольклорные жанры.

Кытын али,
Утча, мын,
Ветлэ Эчеше?
Нюлэскын, пе,
Кыз йылын
Э-че-ше!

[250, с. 8].

Где сейчас,
Сходи, поищи,
Ходит Прекослов?
Говорят, в лесу,
На елке
Пре-ко-сло-вит!

Или:

Бадьпуэз мон чик ой чиг,
Чигыса од адзы чик.
Тон ачид, луоз, чигид,
Мурт вылэ юри чагид!

[250, с. 9].

Иву я вовсе не ломал,
Ты вовсе не видел, чтобы я ломал.
Ты сам, возможно, сломал,
Свою вину на меня скинул!

Можно говорить и о своеобразной «встрече» в поэзии Г. Ходырева фольклорной традиции и традиции литературной, об опосредованном характере связи поэта с родным фольклором. Речь идет о влиянии национального фольклора на творчество Г. Ходырева через освоение им опыта заимствования приемов народно-поэтического творчества мастеров русской советской детской классики. Мы уже писали о том, что удмуртский поэт успешно внедрил в национальную детскую литературу прием аллитерации, искусно применяемый К. Чуковским, С. Маршаком, С. Михалковым и др. Образцы и примеры органического вхождения в область устного народного творчества Г. Ходырев видел в поэзии

А. С. Пушкина. К примеру, в сказках Пушкина его привлекало умение великого мастера творить в соответствии с народными социальными и нравственными воззрениями, выраженными в фольклоре.

Об искусном проникновении в поэтику детского фольклора говорит работа Г. Ходырева над «составляющими» фольклорную образность текста. Так, сочетание различных звуков, выполняющих звукоподражательные роли, придает ходыревским стихам игровое начало, они легко прочитываются детьми и органично ими воспринимаются.

Тыпыр-тапыр, тыпыр-тап!
Пилем пу Петыр пырта.
[232, с. 30].

Тыпыр-тапыр, тыпыр-тап!
Поленья заносит Петруша.

Или:

Чаки-чаки! – чабыло киосы.
Тапи-тап! – тыпырто пыдьёсы.
[232, с. 46].

Чаки-чаки! – хлопают ладошки.
Тапи-тап! – топают ножки.

И еще:

Кылтэчы, Кылтэчы,
Кыё кыл нош тэчид?
[242, с. 5].

Острослов, Острослов,
Что ты нового сострил?

В. Ивашкин верно отметил, что одна из отличительных черт поэзии Г. Ходырева – это стремление поэта научить ребят в игровой форме «пониманию правильного и ошибочного поступка, уважать коллектив» [62, с. 8]. Такие стихи поэта стали играми-считалками. Детский фольклор, как известно, сильнейшим образом проникнут игровым началом. В ходыревских стихах игровую задачу чаще «выполняют» фрагменты таких жанров, как считалка и скороговорка с их богатым звукоподражанием, практически невозможным перевести на другой язык.

Важный прием стихов Г. Ходырева для самых маленьких читателей – обратное превращение, или же игровое несоответствие. Повторы, сравнения, небылицы нередко моделируют игру. В ряде стихотворений разница желаний и возможностей нарушает установленный жизненный порядок и приводит ребенка

к радостному читательскому изумлению. Автор не стремится осудить плохие черты характера ребенка, он желает вызвать детскую улыбку, передавая свое доброжелательно-насмешливое отношение к несоответствующим явлениям действительности. В «дело» включается прием читательского домысливания, которое происходит параллельно авторскому повествованию, происходит толкование ребенку житейской мудрости в легкой, игровой манере. В связи с этим можно говорить о разработке Г. Ходыревым новых композиционных структур. Весьма своеобразно воссоздан Г. Ходыревым юмор «домысливаемой» ситуации в стихотворении «Укылтэм Арки» («Непослушный Арки»), вошедшем в раннюю книгу «Пичи воргорон» («Мужичок», 1961).

Пинальёс урно ултй
 Ёрьяло канаваос.
 Доразы Арки лыктйз,
 Кожазы, лэся, юрттоз.
 Со ветлэ куашкатьяса
 Дурьёссэ канавалэсь,
 Бызись ву тымиськыса
 Ёрьяське сюрес вылэ.
 Витьымтэ шорысь Арки
 Пыдесозь ик колйськиз.
 Дйськутэз сачак котмем,
 Пияшмы луэм кылтэм...

Под окнами изб
 Дети роют канавы.
 Подошел Арки к ребятам,
 Подумали, поможет.
 Он же начал рушить края
 Вырытого водопотока,
 Вешние воды теперь
 Потекли, размывая дорогу.
 Вдруг сам Арки
 По колено в воду оступился.
 Одежда вся его промокла,
 Мальчик потерял дар речи...

[216, с. 23].

Верность поэтике фольклора характеризует ходыревские произведения, написанные и в зрелый период творчества. Созданные в коротком жанре считалки, дразнилки, скороговорки, и т.д. составили целый раздел «Вакчи чурьёс» («Короткие строки») книги «Покчи дэменчи» («Маленький, да удаленький», 1986). Следует заметить, что перевод на русский язык названия книги «Маленький, да удаленький» на наш взгляд неточен. Буквальный перевод «покчи дэменчи» – «маленький организатор-заводила». В эту книгу вошла широко бытующая в современной детской удмуртской среде считалка «Икча-кучка, пыддэ кутча» и другие потешки. Интересно заметить, что сегодня многие ходыревские потешки, считалки, дразнилки воспринимаются как народные.

Юмористические дразнилки, смешилки, например, «Тумошо Опо» («Смешной Опо»), «Йыры кур» («Я обиделась»), «Кылтэчы» («Острослов») и др. – можно найти в книгах «Пиос но будо но» («Вот и мальчишки растут») и «Покчи дэменчи» («Маленький да удаленький»). Особенно любимые детьми стихи такого плана все еще остаются «разбросанными» на страницах газет и журналов [237; 238; 239; 243; 245; 246 и др.]. Нами обнаружено несколько текстов, не включенных ни в один сборник Г. Ходырева, например, один из них – скороговорка «Ящерка» в журнале «Кизили»:

Кензали, кензали,
Лйял пушкы-а кугзад?
Эн зургеты, эн зуды,
Мон урдо вадьсад пагза.

Ящерка, ящерка,
Что ли ты застряла в пне? –
Вот тебе лесенка!
Не ворчи, не бойся!

[238, с.11].

Обращение писателя к фольклорному юмору, в особенности к лукавой народной пословице или поговорке позволяет ему без особого труда перевести драматическую ситуацию в комическую. Д. А. Яшин верно заметил, что юмор и неожиданные оригинальные концовки составляют ведущие «черты авторского стиля» Г. Ходырева [198]. Хорошо трансформированную устно-поэтическую лексику и образность поговорок о «торопыжках» несложно обнаружить в стихотворении «Колоша» («Галоши»), заучивание которого, кстати, стало уже традицией нескольких семейных поколений. Воссозданный в стихотворении эпизод, изображающий, как маленький мальчик, наспех обувшись в галоши взрослых, бежит загонять во двор возвращающуюся с пастбища домашнюю скотину, знаком каждому сельскому ребенку и взрослому. Читатель-ребенок сразу узнает в Олёше себя и надолго запоминает юмористическое определение, которым наделяется излишняя торопливость героя: «ури-бери», «таш-таш», «кис-куань». Для этого стихотворения также характерна ритмика народной поэзии, в частности, считалки, которая динамично и экспрессивно передает действия героя, смену его чувств и переживаний, характеризует обстановку.

Пыдаз бадзым колоша
Кутчам милям Олёша.

На ноги большие галоши
Надел наш Алеша.

– Ыжъёсмы, лэся, берто,
Ури-бери мон пырто! –
 Бызыса Олёш мынйз.
 Дэриен гылзиз, усиз –
Таш-таш наштаз ымнырзэ,
 Дэремзэ но штанизэ.
Кис-куань! бёрдэ Олёша...
 Ух! со бадзым колоша!

– Овцы, кажется, идут,
 Я их очень-очень быстро заведу! –
 Стремглав Алеша побежал,
 Но в грязи поскользнулся, упал –
 Сильно-сильно запачкал лицо,
 и рубашку, и штаны.
Кис-куань! плачет Алеша...
 Ух! эти большие галоши!»)

[215, с. 14].

Чтобы воспринять иронию стихов Г. Ходырева, нужно осознать скрытый смысл насмешки. В произведениях детского поэта позднего периода творчества, адресованных детям среднего школьного возраста, палитра смеха значительно расширяются. Его начинает привлекать юмор ситуаций, приемы комического преувеличения, абсурда, небывальщины.

Определения, которые даются в современной гуманитарной науке понятию «абсурд», являются весьма и весьма спорными. Анализ концепций ученых поэтики абсурда представлен в работе М. Двойнишниковой [42, с. 91–93]. Исследователь М. Черняк пишет, что литература абсурда, выставляет «бессмысленными, парадоксальными, нелепыми или смешными привычные условности, правила, законы и логические значения. Благодаря этому, сближается безобразное и возвышенное, переплетается нереальное с реальным, настоящее с будущим, вскрываются противоречия действительности» [183, с. 2]. Для нас интересны исследования, в которых «абсурд» анализируется в рамках литературного произведения как категория текста (О. Чернорицкая [182], О. Буренина-Петрова [23], С. В. Сигов [134]). О. Буренина-Петрова на примере анализа культурного пространства искусства и литературы XX века, предлагает следующее понятие «абсурда»: «Можно сказать, что абсурд – это констатация смыслового, логического, бытийного, а соответственно и языкового бессилия обнаружить организующее начало в окружающем мире» [23, с. 34].

Перевернутый «вверх тормашками» абсурдный поэтический мир привлекает маленьких читателей. Это во многом объясняется тем, что абсурдные стихи комичны, дают простор воображению, их сюжеты и развязки совершенно

неожиданны. Хотя, надо заметить, абсурдные стихи не всегда жизнерадостны, нередко они вызывают совсем не радостные чувства. В русской детской поэзии широко известна абсурдная поэзия Д. Хармса. Специалисты в области русской детской литературы справедливо считают, что детские стихи-путаницы, стихи-бессмыслицы «перекочевали» в отечественную литературу из английского фольклора. Вернее, заимствованы от английских детских авторов, творчество которых было тесно связано с национальным фольклором. В России эти стихи популярны благодаря переводам К. Чуковского, С. Маршака и др. Переводы русских советских классиков хорошо «вжились» в культуру разных народов нашей страны, внесли своеобразный вклад в возрождение самобытных традиций устного народного творчества.

Одним из первых в национальную детскую поэзию привнес элементы абсурда Г. Ходырев. Но, пожалуй, его «путаная» поэзия больше связана с жанром небылицы, который универсален для многих национальных культур. «Небылица – жанр устного народного творчества, прозаическое или стихотворное повествование небольшого объема, как правило, комического содержания, в основе сюжета которого лежит изображение нарочито искаженной действительности» [108].

Небылица в стихах Г. Ходырева оригинально и непосредственно связана с нестандартными качествами ребенка, с его незаурядностью, уникальностью, с тем, что сегодня называют таким обобщающим словом, как креативность. Для большей конкретности обратимся к стихотворению Г. Ходырева «Маиныз-о мукетгес?» («Чем отличается?»). Умело построенный поэтический сюжет «рассказывает» о том, как ребята открывают для себя привычную степень родства по материнской линии с неожиданной стороны. Для русскоязычного читателя требуется небольшое пояснение: в удмуртском названии родственников по материнской линии есть постоянная приставка «*йуж-*». Семантика этого слова при отдельном его употреблении означает – «желтый». На первый взгляд, поведенная Г. Ходыревым ситуация, вроде бы, ничем и не примечательна. Однако вскоре проясняется, что лирический герой Мики доводит понятие слова «желтый»

до абсурда («желтость», «желтизна»). Он полагает, что только его бабушка может быть истинной «чужанай», так как все у нее и все на ней – желтое:

– Мынам вань *чужатае!* –
Ушъяське Оги.
– Нош мынам – *чужапае!* –
Өз чида Лёги.
– Нош мынам *чужодиге!*
– Мынам вань нош *чужмуртэ!..*
<...>

– Огдылэн но өвёл *чуж.*
Мынам гинэ *чуж* ке *чуж!*
– Кызы озы? Кычегес?
Маиных-о мукетгес?
– Одыг пиньыз солэн – *чуж,*
Зундэсэз но солэн *чуж,*
Сандыказ *чуж* чалмаез,
Чуж айшетэз, кышетэз,
Чуж-чуж чебер пыдвылэз.
Вот *чужанай* ке *чужанай!*

[240, с. 9].

– У меня есть (*желтый*) дед! –
Хвастается Оги.
– А у меня – (*желтая*) тетушка! –
Не стерпел Лёги.
– У меня – двоюродный (*желтый*) брат!
– У меня же есть (*желтый*) дядюшка!..
<...>

– Но никто из ваших не *желтый*.
У меня вот – *желтая*, так *желтая!*
– Как это? Как это так?
Чем же она отличается? Почему?
– Есть у нее *желтый* зуб,
И колечко у нее *желтое*,
В сундуке наряд – *желтый*,
Желтый фартук, платок,
Чулки ярко-*желтые*.
Вот уж *желтая*, так *желтая!*

Своеобразная путаница воссоздана в другом ходыревском стихотворении «Тырлыга» (просторечное выражение, означающее «непоседливость», «нетерпеливость»). Все вокруг заполнил чей-то голосок. Он слышен отовсюду и одновременно:

Тани чангес куараеныз
Чангетйз со шур съорын... <...>
Тани солэн куараез нош
Шукиськиз ни гурт пумын. <...>
Нош тани со чангес куара
Чангетйз школа садысь. <...>
Оло, кин ке выжыкылысь
Ачиз ветлйсь кут шедьтэм?

[240, с. 14].

Вот тонким голосом
Прозвенел он за рекой... <...>
А вот его голос снова
Слышится в конце деревни. <...>
И вдруг этот голос уже
Отдается из школьного сада. <...>
Может, кто-то из сказки
Лапти-самоходы достал?

Читатель находится в своеобразном ожидании на протяжении всего стихотворного текста: кому это разом удастся быть и там, и тут в одно и то же время? В финале произведения проясняется, что это малыш, который вдруг заговорил и сам пошел ножками одновременно. Произошло чудо. Теперь для

малыша ничего невозможного нет, потому и голос его слышен отовсюду. При знакомстве с ходыревской «нелепицей» у ребенка формируется восприятие художественной условности. В более позднем творчестве Г. Ходырева элементы абсурда более ярко проявятся в его поэмах и сказках «Аксым Аслам» («Жадный Аслам» или «Жадный Моё»), «Кин тон?» («Кто ты?»), «Тыкос» («Жадина»), «Тэшкыли но Кузыгубей» («Щелчок и Верзила») которые войдут в последний его прижизненный сборник «Чебеляй» в 1994 г.). Заметим, что последняя из названных уже издавалась в 1982 г.

Другим, часто встречающимся в поэзии Г. Ходырева средством создания образности, присущим народно-поэтическому творчеству, является олицетворение. В удмуртском фольклоре в основе этого приема – явление антропоморфизма. Г. Ходырев очеловечивает явления природы, животных и растительный мир, обыденные вещи, которые непосредственно участвуют в жизни ребенка. Многие ходыревские стихи, как и в фольклоре, построены на образном параллелизме чувств природы и ребенка, на символических лейтмотивах, созвучных народным приметам, поверьям, обычаям. Можно привести примеры из стихотворений «Вуюись» («Радуга») и «Беризь» («Липа»), включенных в книгу «Чибориё буко» («Разноцветная дуга», 1972).

Кудмында вуэз шурысь
Юэ меда вуюись? –
Йён-йён малпа Олёшмы. –
Адзэ вал ас синмыныд. <...>
– Я, кытын-о вуюись? –
Утчаське Олёш инмысь.
Адзэ со: нюлэс палан
Ошиськем ини карнан.
Вот кытын вылэм ни вуюись,
Со мукет шуре кӧчем татысь! –
Олёш сылэ, мыньпотэ:
– Кӧтыз, лэся, тырымтэ!

[223, с. 6–7].

Интересно, сколько воды в реке
Может испить радуга? –
Деловито размышляет наш Олёш. –
Эх, глянуть бы своими глазами! <...>
– Ну, и где эта радуга? –
Ищет в небе радугу Олёш.
Видит он: над лесом
Опустилось коромысло.
Вот где уже, оказывается, радуга,
Она переметнулась на другую речку!
Олёш стоит, улыбается:
– Видно, не насытилась!

Или:

Я, кызы толэз тольёз,
Кин-о сое жаляллоз?

Ну как она перезимует,
Кто ее пожалеет?

Куарьёсыз ке луысал,
Беризь чик öй кынмысал!
Тол-бабай вазиз мыным:
– Эн сюлмаськы, эн!
Мон уг сёты кынмыны,
Шобырто гөрен!

[223, с. 19].

Вот если бы были листья,
То липа бы вовсе не замерзла!
Дед-Мороз сказал мне:
– Нет, ты не горюй!
Я не дам застудиться,
Укрою инеем!

Для маленьких героев Г. Ходырева природа – живое существо. Отзывчивость природы, ее участие в душевных переживаниях человека характерны для различных жанров удмуртского фольклора, но особенно часто это встречается в лирических песнях, причитаниях, мифологических сказках. Прием олицетворения дает поэту возможность легко и просто объяснить ребенку сложные жизненные ситуации. Образно-звуковой ряд такого плана стихотворений помогает читателю воочию ощутить, к примеру, игру ветра, движение туч, закат солнца, шелест травы и т. д.:

Тöл, тöл,
Тон öвöл,
Кытй меда юмшаськод,
Ужтэмаса ветлйськод?
Пелля,
Улля пилемез,
Потты
Согем шундыез!

[232, с. 15].

Ветер, ветер,
Тебя нет,
Где ты гуляешь,
Без дела пропадаешь?
Подуй,
Прогони тучи,
Вызволи
Загроможденное (тучами – Ю. Р.) солнце!

Большое место в устном детском творчестве занимают тексты, которые используются детьми в измененном виде из фольклора взрослых. «То, что в жизни взрослых потеряло смысл и значение, находится в пренебрежении или полном забросе, что унесено временем и совершенно забыто, – подбирается детьми, находит у них интерес и встречает заботливое отношение», – пишет В. В. Виноградов [31, с. 166]. В поэзии Г. Ходырева мы видим живое осуществление этого материала и этих принципов, что благотворно сказалось на его искусстве композиции, ритма, поэтики в целом.

Особенности фольклоризма в поэзии Г. Ходырева наглядно представлены в книге «Ми но Толэзе!» («И мы – на Луну!», 1964), в которую вошли короткие

поэтические сказки «Ми но Толэзе!» и «Нодтэм Лопата» («Глупая Лопата»). Названные сказки построены с использованием незатейливых сюжетов о «ленивых» лесных зверях и Лопате-«трудоголике». Эти сказки адресованы детям младшего школьного возраста, но доступны и для самых маленьких, детсадовских ребятишек, поскольку написаны весело, просто, с юмором.

Достоинство сказок состоит в умелом сочетании веселой фантазии и изображения реального мира, органически включенного в сказочную систему. Персонажи сказок – говорящие лиса, волк, медведь, лопата, бульдозер и др. имеют живые аналоги в действительности. У Г. Ходырева нет колдунов, ведьм, чудовищ и других фантастических персонажей, вся среда и обстановка знакома и обычна. Этот «сказочный реализм» оживлен задорным юмором, переходящим в насмешку, а порой и в сатиру. Для Г. Ходырева много значили художественные принципы фольклорной сказки – соединение конкретности рассказываемого с глубиной идейных обобщений. Конкретность изображаемого он стремился подвести к социально-содержательным, воспитательно-ценным обобщениям. Сказка «И мы на Луну!» близка к жанру юмористического приключенческого рассказа. Она легко может быть использована для детской театральной постановки.

Синьёсыныз шудыса,
пельёссэ выретыса,
соослы Зичы маде,
кык эшъёс (Кион, Гондыр – *Ю. Р.*)
пуксё матэ...

Играя глазами,
шевеля ушами,
им Лиса рассказывает,
два дружка (Волк, Медведь – *Ю. Р.*)
присаживаются ближе.

[217, с. 3].

В шутильной форме автор изобличает человеческие пороки: в одном случае – лень и празднолюбие, в другом – непонимание своего предназначения и своих возможностей. Герои сказки «Ми но Толэзе!» – лесные звери Волк, Лиса и Медведь. Автор комментирует событие, связанное с первым полетом человека в космос, говорит о возможности современного человека бывать на далеких планетах. Однако это серьезнейшее событие представителей «звериного» мира

интересует лишь со стороны «продовольственного изобилия». Теперь, считают Волк, Лиса и Медведь, можно иметь все, не делая ничего.

Гурт пала мон вуылй,
Синийылтй вал Атасэз,
Їапак соку мон кылй
Їазегьёслэсь верамзэс. <...>
Адями, пе, лобаны
Толэзе дышем. <...>
Толэзын, шуо, тазы:
Си но ю, эн юа чик,
Ваньмызлы кузё ачид.

Побывала я в деревне,
Присмотрела Петуха,
И в тот момент услышала,
О чем говорили гуси. <...>
Якобы Человек
Научился летать на Луну.
На луне, они говорят,
Ешь да пей, ни у кого не спрашивай,
Сам всему хозяин.

[217, с. 3].

Другая сказка – напротив, рассказывает о непосильном, тщетном и бесполезном труде лопаты. Не приняв во внимание достижения современного технического прогресса, наивная лопата взялась за непосильный труд.

Лопата нош ушьяське:
– Уг, уг, уг!
Азбарад ачид тон пук!
Машина кадь одйгнам
Ужаме луоз мынам.

А Лопата хвастается:
– Нет, нет, нет!
На дворе сиди ты сам!
Как и машина, я одна
Справлюсь с работой сама.

[217, с. 10].

Автор с легкой иронией журит глупую лопату за то, что она забыла о своем исконном, традиционном предназначении. Ведь она так нужна в хозяйстве, повседневной домашней работе. В поэме-сказке «Нодтэм Лопата» автору удалось оригинально сопоставить и одновременно противопоставить образы бульдозера и лопаты. Посредством олицетворения предметов быта, писатель в сказочной форме показал развитие технического прогресса. Подспудно в сказке проходит мысль о том, что в мире все держится благодаря человеческому труду. И не нужно отказываться от того, что приносит пользу.

Автор не характеризует героев сказок ни положительными, ни негативными «красками». Так, придав Волку, Лисе и Медведю вполне человеческие манеры и черты характеров, писатель передоверяет оценку второстепенным персонажам, т. е. остальным обитателям леса. Сквозь их смех и юмор звучит мудрое наставление:

Сизь, Коньы но Кузь пелё
 Нюлэс трос серекьяло:
 Толэзе, пе, лобады –
 Ческыт-а кунояды?

[217, с. 10].

Дятел, Белка и Длинноухий (Заяц – Ю. Р.)
 Хохочут на весь лес:
 Говорят, на Луну летали?
 Вкусно вас там угощали?

Ходырев умело играет народным словом, одновременно используя при этом детское словотворчество, обращается к новым явлениям эпохи: «космос», «ракета», «технический прогресс» и др. В текст сказки органично вплетаются диалоги, прямая речь, фольклорные потешки и поговорки.

Лопата йыркурьяське,
 Азбаретй лёгаське:
 – Мар юмок та,
 Мар, пе, та –
 Вунэтэмын Лопата!

[217, с. 9].

Лопата обижается,
 Семенит по двору:
 – Что такое,
 Что за нелепица –
 Забыта Лопата?

Сказка Г. Ходырева «Нодтэм лопата» перекликается с одноименной сказкой С. Маршака «Вчера и сегодня», в которой оживлены Лампа керосиновая и Свечка стеариновая. Персонажи спорят с заменившей их Лампой электрической, идет спор между приверженцами старого уклада жизни и представителями нового. Одна из особенностей сказок Г. Ходырева – способность использовать присущие детям диалоги, характерный для них лексикон. А главное – как ребенок в своем воображении поэт умеет оживить окружающий детей предметный мир, достигает актуального звучания стиха с помощью игрового принципа и фольклорных элементов. Иллюстрацией к сказанному – может послужить стихотворная сказка «Тэшкыли но Кузьгубей» («Щелчок и Верзила»), включающая в себя составляющие абсурда. Ходыревский сказочный герой Тэшкыли напоминает «молодца-невеличка» или «мужичка с ноготок», которого можно охарактеризовать известным выражением «сам с вершок, а голова с горшок».

Очевидна связь героя с литературными и фольклорными ассоциациями. В частности, герои сказки «Тэшкыли но Кузьгубей» чем-то напоминают Муравья и Стрекозу из знаменитой басни И. Крылова «Стрекоза и Муравей». Муравей – своеобразный Тэшкыли «мал телом», хозяйственный и бережливый, умеет

поучать других и умеет жить. Но читатель, несмотря на то, что непутевый Кузьгубей «нагородил» в своем хозяйстве, невольно становится его сторонником, так как не только сопереживает, но и видит в нем себя самого. Ведь когда, как не в детстве, человек экспериментирует и ошибается больше всего! Идентификация себя самого с отрицательным героем позволяет ребенку увидеть причинно-следственные связи природного и социального миров, взглянуть на свои проблемы и сделать выводы о том, что «ворчуны» и «прижимистые» тэшкыли в нужный момент могут быть спасением. Права поговорка: «мир не без добрых людей».

Многоассоциативность сюжета здесь проявляется как ведущая черта поэтики сказки, во многом обуславливая обращение поэта к таким художественным приемам, как путаница и ирония.

...улійз-вылійз Тэшкыли. <...>
Энерчаклэсь жужыт өвөл,
Вож кальчалэсь паскыт өвөл...

...жил-был Тэшкыли <...>
Седла не выше,
Лукового пера не шире ...

[230, с. 25].

Тэшкыли – герой последовательный, любящий традиционный миропорядок. Другой герой сказки, Кузьгубей – смешон и несуразен:

Татын улэ майыг кузьда,
Сйньыс пасьта кин ке
Пиосмурт нерге...

Здесь живет длинный как шест,
Тонкий как нитка – кто-то
Вроде мужичка...

[230, с. 25].

В этой сказке Г. Ходырев также поднимает экологическую тему. Поступки Кузьгубея абсурдны и нелогичны: взял и вырубил все деревья вокруг. Тут родники и речки высохли, трава пожухла, жизнь угасла. Нелепого Кузьгубея выручает смысленый трудяга Тэшкыли.

Кузьгубей:

Ой, сюлмам бадзым кайгу,
Вераны ик, дыр, уз лу...
Кыйгуам вуэз өвөл,
Гурезям калге лек төл.
Палэнтй куазед зоре,
Мон доры вуэ – быре.

Кузьгубей:

Ой, на сердце горе такое –
Сказать – не пересказать...
В моем колодце нет воды,
В горах гуляет холодный ветер.
Дожди проходят мимо,
До меня не доходят.

Чабее но, йыдые но,
Чебер пыше, етйнэ но –
Пашмизы ини ваньмыз...
Ошмесьёсы но дугдйзы
Жильыртэмысь...

Тэшкыли:

Шур валлин писпуосыд,
Куакъёсыд өвөл ке шат?

Кузьгубей:

Корай, сайки, порылй
Ас кийным, Тэшкыли... <...>

Тэшкыли:

Аслад ик изъянтэмед,
Музьемез тур каремед,
Кожаськод, вуттйз жечлы?
Юн адзем-потос-тэм-лы!
Шача кузьда мугорыд,
Кеньыртэк вылэм йырыд...

[230, с. 30].

И пшеница, и ячень,
И конопля, и лен –
Все уже засохло на корню...
Уже и родники
Перестали журчать...

Тэшкыли:

Разве нет деревьев вдоль речки?
Кустов разве нет?

Кузьгубей:

Тэшкыли, я вырубил их,
Выкорчевал своими руками... <...>

Тэшкыли:

Сам набедокурил,
Землю не уберег,
Думал, это доведет до добра?
А земля восстала!
Тело длинное как шест,
А в голове – ни крупинки...

Эту и другие сказки дети разыгрывают по ролям, используя в разных мероприятиях. «Созданные народным поэтом образы вошли не только в детскую литературу, но также легко освоились и в жизни. Кузьгубей, Тэшкыли, Чебеляй, Покчи Дэменчи являются ведущими героями во всех дошкольных и школьных мероприятиях», – пишут почитатели творчества поэта [72].

Тэшкыли и Кузьгубей стали героями популярной детской радиопередачи «Чагыр, чагыр дыдыке» («Сизый, сизый голубок»): «Они взяты из книги Г. Ходырева. Но там их поведение немного другое. Тэшкыли – во всех отношениях положительный герой, Кузьгубей – отрицательный. Только нам в передачу не нужны были плохие герои. Тогда Кузьгубея мы немного видоизменили. Он стал непоседливым, шустрым, всюду успевающим. Я всегда представляла их себе так: Тэшкыли – это деревенская девчонка, спокойная, работающая, аккуратная. А Кузьгубей – тоже деревенский, но озорной мальчик, непослушный, ловкий» [82].

Богатством разнообразных средств художественно-изобразительной образности выделяется связь поэзии Г. А. Ходырева с народной поэзией в его песенном творчестве. Утратив авторство, подобно народному творчеству многие

его песни бытуют в народе. Так, имеются воспоминания писателя Н. Никифорова, жившего непосредственно в деревне и работавшего ветеринаром: «Бросился в глаза знакомый заголовок: “Когда ласкался теплый ветер”. В моей родной деревне Старая Турья (Балтасинский район в Татарстане) и стар и млад с любовью напевают эту песню. Я всегда думал, что это народная песня. А слова, оказывается, написал поэт Герман Ходырев)» [109, с. 12]. Песенная поэзия Г. Ходырева приближена к кругу жизненных и эстетических представлений широкого круга простых людей.

Стихи его переложили на музыку известные композиторы Удмуртии: Г. Корепанов-Камский, Н. Шкляев, П. Кузнецов, Г. Матвеев, Ю. Толкач и др. Продолжительная творческая дружба поэта с именитым композитором Ю. Л. Толкачом способствовала рождению кантаты, сюит, серии песен, исполняемых детскими музыкальными коллективами республики. Плодотворным было сотворчество детского поэта с композитором Г. Корепановым-Камским. В песенный сборник «Тапи-тап» (1974), названный выражением одной из популярных поэтических строк Г. Ходырева, вошло десять его стихов. Некоторые песни «привязаны» к эпохе идеологически, например, «Туннэ Май» («Сегодня Май») и др., но в целом здесь звучат вечные темы: мир, любовь к Родине, к матери, уважение к труду и др.

Наибольшей популярностью у современной детской аудитории пользуются песни, созданные в форме старинных фольклорных игр. В этом ряду примечательна песня «Нянь сукури» («Хлеба каравай»), описывающая процесс превращения зерна в хлеб.

Атае мынам гыриз,
Агае мынам кизиз,
Апае мынам араз,
Удалтэм тысез кутсаз.
Вукоын ёужмурт изйз,
Анае нош нянь котйз,
Ёеч ныркиз,
Гурын пыжиз...

Отец мой пахал,
Дядя мой сеял,
Тетя моя жала,
Спелые зерна лушила.
Дядя их на мельнице смолол,
Мама с вечера поставила опару,
Замесила утром тесто,
Хлеб испекла в печи.

[209, с. 20].

К озорным песням относятся «Пичи Кузьма» («Маленький Кузьма»), «Тапи-тап» и др. Воссоздание диалога лирического героя с гусем придает песне игровой характер.

– Кожой куко,
Кузь чырты
Я бен монэ чепыльты,
Чепыльтэмед луоз ке,
О-го-гой-ёй-ёй,
Сут иське! –
Шиетйз жазег шорам,
Чик оз быззы ни съорам.
Исаськись, пе, вылэмед,
Кышкасьтэм, пе, вылэмед.
Мын, пе, шуд,
Нош ми бертом
Тапи-тапи-тапи-тап...
Асьмеос жыт пал бертом,
Тапи-тапи-тапи-тап...

– Кривоногий,
Длинношей,
А вот ущипни меня,
Если сможешь,
О-го-гой-ёй-ёй,
Если догонишь! –
Гусь в ответ лишь прошипел,
Но не стал догонять.
Ты, мол, оказывается, шутник,
И далеко не трус.
Иди, говорит, играй,
А мы пойдем домой
Тапи-тапи-тапи-тап...
Сами вечером придем домой,
Тапи-тапи-тапи-тап...

[209, с. 75].

В духе озорных частушек написаны песни «Пичи Кузьма» («Маленький Кузьма»), «Мар шуод тон будыса?» («Что же скажешь ты, как вырастешь?»), «Тапи-тап» и др. Песня «Кузь пелё, вакчи быжо» («Уши длинные, хвост короткий») построена на метафорической образности народных загадок:

Туж кышка со кионлэсь,
Жичылэсь но пунылэсь.
Тушмонзэ ке со адже,
Толпери сямен пегже.
Тодйды-а,
Кин бен со?
Ас гонзэ вошья но со,
Тодйды-а,
Кин бен со?
Жуч сямен
Шуо – ко-сой!

Очень боится он волка,
Лисы и собаки.
Как увидит своего врага,
Вихрем бежит наутек.
А вы узнали,
Кто же это?
Он и шубу свою меняет,
Узнали ли вы,
Кто это?
Он по-русски
Называется – ко-сой!

[209 с. 91].

Поэтика устной словесности в песенном творчестве Г. Ходырева проявляется в следующих художественно-изобразительных средствах: напевность, ритмика,

параллелизмы, символика, одухотворение природы, обращение к гиперболе, антонимам, эпитетам и др.

Многочисленные поездки автора по различным районам добавляли особую известность песенному творчеству поэта. В республике широко известны такие песни на стихи Г. Ходырева, как «Юг төддь жөккышет» («Белая, белая скатерть»), «Мар-о меда кароно?» («Как же мне быть?»), «Шуд ай, арганчи!» («Сыграй, баянист!»), «Изъ, нылы!» («Спи, доченька!»), «Куке но чук зардытозь» («Когда-то до самой зари»), «Лирической частушкаос» («Лирические частушки») и др. Одна из оригинальных и наиболее любимых в народе песен поэта – лирическое раздумье «Мар-о меда кароно?» («Как быть?», композитор Н. Шкляев).

Бергась куарлэн усемез кадъ
Арьёсы но ортчо кадъ.
Келясал, пумитасал но,
Мар-о меда кароно?..

Словно падение кружащих листьев,
Проходят и мои годы.
Я бы проводил(а), я бы встретил(а),
Но как мне быть?..

[251, с. 72].

В одном из номеров журнала «Кизили» нами обнаружена также песня «Тулыс куараос» («Весенние голоса», композитор Л. Лазарев), не вышедшая ни в одном из сборников поэта:

Чукна куазен, куазен
Инкуазь вазе, вазе:
– Выль тулысэн лыктйсько.

Ранним утром, утром
Природа вещает, вещает:
– Новую весну несущу.

[246, с. 9].

Положено на музыку и знаменитое ходыревское стихотворение «Төддь жөккышет» («Ослепительно белая скатерть», композитор П. Кузнецов), считающееся, кстати, в среде носителей фольклорных традиций народной песней. Оно опубликовано в разделе «Калык кырзанъёс» («Народные песни») журнала «Кенеш» без авторства под названием «Юг төддь жөккышет» [См.: 252, с. 22]. В оглавлении журнала на сто седьмой странице фамилия «Ходырев» не значится. Нами подтверждено авторство слов песни, поскольку еще при жизни Г. Ходырева данное стихотворение увидело свет в двух изданиях [233, с. 11; 234, с. 44].

Юг төдбь жөккышет
 Жөк вылад тон вөлдйд.
 Юг төдбь тэркыен
 Пыжиськем тон пуктйд...

[233, с. 11].

Ослепительно белую скатерть
 Ты постелила на стол.
 На ослепительно белой тарелке
 Ты поставила стряпню на стол...

Точно отобранные слова песни позволяют поэту верно отобразить психологическую картину воссоздаваемой ситуации. В данном случае при ограниченности жанром словесного материала, приобретает важное значение умелое использование поэтом соответствующих эпитетов. К примеру, эпитет «төдбь» («белый») выполняет символическую функцию и одновременно служит художественной деталью, употребляемой в прямом значении, усиливая при этом качество предмета и его конкретность. Именно это создает в ходыревском тексте выразительную и живописную картину. Белая скатерть ассоциируется с представлением о доме, уюте в нем, согласии. «Белая скатерть» имеет и пространственное значение: стол «собрал» внутренне близких друг другу людей:

Сиеме потыса,
 Мон ой лыкты дорад,
 Туж ческыт сиёнэд
 Та чебер жөк вылад.
 Пуктиськем жөк сьорад
 Мон луи жеч куно.
 Ог-огмес адземмы
 Котьмалэсь но дуно.

[252, с. 22].

Не потому, что есть хочу,
 Я пришел к тебе,
 Хотя очень вкусно
 Приготовленное угощение.
 За обильным столом
 Я стал желанным гостем.
 Свидание друг с другом
 Дороже всего на свете.

Устное народное творчество, которое всегда находилось в кругу интересов поэта и изучалось им как один из важнейших источников литературной работы, должно быть воспринято современными детскими писателями. Это послужит дальнейшему развитию удмуртской детской литературы, на новом уровне утверждающей идеалы детства, которая без народно-философского подтекста – безжизненна. Не случайно В. Шибанов пишет: «В этом направлении должны быть, по-моему, будущие достижения и поиски нашей литературы» [188, с. 83].

§ 2.2. Поэтические образы природы и ребенка

Лирика природы Г. Ходырева открывает новую страницу в истории удмуртской детской литературы. В довоенные, военные и первые послевоенные годы в поэтическом мышлении политическая актуальность и социальные аспекты жизни непроизвольно оказывались на первом плане. В ходыревской лирике природы непосредственность эмоционального переживания находится в единстве с поэтической мыслью, развиваются фольклорно-романтические традиции в новом общеполитическом русле многонациональной советской поэзии. Для мироощущения Г. Ходырева характерно сознание единства и целостности природы, взаимообусловленности всех ее явлений и, прежде всего, связи человека с природой. Поэт стремится повысить интерес ребенка к природе, в поэтически образной форме представить ему красоту живых материальных сил в их взаимосвязи. В воссозданных Г. Ходыревым картинах природы основным мотивом является передача чувства живой связи ребенка с малой родиной, его первоначального единства с природой и родной землей. Достоинство ходыревских стихов о природе – умение раскрыть тайну детской души, хранящей первые впечатления о природной гармонической красоте. Основа проблематики ходыревской лирики природы – труд, добродетель, согласие с природой. Маленький герой его стихов взрослеет и формируется в процессе труда на земле, во взаимосвязи с природным миром. В воссоздании образа ребенка и природы Г. Ходырев стремился «уравновесить» чувственное и рациональное, эмоциональное и разумное.

Стихотворный «первоисточник» Г. Ходырева – деревенская жизнь, «картинки с натуры». В художественном осмыслении взаимосвязи природы и нравственных качеств ребенка, поэт справедливо полагает, что детская литература призвана обогащать не только эмоциональный, но и интеллектуальный мир ребенка, развивать в нем эстетический вкус. Потому и постоянно привлекает писателя окружающий ребенка мир природы. Пожалуй, у поэта нет ни одного стихотворения, посвященного «пассивному» описанию

жизни одной только природы, т. е. вне ее взаимодействия с ребенком. Действующие лица ходыревских сюжетов – и живая, и неживая природа – вовлечены в контекст рассказчика или героя стихотворения, которым, безусловно, зачастую является ребенок.

Осмыслить отдельные стихотворения Г. Ходырева и его поэзию в целом нельзя вне историко-литературного, общественного контекста. К примеру, в советской школе на уроках природоведения практиковался опыт посещения детьми леса. Откликаясь на «тимуровский» призыв, ребята наводили порядок в лесном «хозяйстве»: расчищали поляны, убирали сухие ветки с муравейников, защищали почву от коррозии и др. Коллективное дело, по абсолютному убеждению Г. Ходырева, объединяет детей, заслуживает уважения взрослых. Об этом его стихи «Оскы тон, нюлэс!» («Верь нам, лес!»), «Узыр сйзыл» («Богатая осень»), «Апок» («Девчонка») и др. В этом ряду выделяется стихотворение «Оскы тон, нюлэс!», которое вошло в поэтический сборник «Чебелай» и в котором воспевается действенное участие детей в сохранении природы.

Дэмен,
Дэмен утчалом,
Шедьтомы сюрес.
Милемыз
Пумиталоз
Вож лысо нюлэс.
Солы шуом
Кеськыса:
– Ёеч но бур, нюлэс!
Тон доры
Ми лыктймы,
Шедьтймы сюрес.
<...>
Ми тонэ
Утялтомы,
Оскы тон, нюлэс!

Вместе,
Дружно поищем,
Найдем дорогу.
Нас
Встретит
Зеленохвойный лес.
Ему скажем
Громко:
– Здравствуй, лес!
К тебе
Мы пришли,
Нашли дорогу.
<...>
Мы тебя
Будем беречь,
Верь нам, лес!

[242, с. 10–11].

Современность и актуальность ходыревских обращений к природе и к людям очевидна. Что сегодня мы можем сказать лесу, с которым общался поэт? Оправдан ли призыв поэта – «Верь нам, лес!»? К сожалению, однозначного ответа

дать невозможно. Сегодняшний юный читатель видит безрадостную картину: лес становится местом свалки, чахнет от мусора.

Природа у Г. Ходырева может быть и зооморфной, и антропоморфной, и фитоморфной. Каждая встреча ходыревского лирического героя с природой вызывает в читателе множество ощущений: звуки, запахи, цвета, ощущение пространства, разных времен года. Природные образы рождаются у Г. Ходырева на основе непосредственного восприятия и точного знания. А основная функция пейзажа в его лирике – передача созвучности настроению героя. Пейзаж чаще передает оттенки ощущений детской души, особенности изменения мировосприятия ребенка. К примеру, весьма своеобразно изображен осенний лист в стихотворении «Сйзыл куарьёс» («Осенние листья»); он сравнивается с улетающими в теплые края журавлями.

Сйзыл вакытэ
Малпасько ни куарьёс.
Ваньзы, одйгтэм кадь,
Лобзись бурдоос.

В осеннюю пору
Уже думают листья.
Все, до одного,
Летающие птицы.

[242, с. 132].

Точно воссоздана картина перехода природы из одного состояния в другое. В соответствии с реальным миром ребенка и детским воображением, склонным к фантазии, поэт разрабатывает мотив «прощания», вернее – «расставания». Детское сознание отождествляет падающие листья с улетающими птицами.

Ходыревские стихи о жизни природы согреты авторским личным опытом пережитого и пережитого. В больших стихотворениях описания природы обстоятельны, конкретны. Стихотворение «Мон но уяны пото» («Я тоже выйду в плавание») обнаруживает глубокое знание автором родной природы. Особо ярко в стихотворении воссоздан эпизод, в котором река Кама автором уподобляется резвому жеребенку:

Бызь тон
Котьку но визыл,
Интыяд ноку
Эн сыл.
Жадёнэз
Медад но тод,

Беги ты
Всегда резво,
На месте никогда
Не стой.
Усталости
Чтобы ты не знала,

Сэзь ужпи кадь
Мед ворттод!
Медло юн-юн
Кынарыд.
Медаз лазега
Öрыд...

[242, с. 27].

Как резвый жеребенок
Чтоб во весь дух скакала!
Пусть мощный будет
Сила.
Пусть не мельчает
Твое русло...

Образ жеребенка погружает читателя в контекст народной поэзии, где часто используются сравнения домашних животных с явлениями природы: рассвет, закат, метель, ветер и др. Вместе с тем, Г. Ходырев как поэт по-своему соприкасается с натурфилософским направлением, популярным у русских поэтов-классиков (Д. Тютчев, А. Фет и др.). Исследование творческой индивидуальности Г. Ходырева в контексте натурфилософского направления в отечественной культуре и литературе требует отдельного разговора, но и интонационная переключка с поэтами «натурфилософского» склада несомненна.

У Г. Ходырева есть стихотворения, когда пейзаж воссоздается словно изнутри, из души маленького героя или автора. В этом случае нельзя не отметить «пленэрную» живопись ходыревских картин природы, где ощущается даже воздух. Различные оттенки картин природы, изображенные в стихах, оказываются созвучными состоянию души ребенка. В подобных текстах одновременно присутствуют и безоценочные авторские наблюдения, которые весьма точны и живописны. В этом плане примечателен пейзаж баллады «Горд кизили» («Красная звезда»).

Нюкъяёстй васькись
Тудву кадь,
Душеслэн
Уиськемез кадь
Чилекто
Зор шапыкъяёс.

[230, с. 60].

Подобно несущимся по оврагам
Вешним водам,
Подобно
Погоне ястреба
Сверкают
Дождевые капли.

Или стихотворение «Жытазе» («Под вечер»):

Нош шур куара но поттытэк
Ваське, гылъе кожылыса.

А река бесшумно
Течет, скользит извилисто
(извиваясь).

Выль интые, лэся, дыртэ,
 Пöсь мугорзэ сйятыса.
 Возьёс вылысь берто скальёс,
 Вало кузя – жин-жин куара,
 Ланьырскемын бадьпу вайёс...
 Кин ке жытсэ ческыт пöра.

[232, с. 14].

Как видно, спешит на новое место,
 Чтобы остудить свое тело.
 С лугов возвращается стадо,
 Вдоль Валы – звенят колокольчики,
 Ивовые ветви опустились к воде...
 Кто-то готовит вкусный ужин.

Чаще у Г. Ходырева не ребенок переносит свои чувства, свое состояние на природу (хотя и это есть), а наоборот – природа настраивает детскую душу на определенный лад. При этом природа в стихах Г. Ходырева не «выплескивается» буйной красочной многогранностью, а проявляет себя скромно, кротко. Это хорошо знакомая читателю-ребенку природа средней полосы России. Нередко лирические образы «держатся» на ассоциациях, в основе которых хорошо знакомый поэту деревенский быт. Для подобного плана стихов характерен особый национальный колорит. Так, в стихотворении «Сйзыл ёкна» («Осеннее утро»), из сборника «Покчи дэменчи», изображен первый день первоклассника. В этом стихотворении «школьная» тема у Г. Ходырева неуловимым образом переплетается с темой «природы»: к неординарному для ребенка событию Осень всю ночь готовилась, разноцветной наледью покрыла деревья. Незыблемой прелестью полна после ее трудов окружающая природа:

Кыёе гинэ буёльёсын
 Писпу куарьёс буялмятэ.
 Сйзыл, оло, нош уйёсы
 Ужам, синзэ но кынымтэ.

[242, с. 26].

Какими только красками
 Листья деревьев не окрашены.
 Осень, кажется, по ночам
 Поработала, глаз не смыкая.

Поэзия Г. Ходырева строится на умелом использовании повторов, параллелизма, приема олицетворения. В собственно пейзажных стихотворениях переданы, прежде всего, впечатления ребенка от окружающего его природного мира. Пейзаж одушевлен, наделен чувствами, его приметы очеловечены.

Куазь жобаз
 Синтэм-пельтэм,
 Юрт жужда
 Лымы пельтэм.
 Тöл нош:

Пурга мела
 Без глаз, без ушей,
 Снега намело
 С высокий дом.
 А ветер:

– Мон-а, пе, янгыш?
Мон уг пелляськы ук гыж.

[232, с. 30].

Или:

Сайкам куаръёс
Турлы-турлы
Крезьгуръёссэс нёжтйзы.
Капчи төльёс
Со гуръёсты
Музьем вылэ пельтйзы.

[232, с. 17].

– Разве я виноват?
Я ведь не напрасно мету.

Проснувшиеся листья
Многообразные
Мелодии пропели.
Лёгкие ветры
Эти мелодии
На землю привели.

В поэзии Г. Ходырева эстетически важной оказывается не привычная мысль о нравственной чистоте природы, но логика образной «зашифровки», неожиданность словесно-смысловых ассоциаций.

В ряде стихотворений Г. Ходырева природа преломляется сознанием воспринимающего ребенка, т. е. природа в ходыревской поэзии увидена глазами ребенка. Эти описания психологизированы, проникнуты детским открытием мира. К примеру, стихотворение «Мон мынйсько школае...» («Я иду в школу»), которое поэт посвятил своему сыну в год поступления его в школу, построено на самовопрошании лирического героя-первоклассника: почему то или иное явление природы сегодня необычно. Ребенок находит ответ и удовлетворяется своей находкой: «потому что в первый день осенний в школу я иду!»).

Малы туннэ атасмы
Їукна вазь сайкам?
Чебер выль гурзэ мыным
Туннэлы дасям?
Мон нош валай малызэ,
Малы чоръя выль гурзэ.
Нырысь сйзыл нуналэ
Мон мынйсько школае!

Почему сегодня наш петух
Рано так проснулся,
Красивую новую песню
Мне сегодня приготовил?
И понял я – почему
Он поет по-новому.
Потому что в первый день осенний
В школу я иду!

Ашкынэм зольгыриос
Зйбыт луиллям.
Вай вылэ чурен соос
Лөбак пуксиллям.
Шөдйсько, лэся, туннэ,
Валалло соос туннэ:

Шумливые воробьи
Присмирели.
На ветке рядком они
Стайкой присели.
Чувствуют, видать, они сегодня,
Понимают они сегодня:

Нырысь сйзыл нуналэ
Мон мынйсько школае!

Потому что в первый день осенний
В школу я иду!

Кучае но кемалась
Карысьтыз потэм,
Келяны со монэ дась,
Со но шумпотэ.
Синьёссэ выре лушкеш,
Вожьяськыса кадь учке.
Нырысь сйзыл нуналэ
Мон мынйсько школае!

И щенок мой давно уже
Вышел из конуры,
Проводить меня готов,
И тоже радуется.
Глазами водит украдкой,
Как будто с завистью смотрит.
Потому что в первый день осенний
В школу я иду!

[242, с. 60–61].

Стихи Г. Ходырева порой бывает трудно прервать, поскольку строки слиты друг с другом, как водная рябь или речные волны.

Через все творчество Г. Ходырева лейтмотивом проходит образ добродушного маленького героя, пытливо познающего окружающий мир. Писатель выделяет его сильное желание понять, узнать, разгадать. Познание родного края есть начало, откуда ребенок делает первые шаги в большой мир и в большие знания. Познание родного уголка в стихах Г. Ходырева эмоционально внутренне, но сдержанно по выражению этих чувств. В таких стихах поэт, переосмысляя народные выражения, конструирует поэтический стиль, адекватный национальному мироощущению. К примеру, стихотворение «Турлы буёлъёс» («Разноцветные краски»), текст которого ощущается как подлинно народный. Стих написан словами, характерными как для народно-песенного стиля, так и современного литературного языка. Впрочем, это подтверждает и само название стихотворения.

Тӧл вуттйз шыпыртэм куараез,
Берытски но – адзи буясез.
Со вылэм шундылэн тылсиез,
Тйни кин шулдыртэм возь вылэз!
Сяськаен чӧш кузьмаз буёлзэ,
Мон ой адзы та́че чеберзэ.
Возь мадиз мыным выль выжыкыл...
Та́чезэ ой на кылзы, ой кыл!

«Ветер что-то мне шепчет невнятно,
Оглянулся – и вижу того,
Кто на луг разноцветные пятна
Разбросал, не спросив никого.
Это солнечный луч постарался,
Подарил он румянец и мне.
Он, как гусли, звенел, улыбался
И цветам луговым, и весне!»

[232, с. 13].

(Перевод Г. Ладонищкова) [240, с. 5].

Изучая детскую поэзию Г. Ходырева, нельзя не увидеть преданность поэта «малой родине», бесконечное стремление показывать и воспевать самые обычные приметы родного края. Вместе с тем, «малая родина» выступает в его поэзии как частица большой страны. Потому и создаваемые посредством олицетворения, метафоры, эпитетов привычные картины локального природного мира в ходыревской поэзии воспринимаются более масштабно.

В стихах Г. Ходырева о природе реальность и вымысел позволяют придать обычным деревенским картинам некую поэтическую возвышенность. К примеру, гордо спускающиеся к сельскому пруду толстые гусыни воссозданы настолько живо и естественно, что в читательском воображении они вполне предстают дородными деревенскими бабками, идущими по воду, или же женщинами, полощущими белье, а заодно и обсуждающими последние новости. Неожиданно и враз подросли гусята и другие домашние животные:

Тымет дуре	К пруду
Тыр ѓазегъёс	Толстые гусыни,
Исаськыса	С прибаутками,
Гань-гань васько.	Не спеша, спускаются.
Бушам лудын	На опустевшем поле
Гурт пудоос	Домашние животные
Эркын гинэ	Спокойно на воле
Тэк бичасько.	Побираются.

[242, с. 26].

Ходыревские стихи для детей написаны не только от лица ребенка, но порой и от лица взрослого лирического героя. Стихотворения, производящие впечатление дистанцированности от детского сознания, психологически оправданы тем, что активизируют мышление читателя-ребенка, давая ему возможность воспринимать автора как своего старшего друга. В построении стихотворной строфы для таких стихов характерны усложненные комбинации: «Чипчирган» («Свирель»), «Ѓукна» («Утро»), «Нуназе» («День»), «Ѓытазе» («Вечер»), «Анайлэн кырѓан гурез» («Мамина мелодия») и др. Такого рода ходыревские стихи богаты разнородными переживаниями, переменчивыми настроениями, непредвиденными умозаключениями. В этом плане интересно

стихотворение «Анайлэн кырзан гурез», включенное в поэтический сборник «Чебеляй»:

Ошмеслэн жилыртэмез –
Аслыз кельшись крезьгурез.
Нюлэслэн чашетэмез –
Аслыз тупась крезьгурез.
Бусылэн тулкымъёсыз –
Шепъёслэн кырзанъёссы.
Шепъёслэн жингыртэмзы –
Анайлы тау каремзы.
Анайлэн кырзан гурез
Сюлэмам котьку пыре.
Со дышетйз сюлэмме
Яратыны шаерме.

Журчание родника –
Мелодия, похожая только на него.
Шум леса –
Мелодия, подходящая только ему.
Волнение поля –
Это песни колосьев.
Звон колосьев –
Их благодарение матери.
Мамина песня
Всегда тревожит сердце.
Она научила мое сердце
Любить мой край.

[242, с. 12].

Наделяя природный мир человеческими качествами и чертами, Г. Ходырев умело оттеняет естественные свойства растений, животных, птиц. В таких произведениях читателя привлекает оценочная авторская интонация с его рассуждениями. Авторские раздумья-рассуждения приобретают силу символического звучания. Италмас (купальница) – символ республики, этот цветок в народном сознании связан с понятиями любви и печали, верности и разлуки.

Їужалэс быдэс возь
Кам шаер ук тонэ,
Буёлзэ жалятэк,
Удмуртлэн киосаз жеч кузьмаз.
Даурлы бездонтэм,
Гажамысь дугдонтэм
Муспотон кадъ нима –
ИТАЛМАС!

Камский край,
щедро раскрасив,
подарил тебя удмуртам,
а они,
вовек немеркнувшим,
никогда незабываемым
именем милым назвали тебя –
ИТАЛМАС!

[232, с. 6].

Показывая природу в разных проявлениях, поэт стремится прежде всего научить детей ощущать и понимать мир живых существ, чувствовать живую и неживую природу. Г. Ходыреву удастся воссоздать эмоциональную сторону чувства любви к родному краю. К примеру, в стихотворении «Мусо крезьгуръёс»

(«Милые мелодии») очень своеобразно воссоздан образ солнечного лучика, который сравнивается то с мохнатым клубочком пряжи, то со струнами крезя:*

Шунды сиос
Музьем вылэ
Бугор сйньыс кадь васькизы.
<...>

Олокöня
Дас кык сиё
Крезьёс шудо, кожалод.

Солнечные лучи
На землю
Словно нити клубка опустились.
<...>

Много-много
Двенадцатиструнных
Крезей играет, кажется.

[232, с. 17].

В стихотворении «Ву ваисълэн кырзанэз» («Песня несущего с родника воду») поэт обращается к приему олицетворения сил природы, что характерно для народной поэзии. Образ густо растущей молодой зеленой травы «отсвечивает» извечное крестьянское ощущение бережливого отношения к природе. Назидательный моральный вывод Г. Ходырева предельно точен, сжат и короткий, как в фольклоре.

Ошмесэ вулы васьки,
Лёгаса вож ожоез.
Чик лёгано вылымтэ,
Мон вылэ усиз жожез.
Кемагес иземеным,
Эшгёслэсь кылеменым,
Ошмесэ чаляк васькай,
Ожое, вождэ эн вай!
Чакласькись луо мыдзат.
Учкы, дунне ма быдза!
Жеч лу, мон бызи уже,
Сэзъялтйськы, ожое!

За водой спустился к роднику,
Примял зеленую травушку.
Не нужно было ходить по ней,
На меня она обиделась.
Из-за того, что долго спал,
Из-за того, что от друзей отстал,
Пришлось к роднику спускаться по прямой,
Травушка, прости!
Посмотри, как мир велик!
А я впредь не буду безоглядным.
До свидания, я побежал,
Поднимись, расти, моя травушка!

[232, с. 45].

)

В ходыревской лирике природы ребенок-зритель, ребенок-читатель словно воочию наблюдает действие, совершаемое в мире природы. В стихах о природе главным оказывается образ матери-земли, обладающий обобщающим смыслом. Образ земли нашел глубокое воплощение в гражданской лирике поэта, которая рассмотрена в следующем параграфе данной главы. Из природных стихий – воды,

* Крезь – древнеудмуртский струнный щипковый инструмент, напоминающий русские гусли, карельские кантеле, но имеющий иной внутренний резонатор.

огня, воздуха, земли – его поэтическое сознание также привлекает стихия воды, с которой связано существование земли и ее плодородие. Вода подвижна и изменчива, она живая и гармоничная. У Г. Ходырева есть стихотворения, посвященные рекам Удмуртии – Каме, Вале, Чепце, Тойме, Кильмези и др. В работе мы уже обращались к стихотворениям, посвященным рекам Нязь и Кама. В этих стихах Г. Ходырев словно возвращается к исходным «точкам» познания ребенком окружающего мира, которые волновали человека еще в древние времена и получили отражение в фольклоре, в частности, в легендах, сказаниях, обрядах.

Старинное народное отношение лирического героя к водной стихии воспроизведено в стихотворении «Тёды Кам кузя...» («Вдоль по белой Каме-реке...»), адресованном детям и взрослым.

Чупчи йылысен кожи,
Кытчы, шуоды,
Кытчы, шуоды, ыши?
Кам дуре, вылды!..
– Кытчы озьы тон кошкид? –
Кыльськиз бёрсям. –
Сюресьёс но вань,
Вертолёт но вань,
Шунды но выллань,
Нунал но азылань!
– Пыдын, – шуи, – тапырто,
Ас шаерме котырто...

С верховьев Чепцы свернул,
Куда, вы скажете,
Куда, вы скажете, направился я?
Разумеется, к Каме!..
– Куда ты так шагаешь? –
Услышал вслед. –
И дороги есть,
И вертолет есть,
И солнце ввысь,
И день вперед!
– Пешком, – ответил, – потопаю,
Родные края обойду...

[234, с. 9].

Отличительная особенность «водной» лирики Г. Ходырева, предназначенной для младших школьников, – виртуозная игра со словом, воссоздание звуков окружающего мира. Ребенок уясняет для себя простые житейские истины: вода благодатна для земли, она ее охлаждает и поит, впрочем, как и всех живущих на земле.

Валэн тыпыр-р!
Ворттйсь мурт кадь,
Кёжыез музэ шорзем кадь,
Шыпыртэм кадь, лабыртэм кадь
Куазь зоре.

Словно скачут резво кони,
Словно сыплется горох,
То шепча, то бормоча,
То урча, то лопоча,
Пляшет дождь...

Көня меда зорысал на,
 Көня меда пазыгысал на,
 Чашетыса бергасал на,
 Сучырмытозь коттысал на
 Та зоред.
 – Зор, я дугды зоремысь но
 Монэ коркан воземысь тон.
 Коркан сяна юрт котырын
 Ужмы ноку но уг быры!
 Зор кылйз. Тып дугдйз.

[240, с. 3].

Сколько бы ещё резвился,
 Сколько брызгал бы ещё,
 И кружился бы кругами,
 Хлипкой грязи разводя –
 Этот дождь,
 Если б я не крикнул громко:
 – Дождик, всё, довольно, стоп!
 Мне бы тоже погулять! –
 Дождь услышал.
 Перестал.

Стихия света, огня также находит свое поэтическое воплощение. Как и вода, свет дает благо оживления всему вокруг. В стихах Г. Ходырева окружающий ребенка мир освещен и согрет лучами солнца, огнем солнца озарены небеса, луга, поля. Огонь – благодатен, он дает свет, тепло, жизнь. В целом – «свет», «солнце», «луна», «звезда» и др. небесные светила – частые компоненты ходыревских стихов, нередко усиленные эпитетами. Но к воздушной стихии поэт относится с особенным чувством. Воздух – бездна, он проникает везде и всюду. Это самая легкая и чистая животворная стихия. Даже холодный ветер приближающейся зимы или колющий зимний воздух – не враждебны ребенку. Образ ветра – один из любимых у поэта.

Төл но пельтйз. Бызись вуэн
 Потйз, лэся, лөптылэмез...

[232, с. 14].

Ветер подул. С бегущей водой
 Захотел, видно, поиграть вперегонки...

Шунит төл шудйз, поръяз,
 Тулыс куазез шөдыса...

[232, с. 16].

Теплый ветер заиграл, заплясал,
 Почуяв приход весны...

Улйын кылемын
 Дор музьем, дор омыр...
 Улйын чашетэ
 Бугырес океан...
 Сое төл ас бөрсяз
 Пельтыса кадь келя,
 Жокатйсь пилемез
 Сайкыса кадь уल्या...

[230, с. 43].

Где-то внизу остались
 Родная земля, родной воздух...
 Где-то внизу шумит
 Непокойный океан...
 Ветер его, подгоняя,
 Словно ведет за собой.
 Тяжелые тучи разгоняет,
 Небо освобождает...

Г. Ходырев рассматривает мир природы с точки зрения здравого смысла, при этом в его сознании сходятся конкретно-социальное с отвлеченным. В своей поэзии он обнажает светлое начало мирового бытия. Красочная гамма ходыревской лирики природы – «чагыр тулыс» («голубая весна»), «чагырез инлэн» («лазурь небес»), «юг-юг тōды жōккышет» («ослепительно белая скатерть»), «выль кен выллем музъем» («земля словно невеста»), «тōды Камлэн шукыез тōды басма» («белой Камы пенной белая ткань»), «чōуж тылын» («желтыми огнями») и т.д. Краски природы для Г. Ходырева есть воплощение детства, молодости, вечного обновления. Особенно это характерно для стихотворений, посвященных временам года, поэт показывает особенности преобразования природного организма и одновременно выражает идею торжества жизни. К примеру, «Кылзы, тулыс!» («Послушай, весна!»):

Тулыс, малы-о чаяк
Люкиськид кōлонэдлэсь?
Шундыед оло шуак
Сайкатйз ческыт умлэсь? <...>
– Монэ шунды сайкатйз,
Вешаса сиосыныз,
Музъемез мон улзыйтй
Вож дйсен шобырскыны.

Весна, почему ты так скоро
Рассталась со сном?
Солнце что ли неожиданно
Прервало твой сладкий сон? <...>
– Меня разбудило солнце,
Нежно лаская своими лучами,
А я рабудила землю, чтобы и она
Поскорее оделась.

[223, с. 26].

Тема единения, органической слитности ребенка с природой – наиболее удачно разработана в его стихотворениях, посвященных временам года.

Тол куазез яратйсько:
Шудйсько, нискыласько.
Тулыс куазь мусо мыным –
Сяськазэ кузьма мыным.
Пōсь гужем котьку кельше –
Мугорме шунды пыже...
Сйзыл пальпотэ шорам:
– Ужамед понна – салам!

Дарит санки мне зима,
Ледяные терема.
Дарит мне весенний день
Птичьи песни и сирень.
Мне приносит лето в дар
Шоколадный свой загар.
Ну а осень за труды –
Золотистые плоды!

[249, с. 1].

(Перевод Ю. Кушака) [240, с. 9].

Видеть в малом большое, за сосной, тополем или березой – Россию, одна из традиций русской и советской классики. Плодотворно и самобытно эта традиция продолжена Г. Ходыревым в удмуртской детской литературе. Россия как родной

уголок земли ощущается ходыревским читателем-ребенком более всего через «локальный» пейзаж, хорошо знакомый с детства. Для ребенка страна начинается с небольших уголков родной земли.

Кам кузя мон мынйсько,
Паськыта өре.
Син куспын мон шөдйсько,
Өръяське шуре.
Мар гинэ уг лэйкаты
Со пельпум вылаз?

Вдоль по Каме я иду,
Ширится русло мое.
На глазах – я чувствую –
Ширится моя река.
Что только не качается
На ее плечах?

[230, с. 9].

Г. Ходырев – поэт жизнелюбивый. Его ранняя лирика природы запечатлела понимание взаимоотношений между человеком и природой, вернее – между ребенком и природой. Впоследствии ходыревское осознание отношений к природе, «малой родине» стало более глубоким и сложным, однако принцип, выдвинутый поэтом в молодости – поэтическое видение и чувство красоты природы, родство человека с природой – сохраняется на всю жизнь. Одушевленность поэтом природного бытия поразительно близка мироощущению ребенка.

Наряду с пейзажными образами поэт художественно отобразил мир зверей и животных. Г. Ходырев в удмуртской детской литературе второй половины XX века положил начало традиции изображения ребенка в его обстановке, с окружающими его домашними животными и птицами. Ходыревские птицы, звери, животные имеют свои характеры, они входят во взаимоотношения или в конфликты друг с другом и с различными жизненными явлениями, у них есть язык.

Напомним, что еще в первом сборнике стихов «Милям азбарамы» («У нас на дворе») начинающий поэт представил все население домашнего животного подворья. В сборник вошло тринадцать стихотворений, в каждом из которых присутствует обитатель деревенского двора: котенок, щенок, корова, бычок, индюк, ягненок, козел, петух, куры и цыплята. Так, в четверостишии «Ко́йыш» («Кот») воссоздан образ упрямого кота, не пожелавшего спрятаться от дождя. На примере промокшего кота ребенок получает своеобразное «назидание»: правила поведения в непогоду надо соблюдать.

Куазь зорыку азбарын
 Коҗышмы сучыр котмиз.
 Пук вал, коҗыш, гур вылын,
 Потаны бен кин косйз?
 [214, с. 12].

Дождь на улице идет.
 Мокрый весь мяучит кот:
 «Испугался, словно в речке.
 Лучше б я сидел на печке!»
 (Перевод И. Курлата) [218, с. 22].

В стихах о животных Г. Ходырев придает большое значение познавательной стороне произведения. В изображении животного мира в произведениях Г. Ходырева отражается взгляд и житейская мудрость крестьянина. Выступая как поэт-анималист, Г. Ходырев воссоздает какой-либо занимательный этюд из жизни животного и вступает с ним в диалог. Разговор с животным заводит или сам автор, или герой-ребенок. В такого плана стихах присутствует мораль, но ее дидактизм «растворен» в иронии, шутке.

Ош кадь со потэ аслыз:
 Пöлы быдза сюрёсыз.
 – Ойдо, жоггес буд, ошак! –
 Тыбырзэ веша Маша.
 [214, с. 2].

– Я бык! – мычит в хлеву бычок.
 – Смотри, какие рожки!
 Смеется Маша:
 – Малыш, ты подрасти немножко!
 (Перевод И. Курлата) [218, с. 8].

Ярко воплощает тему деревенского детства образ петуха. С образом этой птицы связана звонкая детская радость, страх перед забиякой, восторг его боевитостью и признательность за то, что он открывает новый день.

Чебереныз йöнъяське,
 Чоръяменыз ушъяське.
 Кöлыны уг сёт чукна –
 Кин луоз атас сяна!
 [214, с. 5].

Кто нас будит утром часто,
 Ходит важно целый день?
 Это он, хвастун горластый,
 С красным гребнем набекрень.
 (Перевод И. Курлата) [218, с. 3].

Г. Ходырев очень умело передает смену эмоционального состояния животного. Поэт показывает явление укрупненно, особенно если это явление представляет собой поведение младенца-животного. Так, в стихотворении «Кучапиос» («Щенки») воссоздан момент первых шагов щенка.

Уг луы на быземзы,
 Канжасько, усё...
 Пичи тйрныд вылазы
 Моляк! гинэ пуксё.
 [214, с. 13].

Стрелой промчаться захотел
 Он по траве зеленой,
 Упал, потом на хвостик сел,
 И смотрит удивленно.
 (Перевод И. Курлата) [18, с. 17].

Г. Ходырев прекрасно умеет передать непосредственность поведения героя-животного, его детскую непринужденность, призывает читателя внимательно понаблюдать за жизнью природы.

В первом полноцветном республиканском издании стихов Г. Ходырева «Чибориё буко» («Разноцветная радуга») – в четвертом по счету – значительно расширился круг фауны. Героями ходыревских стихов, помимо круга домашних животных, стали муравьи, снегири, скворцы, воробьи и др. Наиболее выразительным по форме, точности, поэтическому рисунку представляется стихотворение «Ойдо шунтом» («Давай, обогреем»).

Куазь кезытлы чидатэк,
Пал пыдзэ жазег жутэ.
– Ой, кыче кынме жазег! –
Нэнэлы Маша вазе. –
Ойдо сапегъёс поттом,
Пыдъёссэ солэсь шунтом!

[223, с.13].

Или:

Писпу вайын шушыед
Туж чупрес пуке.
Чылкак абдрам Микалед,
Паймыса учке.
Песяйзэ өте Микаль:
– Песяй, чаль татчы, я чаль,
Учкы али, шушыед
Гадяз ошем горд айшет!

[223, с.12].

От трескучего мороза прячась,
Поднимает лапку Гусь.
– Ой, как холодно гусю!
И советует Маша маме:
– А давай достанем валенки
И согреем гусю лапки.

На ветке дерева снегирь
Сидит очень уж осанисто.
Удивляется Микаль,
Смотрит изумленно.
Бабушку зовет Микаль:
– Бабушка, подойди сюда, подойди,
Посмотри-ка, снегирь
Себе на грудь красный фартук подвязал.

В ходыревских стихах о природе метафоричность слита со строго реалистическим письмом, эти стихи одновременно художественны и познавательны. Законы природы, по мнению поэта, безошибочны, она живет по своим закономерностям, скрывает в себе что-то таинственное, непостижимое.

Паймо кузбыли муёлы
Федяен Онись.
Кузбылиос карзылы
Кыз лысэз кытысь,
Кызбы меда нуллийлям,
Бём быдза ик люкаллям?
Об-об-об!

Удивляются муравьиной горке
Федя с Онисьей.
Откуда и как муравьи
Для своего домика
Столько еловой хвои натаскали,
Целый сноп построили?
Ой-ой-ой!

Куртчылйсько,
 Малы ке йыркуръясько!
 Онись шуэ:
 – Эн иса,
 Ойдо тодом бертыса!

[223, с.9].

Кусаются,
 На что-то обижаются!
 Онисья говорит:
 – Не трогай,
 Пойдем, дома узнаем!

Отношения человека с природой должны строиться на знании ее законов, только тогда возможна гармония. На человеческую доброту природа отзывчива, взаимна. К примеру, строки из стихотворения «Чипчирган»:

Мон шудйсько но, будосьёс
 Мыным шуныт йыбыртъяло.
 Чебер шудэм гуръя соос
 Тöлья каллен лэчырало.

[232, с. 63].

Я играю на свирели,
 И растения мне кланяются тепло.
 Под нежные звуки свирели
 Ветру в такт качаются.

Городскому ребенку поэзия Г. Ходырева открывает деревенский мир с его заботами, близостью к природе, хозяйственным отношением к окружающему миру. Обо всем, что незнакомо городскому ребенку – гусятах, муравьях, корове, бычке, поросятах, – поэт рассказывает серьезно, степенно, домовито. Вместе с тем мир деревенской природы предстает в его поэзии необыкновенным, волшебным. Горожанину нужно научиться понимать этот мир, любить и дорожить им. Здесь автор одновременно реалист и фантазер, психолог и философ. В лирике природы, как писали выше, стихия природы одушевляется, ее жители выступают как действующие лица, живут своей особой жизнью, понятной лишь тем, кто умеет вслушиваться в говор птиц, зверей, растений. Ходыревскую лирику природы характеризует игра воображения, зачастую конфликты между природными героями забавны, поучительны.

Большинство ходыревских стихотворений, героями которых являются животные или птицы, – сюжетны. И потому они особенно интересны детям, т. к. дают представление об окружающем ребенка мире в занимательной форме. Целая история разворачивается вокруг скворечника, построенного маленьким героем. Один несмышленный воробей решил, что, поскольку скворец на зиму улетел, то ему, завсегдатаю двора, теперь и должен принадлежать опустевший скворечник.

Но вот наступила весна, и скворцы вновь прилетели домой. Теперь кому же, как не мальчику-строителю, справедливо рассудить правоту одной из птиц. Стихотворение «Куно» («Гость») напоминает ребенку теплый, откровенный разговор старшего товарища птицы со своим маленьким другом:

Куректэ ни зольгыри:
 – Ой, быри ке, мон быри!
 Ас коркам, ява, туннэ
 Пырыны өз лэзь монэ
 Тодмотэм съодмыт куно...
 Я бен, мар-о кароно? <...>
 – Туж умой адзид ук тон,
 Кинлы лэсьтй уморто.
 Со арлы огпол лыктэ,
 Адямилы жеч лэсьтэ.
 Со понна ик со куно...
 Кыззы тонэ визьмано?

Горюет воробей:
 – Ох, пропал я, вот пропал!
 Нынче в домик свой
 Не пустил меня войти
 Незнакомый гость в черном...
 Как же быть-то мне теперь? <...>
 – Ты прекрасно знал,
 Для кого я смастерил скворечник.
 Он всего лишь раз в год прилетает,
 Человека радует добрыми делами.
 Потому и гость он...
 Как тебе все это объяснить?

[223, с. 22].

Чеканный стих, динамичность сюжета, тонкий юмор делают интересным стихотворение «Быжтэм коё» («Бесхвостая сорока»). Излишне уверенной в себе трещотке-сороке кто-то выщипал хвост. Весьма уместен вопрос – как бы повел себя оскандалившийся, упавший в глазах окружающих человек? Большинству из нас бы стыдно стало, голову бы повесили, извиняться бы начали. Только Сороки все это не касается. Пронырливая птица не теряется, напротив, она бодрится, быстро соображает, что ответить своим любопытным товарищам. Вместо того чтобы открыть нелюбезную правду о том, что попадалась в лапы кошке, Сорока сочиняет собственную историю:

Нюлэскы, арамае,
 Меё но нялмыт бамалэ,
 Жёккышет кадь нёжалэ
 Чашьем кадь ивор вуэм. <...>
 Нимо-дано, пе, Коё
 Луэм, пе, куё-маё. <...>
 Марым, кылем, пе, быжтэм.
 Сускич пасьта кузь быжзэ
 Олокытчы, пе, ыштэм. <...>
 Акыльтйз юасьёслэсь –
 Потёро эшьёсызлэсь:

В лес, на опушку
 На крутую ложбинку,
 На низину, напоминающую скатерть,
 Прилетела молния-новость. <...>
 Знаменитая Сорока, говорят,
 Выглядит – таяп-ляп. <...>
 Осталась, говорят, совсем без хвоста.
 Широкий как лопата хвост
 Потеряла, говорят, неизвестно где и как.
 <...>
 Устала болтушка от расспросов друзей:

Мырк борды, пе, кормыштй,
 Нюлэскысь нюке куштй...
 [240, с. 10].

Избавилась, мол, от хвоста, сама –
 Ободралась об пень и сбросила в овраг...

В стихотворении «Быжтэм ко́чо» очень точно найден ход, подмеченный в жизни. Вездесущий воробушек – не из тех, кто наивно полагается на чужое слово. Воробей сам видел, как:

Липет йылысен тонэ
 Ко́чыш жабыртйз...
 Токма зулемед понна
 Быждэ ыр-ге-тйз!

Тебя на крыше
 Кошка поймала...
 За то, что зря болтаешь,
 Хвост твой о-бо-драла!

[240, с. 10].

Поэт не дает в финале стихотворения никаких назидательных рецептов. Ребенок сам сделает правильный вывод. Поэтические наблюдения Г. Ходырева активизируют внимание ребенка к жизни природы, по его героям и образам он научится любви к родному слову и к родному краю. Говоря о сострадании к миру природы, Г. Ходырев оказался не сторонником изображения конфликта природы и цивилизации, но подошел к этой проблематике с нравственно-психологической стороны, утверждая чувство ответственности каждого из нас за судьбу природы и малой родины.

Сегодня ясна предвзятость высказываний об идилличности поэзии Г. Ходырева. Однако поэт призывал не к возвращению к природе, а к сохранению и возрождению равновесия между природой и человеком. Он много писал о душевном, то есть внутреннем контакте человека с окружающим миром.

Природа и цивилизация у Г. Ходырева не носят характер прямого антагонизма. Говоря о любви к своей малой родине, воспевая знакомые с детства пейзажи, поэт не отрекается от технических достижений двадцатого века. Разрабатывая круг вопросов, связанных с проблемой взаимоотношений природы и технического прогресса, поэт часто обращается к игровым элементам. Обыгрывая детали вхождения прогресса в жизнь ребенка, поэт одновременно стремится дать полезную научно-познавательную информацию. Эта информация «подана» без морали и назиданий, остроумно и живо: «Эн пота, Лопата, табере

секыт ужын – машина» («Не ходи зазря, Лопата, пусть там работает машина!»). В современной детской читательской среде подобные ходыревские цитаты бытуют анонимно – как устно-поэтические строки. Старая вещь не сбрасывается «на свалку истории», ребенку полезно знать суть привычных предметов и использовать их по назначению. Потому и ходыревская лирика природы близка и понятна современному ребенку.

§ 2.3. Гражданская лирика

В удмуртской поэзии эпохи «оттепели» по-новому открылась тема человека в его отношениях с миром. Преобладают настроения активного жизнеутверждения, основанного на национальном и интернациональном самосознании, более пристальным становится внимание к теме народной судьбы, стремление увидеть то новое, что внесено историческим опытом в сущность национального характера. Не могла остаться в стороне от этого круга вопросов и детская литература. В целом ряде стихотворений Г. Ходырева проявляются такие качества его поэзии, как общественная отзывчивость, напряженность авторского чувства, патетическая звучность, одновременная ораторская торжественность и трагедийность.

Среди качеств, которые стремился развить в своих юных читателях Г. Ходырев, большое место занимает гражданская активность. Поэт понимает гражданскую активность как воспитание в ребенке уважения к героям великих событий прошлого. Именно Г. Ходырев внес в удмуртскую детскую литературу второй половины XX века общественно значимые вопросы: Родина и ее судьба, государство и гражданский долг, дружба детей разных стран и народов, память о прошлом и др. Всем своим творчеством Г. Ходырев показал неправомерность утверждения, что ему чужда гражданская лирика. По сути, почти вся поэзия Г. Ходырева обращена к теме Родины, которая воспринимается через образы земли, хлеба, дома, подворья, семьи. А все это нужно любить, беречь, защищать.

Поэту свойственно чувство сопричастности к происходящим в мире событиям, чувство ответственности за боль других. Герман Ходырев – поэт, через

которого удмуртский ребенок открывает большой мир. У него есть стихи, в которых поставлены вопросы отношения писателя и времени, писателя и народа, писателя и истории. Автор ценит ответственность за сказанное и написанное поэтом слово. Такого плана гражданские мотивы звучат уже в ранних стихах Г. Ходырева. Глубиной и образностью отличается стихотворение «Горькийлы памятник дорын» («У памятника Горькому»). Г. Ходырев изображает великого русского писателя как лидера и куратора всех национальных литератур России и ее окраин. Удмуртский поэт утверждает величие А. М. Горького как создателя новой литературы.

Тани сылэ со. Бур кияз боды.
Паллян кизэ со кисыяз понэм.
Россиез кӧня пол котыръяллыз пыдын,
Али со тодмантэм чебер луэм.
Тани тазы сылоз со даурьёс чоже,
Та памятник доры ялан калык ветлоз.
Ӗзар кезыт тол, сйзыл но пӧсь гужем –
Пыд выжыяз весь луозы льӧль сяськаос.

[219, с. 68].

И здесь, как путник, он на трость рукой
Оперся и глядит перед собой:
“Как изменилась нынче та Россия,
Какую исходил он, молодой...”
Вот так и будет он стоять века,
К нему людская будет течь река,
А у подошв его и в зной и в стужу
Не будет гаснуть пламя цветника.

(Перевод В. Щепотова) [220].

В ходыревских строках, посвященных М. Горькому, слово и творчество которого определило не только художественную реальность, но и литературную жизнь всех народов России, отражены вечные темы бытия – народная память и любовь, писатель и ответственность, время и литература.

Г. Ходырев стремился раскрывать сложные темы через разговор о конкретной проблеме, которая значима и близка для читателя-ребенка. Друг Г. Ходырева, русский поэт Удмуртии О. Поскребышев говорил: «Я не специалист по детской литературе, но мне нравятся его (Г. Ходырева – Ю.Р.) лирико-патриотические стихи. Некоторые из них стали песнями, например, “Береза”. Такие стихи заставляют взрослеть маленького читателя, вызывая раздумье о важных вопросах жизни» (Цит. по: [18, с. 407]).

Живая связь поколений, преемственность, любовь к Родине – все это мы прочитываем в стихотворениях Г. Ходырева, названия которых многозначны и, так или иначе, выражают гражданский пафос: «Їужанайлэн кырӓанэз»

(«Бабушкина песня»), «Эн кыс, кизили!» («Не угасай, звезда!»), «Памятник дорын» («У памятника»), «Кысонтэм тылси» («Негасимый луч»), «Удмуртия – доре мынам» («Удмуртия – родина моя»), «Төдъы Кам кузя» («Вдоль по белой Каме»), поэмы, баллады и легенды «Вортты тон, валэ!» («Скачи, мой конь!»), «Батыр Ожмег» («Герой Советского Союза Г. Ожмегов»), «Кионбам» («Волчий лог»), «Паровоз» и др. Эти стихотворения напечатаны в разные годы и в разных поэтических сборниках. Их объединяет авторский голос, стремящийся открыть детям то, что будущее есть у народа, не забывающего о своих корнях, своей истории. Многолетний и многотрудный опыт поэта позволил Г. Ходыреву до конца отстаивать эту позицию.

Выделяя гражданскую линию в поэзии Г. Ходырева, необходимо отметить, что сюжеты многих его стихов центробежны, открыты людям, миру, обращены к широкому времени. Ощущение неразделимой связи между гражданским и личным присуще стихам Г. Ходырева, посвященным даже самым обыденным предметам. Сильную эмоциональную сторону этих стихотворений составляет пафос романтического восприятия лирическим героем-ребенком Родины. Г. Ходырев, с присущей ему точностью образной характеристики, изобразил то, что чувствовал сам, когда в детстве стоял в дозоре, играя в пограничников. Например, стихотворение «Мон – солдат» («Я – солдат»). В русском варианте стихотворение выходило под названиями «На посту» и «Дозор».

Агае паськыт е кузьмаз мыным,
Пулэсь автоматэ юн кырмемын.
Пилоткае гинэ өжыт бадзымгес.
Нош со понна туннэ мон ветлйсько сэзь.
Мон чын солдат кадь кыре потй.
Возьмаськыны кызыпу доры
Чырмыт султй. <...>
Мон съёрын лудъёс, возъёс.
Инвис вёзын – выръёс, тэльёс. <...>
Мон туннэ возьмаськыны султй!

[232, с. 7].

Свой ремень мне подарил
Старший брат.
Целый день я мастерил
Автомат.
А потом надел пилотку,
Изменил свою походку:
– Левой! Левой! Через двор.
У березы встал в дозор.
Вечер. Осень. Тишина.
За спиною – вся страна.

(Перевод Ю. Кушака) [244, с. 2].

За «негромкими», простыми поэтическими строками открываются дали страны, береза воспринимается как символ России, как вековый спутник, объединяющий судьбы российских народов.

Во многих гражданских стихотворениях увиденное поэтом в родных местах, неприметные пейзажные детали осмыслены как часть истории страны, как символ жизнестойкости всего советского народа. Несмотря на то, что сюжеты таких стихов тяготеют к хронологическому и пространственному разворачиванию, эпохи и пространства в них уплотнены, нацелены на восстановление исторического единства. Говоря о гражданской лирике Г. Ходырева, необходимо отметить, что особенно волновала поэта тема Великой Отечественной войны. Если в ранней поэзии Г. Ходырева предпочтение отдавалось воссозданию народного подвига в Великой Отечественной войне в приподнято-романтических тонах, то в поздних стихах восприятие поэтом войны – драматическое. Драма заключается в разрушении уважительного отношения к памяти. В новом разложенном пространстве-времени стихи Г. Ходырева восстанавливают исторические связи. По мысли поэта, возрождение незыблемых ценностей – надежная опора для подрастающего поколения.

Г. Ходырев точно выразил понимание того, что сегодняшняя свобода народа есть продолжение героических деяний людей, защитивших Отечество от фашизма. Счастье современного ребенка невозможно не в свободной стране. Тема военного детства звучит особенно волнующе в стихотворении «Эн кыс, кизили!» («Не угасай, звезда!»), воссоздающем настоящую эмоциональную атмосферу ожидания отцов с фронта. Одноклассники и сельские друзья писателя, с которыми он вместе рос и учился, так же как и он сам, жили надеждами на победу. Для мальчишек тех лет потеря отцов, не вернувшихся с войны – это трагедия. Поэт, возвращаясь в родные края, будучи взрослым и мысленно глядя на новое поколение сельских ребятишек, в думах и мыслях вновь и вновь вспоминает свое детство.

Уг ни адзiськы бертiсь –
Ож лудысь солдат,
Медальёсын шальтыртiсь

Не видать возвращающегося
С поля войны солдата,
Звнящего медалями,

Сабырлы солдат. <...>
 Сурон сапег ултонъёс
 Уг ни шарккетто...
 Вырбамалэ пинальёс
 Уг ни лобато. <...>
 Бертьсез бертьиз ини
 Ожысь кемалась,
 Кылемез кылиз ини –
 Уз берт со палась. <...>
 Нош сурон сапег ултон
 Мед шарккеттысал...
 Пилоткаен воргорон
 Мед вамышъясал!

[230, с. 10.].

Сурового солдата. <...>
 Его подошвы кирзовых сапог
 Не грохочут больше...
 На пригорок дети
 Уж не избегают больше. <...>
 Кому было суждено вернуться,
 Тот с войны давно вернулся,
 Кому суждено было остаться –
 Не вернется с той стороны. <...>
 И все же подошвы кирзовых сапог
 Хоть бы прогромыхали...
 Человек в пилотке
 Хоть бы появился на дороге!

Стихотворения Г. Ходырева военной тематики не о самих событиях войны, а о силе и стойкости народа, проявившего в военные годы неимоверную выносливость и многотерпение. Лично пережитое поэтом-мальчишкой входит в художественный мир стихотворения «Эн кыс, кизили!» естественно и органично, дает повод к раздумью и переживанию о том, что в каждом из нас живет дух тех, кто не вернулся с войны. Есть народная поговорка, что детство и родителей не выбирают. Военное поколение детей стойко перенесло все тяготы суровой жизни, трудилось для победы наравне со взрослыми. По прошествии многих лет, «дети войны» все еще ждут возвращения отцов, они и теперь непроизвольно смотрят на дорогу – не появится ли на деревенском взгорочке уставший солдат: не видать возвращающегося с поля войны солдата.

В стихотворении «Эн кыс, кизили!» Г. Ходырев прибегает к соединению масштабности и конкретных черт войны в тылу. Образы конкретных звезд, прибитых на воротах домов погибших на войне сельчан, перерастают в символ, раскрывающий безмерность горя, принесенного войной в каждую российскую семью. Содержание стихотворения воспринимается как завещание павших живым потомкам, и в этом – обобщающая и эмоциональная сила произведения.

Кизили капка бордын
 Вореkjя, чия:
 Иське, ож пыр потэмын
 Таиз но семья...

Звездочка, прикрепленная к воротам,
 Блестит, переливается:
 Получается, и эта семья
 Прошла через войну...

Та коркась ӧз берт кин ке
Вордйськем палаз,
Но улэ со весь татын
Атыкай юртаз.

[230, с. 10].

Проживавший в этом доме кто-то
Не вернулся в родные края,
Но живет он все тут же,
В родном отцовском доме.

Гражданская поэзия Г. Ходырева держится на таком сквозном образе, как память. И если, к примеру, в пейзажной лирике речь идет о воспоминаниях автора о родной природе, то в гражданских стихах «память» становится нравственно-этической категорией творчества поэта. Дополненные военной памятью стихи о «малой родине» приобретают символическую образность. Так, в стихотворении «Памятник дорын» («У памятника») пейзаж родного края и обелиск, воздвигнутый защитникам Родины, сливаются воедино. Название ходыревского стихотворения по-своему перекликается с названиями произведений и сборников стихов русских и национальных поэтов. Можно отметить ряд перекличек, связей со стихами М. Исаковского, В. Сорокина, М. Танка, Р. Гамзатова и др.

Татчы котьку нуо пыдъёс,
Мыно соос каллен, мырдэм...
Малы жожмыт солдат синъёс?
Малы йырзэ со мыкыртэм?
Сылэ толэн но гужемен,
Солы кышкыт уг поты куазь.
Мынам потэ вераськеме,
Малы солдат мыным уг вазь?

[222, с. 64].

Сюда всегда приводят ноги.
Приходишь не спеша, тихо-тихо...
Почему глаза солдата грустные?
Почему он голову повесил?
Стоит зимой и летом,
Ему не страшна погода.
Я хочу с ним говорить,
Почему солдат не отвечает мне?

Г. Ходырев рассказывает детям о том, что война оплачена не только жизнью солдат, но и неимоверно тяжелым трудом женщин в тылу. Стихотворение «Ѓужанайлэн кырзанэз» («Бабушкина песня») – это произведение о реальном вкладе простых крестьянок в победу. Оно написано в форме песни бабушки, которая выступает как обобщенный образ материнского тепла, согревающего фронтовиков. Поэтом найден необычный образ-метафора: женщины «прядут» победу, мужчины добывают ее с оружием в руках.

Берга, берга тон, черсэ,
Киы чырткем на черсэ.

Крутись-вертись, веретено,
Руки мои прядут еще бойко.

Тодйськод, дыр, ож вылтй
 Кӧня пыдвыл мон керттй.
 Жуась гур азын черсй,
 Уйёсы ӧжыт изи.
 Картэлы но выньёслы,
 Тодмотэм солдатъёслы. <...>
 Шортэ сюлэм шунйтме
 Черсыкум ӧй пон юнме.
 Ож лудысь гожтэт басьтй:
 – Меми, тау, пыдмес шунтйд!
 Кас тушмон пегӑе, чигна,
 Матэктэ Вормон нунал!..

[240, с. 7].

Помнишь, сколько в войну
 Носков я связала.
 Перед горящей печкой пряла,
 Ночью совсем мало спала.
 Мужу, братьям,
 Незнакомым солдатам. <...>
 Тепло своего сердца в пряжу
 Не зря впрядала.
 С поля боя получила письмо:
 – Мама, спасибо, согрела нас!
 Злой враг убегает, отступает,
 Приближается День Победы!..

Г. Ходырев осознает себя не только удмуртским поэтом, но поэтом, говорящим от имени всех граждан страны. Восприятие действительности с позиции интернационалиста наполняет поэзию Г. Ходырева особой гражданственностью, большим общественным звучанием, расширяет творческий диапазон его стихов. Интернациональные чувства поэта, приветствие дружбы разных народов ознаменовались выходом в свет поэмы «Вортты тон, валэ!» («Скачи, мой конь!», 1982), о которой писали выше.

Поэма «Вортты тон, валэ!» рассказывает о патриотизме чилийцев времен путча. Международный пионерский лагерь «Артек» подружил двух мальчиков – удмурта Очеля и чилийца Луиса. Очей подарил своему другу Луису подкову – символ счастливой жизни. Но вот он узнает страшную весть: фашист Пиночет захватил власть в Чили. Теперь там – темная ночь. И удмуртский парень летит на коне, чтобы помочь другу в Чили. Служение добру, справедливости, свободе, считает Г. Ходырев, объединяет людей планеты всех поколений.

Вал вылэ пуксьыса,
 Нюлэскысь лобӱыса,
 Инметй ворттыса,
 Горд шунды пуксён пал
 Шаере со дыртйз.

[230, с. 43].

Вскочив на коня,
 Пролетев лесом,
 Проскакав по небу,
 К закату красного солнца
 Он поспешил к своему товарищу – Ю. Р.).

Поэма покоряет юного читателя неподдельным пафосом, глубокой взволнованностью, крепким и мужественным голосом автора. Гражданская лирика Г. Ходырева во многом испытывает влияние творческого опыта советских писателей: динамичность ритма, ораторская интонация. Вместе с тем налицо обращение к элементам поэтики устного народного творчества: использование поговорок, крылатых слов, сказовая манера повествования в отдельных эпизодах.

Поэт, вслушиваясь в голос истории, замечая очевидные черты обновления Отчизны, соизмеряет настоящее с прошлым. Типичным можно назвать стихотворение «Паровоз». Это поэтическая история одного паровоза, который в годы революции и гражданской войны возил хлеб из Сарапула в голодающие Москву и Петроград. Много лет уж «в раздумьях» стоит паровоз на почетном месте – на пьедестале, на заслуженном отдыхе. Метафорический герой в поэме оживает, оказывается свидетелем и соучастником великих событий в истории страны. Бывали времена, когда он, стуча колесами, издавая то тревожные, то радостные гудки, неся по просторам отчизны и повидал много разного, много полезного совершил. А теперь:

Вокзал вёзын сылэ паровоз,
Уг кеськы, уг вазь со,
Сыло погляньёс...
Тёл вуттэ, шып кылзэ паровоз:
Кам валлин лудьёсысь
Бадзьымесь ю шепьёс
Жингырес шеп гурзэс
Вазь ёукна ик мыто.
Пальпотйсь ымнырын
Ворекъясь шундылэсь
Ёукна вазь чеберак
Жужамзэ учкыса,
Паровоз нош адёе:
Кудбыдза сукури –
Улон шуд сукури –
Табере
Калыклэн киосаз!

Стоит паровоз около вокзала,
Не гудит он, молчит,
Стоят колёса... Паровоз
Тихо слушает, что ветер доносит:
На прикамских полях
Полные хлебные колосья
С самого утра начинают напевать
Звонкие зерновые мелодии.
Ранним утром наблюдая
За красивым восходом
Переливающегося солнца
С улыбчивым лицом,
Паровоз видит,
Насколько велик каравай –
Счастливой жизни каравай –
Теперь
В руках народа!

[230, с. 19].

Поэт рисует символический образ паровоза, применяя понятный и близкий детям прием оживления предметов и игрушек: «уг кеськы» («не кричит»), «шып кылзэ» («тихо слушает»), «адژه» («видит»). Автор ведет разговор с «паровозом». К памятнику-паровозу как к человеку-герою приходят многие люди, благодарно относящиеся к его заслугам.

Тынэсьтыд жеч уждэ даньяса,
Со батыр сюрестэ дуньяса,
Вадьсытйд мйы мурт ке ортче,
Кускозяд ик тыныд йыбырттэ.
Вадьсытйд ке ортче егит солдат,
Дугдыса тыныд честь со сётэ!
Чыжыт горд галстукен
Пинальёс ке мыно.
Салют сётыса, жеч кылзэс верало.
Татчы лыктыса, ожысь но ужысь
Ветеран-коммунист
Кылбурен кадь вера
Внукезлы тон сярысь...

[230, с. 19].

Прославляя твои добрые дела,
Оценивая замечательный путь,
Идущий мимо пожилой человек
Кланяется тебе по самый пояс.
Когда мимо тебя проходит солдат,
Остановившись, отдает тебе честь!
Когда проходят пионеры
В ярко-красных галстуках,
Салютуют и приветствуют тебя.
А коммунист,
Ветеран войны и труда, подходит
И рассказывает о тебе своему внуку,
Словно стихи читает.

В стихотворении «Паровоз» ощутимы интонационные переключки с известным гайдаровским героем – Мальчишом-Кибальчишом. Идеиная глубина образа и художественная оригинальность текстов этих произведений проявляется в скуповатой, почти лишенной «специальных» поэтических приемов изобразительности, однако полифонизм произведения достигается за счет четко найденного ритма, интонации, быстрой изменчивости строфики, авторского обращения к герою «паровозу».

Один из существеннейших источников гражданской поэзии Г. Ходырева – ощущение радости жизни, столь свойственное детям. Продолжение темы трудно завоеванного счастья – баллада Г. Ходырева «Батыр Ожмег» («Богатырь Ожмег»). Произведение посвящено реальному герою-удмурту, гвардии-сержанту Г. Ф. Ожмегову, отдавшему жизнь за победу над фашизмом.

Баллада знакомит юного читателя с историей жизни героя. Молодой человек, геолог по профессии, не успел найти много минералов и дорогих камней. «Батыр Ожмег» показывает, как меняется стилистическое оформление зрелого

поэта. Несмотря на то, что название баллады «богатырское», герой войны изображается как обычный сельский парень. Солдат Ожмег показан живым, близким к детскому восприятию молодым парнем, защищающим свою Родину и тоскующим на чужбине по родной земле.

Шödэ ни сюлмыз
Уть палась пияшлэн:
Выльысь дор палаз
Берытскоз со жожен. <...>
Мöзмиз ни геолог
Аслаз ужезлэсь,
Дуно ваньбурен
Туж узыр музъемлэсь. <...>
Уг пот сётскемез,
Ож нуэ быронэ...
Пуля пöсьвуаз
Сержантлэсь мугорзэ...

Парень с низовьев реки Уть
В мечтах своих уж дома:
Вернется он скоро
В родную сторонущку. <...>
Истосковался геолог
По своей работе,
По земле, богатой
Драгоценными минералами. <...>
Не будет сдаваться,
А бой ведет к гибели...
И пуля ошпарила
Тело сержанта...

[230, с. 37–39].

Родившийся уже после войны, другой молодой геолог, земляк Ожмега, продолжит незаконченное дело. Для потомков важно, чтобы война не повторилась. Гражданская баллада Г. Ходырева остается интересной и сегодня.

Тубе гурезе
Егит пи рюкзакен.
Борддор кадь азе
Жабырске, утчаське...
Ожмег батырлэн
Со ветлэ сюрестйз...

Поднимается в гору
Парень с рюкзаком.
В крутую стену горы
Врезается, ищет...
По следам богатыря Ожмега
Он идет...

[230, с. 39].

Эмоциональная интонация в воссоздании образа героя, емкие пейзажные зарисовки придают весьма своеобразный лиризм повествовательной структуре баллады. Традиции устно-поэтической речи, реалистические бытовые детали в сочетании с художественным вымыслом, обуславливая неповторимый колорит, сближают балладу «Батыр Ожмег» с народной легендой.

Г. Ходырев – поэт высокого гражданского долга. Его стихи патриотической тематики влияли на мир идей и литературные вкусы подрастающего поколения, готовя их для участия в жизни страны. Особенно велико было влияние

произведений, героями которых наряду со взрослыми являются дети. Лучшие в этом ряду стихотворения «Удмуртия – доре мынам» («Удмуртия – родной мой дом»), «Шудо ӓрдон понна!» («Ради счастливой зари!»), баллада «Батыр Ожмег», поэма «Вортты тон, валэ!» («Скачи, мой конь!») и др. Художественная особенность гражданской лирики Г. Ходырева, сочетание реалистических приемов изображения (обращение к конкретным лицам, окружающей обстановке и т. д.) с романтической образностью, связанной с удмуртской фольклорной традицией. Время и пространство в гражданских стихах Г. Ходырева уплотнены, определены задачей восстановления исторического единства. Сквозной формой организации «временипространства» является мотив памяти, который воплощается, как правило, в мотиве «дороги». «Дорожные» стихотворения поэта прочитываются как движение к поиску идеала, гармонии. Таковы стихотворения «Сюрес, сюрес...» (Дорога, дорога...), «Тӧдды Кам кузя» («Вдоль по белой Каме-реке»), «Мон луысал ке...» («Если бы я был...»), «Мон но уяны пото» («Я тоже выйду в плаванье»), «Пилемозь сузё» («Достают до неба») и др. Ходыревские дороги из деревенского пространства выходят в большой мир. И очень часто деревня до сих пор ждет своего героя-солдата, обошедшего весь мир, но так и не вернувшегося домой.

Таким образом, большое место в структуре поэтического мира гражданской лирики Г. Ходырева занимает хронотоп «малой родины», ассоциирующейся с родительским домом. Пространство «дома» выстраивается по принципу «увеличивающихся» кругов – «двор», «деревня», «страна». Если в ранней поэзии Г. Ходырева предпочтение отдавалось воссозданию народного подвига в Великой Отечественной войне в приподнято-романтических тонах, то в поздних стихах восприятие поэтом тематики, связанной с войной – более драматическое. Драма заключается в разрушении уважительного отношения к прошлому. Для современного читателя, живущего в «разложенном» мире, стихи Г. Ходырева восстанавливают исторические связи. Примечателен в этом плане финал стихотворения «Шудо ӓрдон понна!», где оттеняется важная мысль о том, что в один их теплых весенних дней солдат принес «Вормон», т. е. Победу. Раздумья

о связи малой родины с большой родиной выводят поэзию Г. Ходырева к размышлениям о вечном: связи времен, месте человека в истории цивилизации, противоборстве добра и зла, любви и ненависти.

В теме героизма взрослых и детей он обращается к народной истории, стремится воссоздать образы детей, проявляющих чудеса храбрости и находчивости в борьбе с врагом. Нередко в этих случаях он опирается на легенды или правдивые рассказы, услышанные в детстве. В свое время в детской читательской среде особой популярностью пользовалась баллада «Горд кизили» («Красная звезда»). Это страстное стихотворение не оставляет равнодушным и современного читателя. Романтическая интонация, как сказали выше, сочетается в такого плана стихотворениях с реалистическим повествованием, богатый вымысел – с принципом конкретности.

Кемаласен,
Граждан оже,
Лоза палан,
Кытын ке,
Таё учыр
Нунал ёже
Вылэм шуо...

Давным давно,
В пору гражданской войны,
Где-то
В окрестностях Лозы
Был такой случай,
Говорят,
Произошедший в один из дней...

[234, с. 60].

Присутствуют здесь и элементы «превращений».

Озы шуыса
Вуттйз но –
Нюлэс пёрмиз
СОЛДАТЫ!

Лишь успел он
Так сказать –
Лес превратился
В СОЛДАТ!

[234, с. 60].

К характеристике гражданской лирики Г. Ходырева вполне можно отнести слова дагестанского поэта Р. Гамзатова о том, что если «поэт верно выражает личное, то становится и общечеловеческим». И далее: «Мне кажется, все истинно национальное, как капля росы, отражает большое, интернациональное. Все зависит от поэзии, от глубины мысли и чувства, от отношения поэта к тому, о чем он пишет» (Цит. по: [95, с. 6]).

В основе разработки темы труда у Г. Ходырева – раздумья о будущем юного человека. Для таких стихов характерны риторические вопросы, публицистические обращения. Путь к взрослости непрост и нелегок, но тот, кто приучен с детства к труду, выдержит все жизненные испытания. Об этом беседует автор со своим маленьким читателем в стихотворениях, вошедших в сборник «Покчи дэменчи».

К примеру, стихотворение «Атае кадь будо» («Вырасту и буду похожим на отца»):

Гурт съöрын,	За деревней,
Кытын ке луд вылын,	Где-то в поле,
Шур съöрысь	На зеленом лугу
Їыдонтэм возь вылын	За рекой
Машина куараос кылйсько,	Слышен говор машин,
Мон но	И я,
Вазь ик	Поутру
Їукна султйсько.	Очень рано встаю.
Мон но	Поутру
Вазь ик	Я тоже
Їукна султйсько,	Очень рано встаю,
Атаен ёош	Вместе с отцом
Лудэ потйсько.	На луга выхожу.
Мон будо,	Я вырасту,
Атае кадь будо,	Взрослым стану, как отец
Тракторез	И, как он,
Со сямен ик валто.	Трактор поведу.

[232, с. 39].

В ходыревских стихах о труде ощущается полнота человеческой жизни. Писатель утверждает, что труд является источником добрых начал в человеке, воспитывает в нем благородные качества. Герои многих произведений Г. Ходырева своим трудолюбием завоевывают счастье, находят свое место в жизни.

Гражданская лирика Г. Ходырева сильна правдивыми реалистическими картинками, но она также не лишена юмора и иронии. С легким юмором поэт говорит о значимых вещах и явлениях, столь необходимых в процессе становления «я» ребенка. О том, как закаляется характер ребенка в процессе

физического закаливания, весьма своеобразно рассказывается в стихотворении «Котьку таза» («Я всегда здоров»):

Пыжен уай,
Вуэ тэтчай,
Эшгёсыным мон
Чорыгай!
Ой пега мон
Музьем ужлэсь,
Ой кышка мон
Жадемелэсь.

<...>

Юзмыт куазен
Лумбыт чоже
Мыным өвёл маза.
Мон
Котьку но –
ТАЗА!

[232, с. 39].

Плавал на лодке,
В воду нырял,
С друзьями
Рыбачил!
Не отлынивал
От крестьянского труда,
Не было страха
Усталости.

<...>

В холод
И в прохладу
Я закалял себя.
Потому
Я всегда –
ЗДОРОВ!

Гражданские стихи Г. Ходырева утверждают силу дружбы и товарищества. Нередко героический поступок оказывается не по плечу юному герою, в хороших делах ему могут помогать как взрослые, так и сама природа: «нюкжётй васькись тудву» («половодье»), «душеслэн уиськемез» («погоня ястреба»), «пыдул дымбыр дымбыртэ» («гул земли») и др. Большинство ходыревских гражданских стихотворений («Паровоз», «Вортты тон, валэ!», «Горд кизили», «Батыр Ожмег») отличает динамичность сюжета, отчетливость изображения, мотивированность поступков героев. Все это совмещается с умелым воосозданием человеческих чувств и эмоций: «Тыпыр-топ шуккиське» («Звук копыт отдается»), «Лобем кадь дыртэ» («Спешит словно летит»), «Очей востэммиз» («Очей притих») и т. д. Ощутимо само дыхание описываемых поэтом событий и действий.

Открытие нового в жизни современных детей требовало от писателя гибкой художественной «реакции», расширения арсенала поэтики. Широтой диапазона художественных трактовок отличается сборник «Покчи дэменчи». Свидетельством углубившихся контактов художественного осознания поэта с изменившимся временем стала более открытая публицистичность поэзии

Г. Ходырева, усиление ее философичности. Писатель стремится уловить и выразить многомерность, многоликость, подвижность мира. Это касается не только окружающего мира, но и внутреннего мира ребенка. Симпатии автора на стороне героя, для которого очень важно его духовное самовоспитание, в котором соединяются понятия о чести и достоинстве. Особенно яркое выражение это нашло в стихотворениях: «Песянайлэн кырӓанэз» (Бабушкина песня), «Улӓз-вылӓз Максим» («Жил-был Максим»), «Мон луысал ке» («Если бы я был...»), «Макешат», «Чипчирган» и др. В последний период творчества писателя волнует идея духовного самосозидания личности, вступающего в сложные отношения с текущими жизненными испытаниями. К сожалению, преждевременный уход из жизни не дал возможности осуществиться творческим замыслам Г. Ходырева.

Эпицентром литературной жизни «детства» в республике 1960–1990-х годов, безусловно, является Г. Ходырев. Его творчество – средоточие нравственных, общественных, социальных и т.д. проблем времени, неотъемлемая часть идейно-художественной атмосферы времени.

Выводы: Одной из плодотворных традиций удмуртской литературы является ее связь с устным поэтическим творчеством. Г. Ходырев не только осознал связь литературы и фольклора, но и наглядно показал пути и поиски творческого освоения народного наследия. Функционирование фольклорных традиций в творчестве Г. Ходырева проявляется на разных уровнях его произведений: жанровом, композиционном, характерологическом, стилистическом. Фольклорная доминанта во многом предопределяет собой систему изобразительно-выразительных средств писателя, структуру его художественного мира, несет в себе жизнеутверждающий пафос. Фольклорные источники используются Г. Ходыревым творчески, конструктивно, поэт стремится к сохранению национальной культуры. Нередко в его поэзии фольклорное начало сохраняет свою первозданную сущность, близость к истокам. Особенно это характерно для малых поэтических жанров. В крупных же произведениях поэта – поэмах, балладах, сказках – элементы жанровых форм детского фольклора создают многозвучие, жанровую и стихотворную

полифонию. Понимая необходимость художественного синтеза классических форм с новым социальным содержанием, Г. Ходырев создал свой способ обновления сказки, написал сказочные произведения на современную тематику.

На образном и символическом уровнях наблюдается использование устойчивых элементов национального фольклора («мынясь шунды – улыбчивое солнце», «вешась тёл – ласково похлопывающий ветер», «шудйсь вутулкым – играющая волна»). Поэзия Г. Ходырева ввела в литературу все многообразие традиционных фольклорных жанров: предания, песенная лирика, игровой фольклор, былички, загадки, пословицы, поговорки, считалки, дразнилки, скороговорки, небылицы и др. Философско-этические темы, запечатленные в устном народном творчестве, характерны для гражданской лирики поэта: человек и земля, память, судьба народа, связь поколений, любовь к отчему краю. В основе гражданской лирики поэта – идея преемственности, исторической эстафеты памяти.

Объектом выражения личностного отношения ребенка к Родине выступает в поэзии Г. Ходырева природа. Именно в лирике природы наблюдается раскрытие поэтом единства, гармонии природы и «жизни души» ребенка, обращение к нравственно-философским темам. Не сформировав определенной концепции понимания проблемы «природа и цивилизация», поэт, тем не менее, отразил общие тенденции развития технического прогресса в крестьянском мире, актуализировал вопросы о дегуманизации современной деревни, стремился предупредить, что природа, земля не терпят потребительства и могут предъявить человечеству строгий счет. Тема связи ребенка с миром живой природы осмысливается поэтом в комплексе идей, различных мотивов, структурирующих его художественный мир, в основе которого – верность традиционным нравственно-эстетическим установкам.

Более всего заботит Г. Ходырева воспитание в юном гражданине страны меры ответственности за малую родину и за все живое на земле. Важнейшим элементом творческой индивидуальности поэта на всех этапах литературного пути была гражданская позиция, основанная на народных идеалах.

ГЛАВА 3. Г. ХОДЫРЕВ – ПРОЗАИК И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

§ 3.1. Художественно-документальная проза

Г. Ходырев – не только талантливый детский поэт, но и прозаик. Его очерки и рассказы, документально-художественные повести и сегодня пользуются популярностью у удмуртской публики. В прозаических жанрах он одновременно выступает и публицистом, и исследователем, и художником. Наряду с художественными произведениями Г. Ходырев написал немало критических статей, посвященных актуальным вопросам развития удмуртской детской литературы и детской книги Удмуртии.

К сожалению, проза и критика Г. Ходырева являются абсолютно не изученной сферой в удмуртском литературоведении. Между тем, его произведения составляют «ядро» удмуртской детской прозы второй половины XX века. Писатель одним из первых увидел изменившийся мир детства, новые потребности ребенка, иные грани взаимоотношений взрослых и детей. Большая часть ходыревских произведений, написанных в прозаических жанрах, адресована подростково-юношеской аудитории.

Проза Г. Ходырева особенно интересна в познавательном отношении, из его книг подросток черпает ценные сведения об истории республики и дополнительную информацию о реальных событиях прошлых лет, открывает для себя знаменитых людей, вышедших из недр народа. Писатель стремился развить в своих юных читателях равнодушие к памяти о перенесенных народом в военные годы лишениях и жертвах, ощущения живой и неразрывной связи с предками и потомками.

Важным этапом творческой биографии Г. Ходырева явилась работа над документальной повестью «Өрзи: Пётр Бабкин сярысь повесть» («Орёл: Повесть о Петре Бабокне»), написанной в соавторстве с профессиональным военным журналистом В. Голубевым и посвященной удмурту, Герою Советского Союза, гвардии лейтенанту П. А. Бабокне, повторившему подвиг советского летчика

Николая Гастелло. В повести «реализован художественный потенциал документального материала и документальной литературы» [83, с. 31–32].

Повесть основана исключительно на документальном материале: автор использует письма очевидцев событий, воспоминания однополчан и родных, цитаты из военных приказов, фотографии. Стремление к передаче реальных фактов из жизни Петра Бабкина не помешало автору создать произведение, имеющее художественное значение.

Интересны воспоминания В. Голубева о том, каким образом собирались факты жизни летчика морской авиации П. Бабкина: «Герман Алексеевич написал главы про детские и юношеские годы Бабкина, про учебу в Можгинском педучилище, я – про боевой путь летчика, ссылаясь на документы из архива и на воспоминания его друзей» [221].

Значительно позже В. Голубев вновь вернется к работе над повестью «Өрзи», которая будет включена им в книгу «Пыраклы егитэс: очеркёс, документальной повестьёс» («Навеки молоды: Очерки, документальные повести») и издана в 2001 году. Заслуживают внимания также воспоминания В. Голубева: «С грустью говорю, что работать над этой повестью Герману Алексеевичу Ходыреву больше не пришлось. Мы с ним договаривались продолжить работу и вместе еще одну книгу выпустить. Не успели...» [221].

Здесь следует сделать уточнение. В документально-публицистическую книгу В. Голубева повесть «Өрзи» включена с документальными сценами и эпизодами, измененным названием «Өрзи кадь лобаз» («Летал как орёл»). В обновленный вариант повести о подвиге Петра Бабкина введено большое количество нового фактографического материала. Это дополнительные архивные документы, письма, фотографии, копии деловых бумаг и др. В голубевском варианте произведения акценты смещены в сторону публицистики, организующей силой композиции повести становится документальное начало. Между тем, художественно-изобразительные приемы, используемые Г. Ходыревым в первом совместном варианте повести, способствовали значительно более глубокой образной характеристике главного героя.

Название повести «Өрзи» – не случайно. «Орлом» назвали Бабкина его друзья в письме к матери. Словно орел спустился с неба самолет Бабкина на вражескую зенитную батарею. Уничтожив сотни фашистов, Петр спас от неминуемой смерти боевых товарищей и обеспечил нашим войскам продвижение вперед. Об этом, по словам В. Голубева, узнали авторы повести из письма, хранившегося у матери героя – Евдокии Максимовны.

Для повести «Өрзи» Г. Ходырева характерно сочетание строго реалистических приемов изображения конкретных людей и событий с романтической образностью. Главной становится мысль о том, что настоящий солдат, погибающий ради защиты своей Родины, не трусит, его сердце «не сомневается» в правильности выбора. Писатель извлекает из памяти очевидцев материал, позволяющий выстроить сюжет, необходимый для раскрытия истоков характера героя. Повествование охватывает основные вехи всей биографии П. Бабкина. Это детские годы Петра Бабкина, годы учебы в школе, педтехникуме, начало трудовой деятельности в качестве молодого учителя, и далее – служба в армии, учеба в Оренбургском авиационном училище, тяжелые военные будни летчика, героическая гибель.

Эмоциональным центром повести является мечта крестьянского мальчика покорить небо, стать летчиком. Глубинная сущность характера героя формируется в труде. С малых лет мальчик познавал секреты крестьянского труда, брал на свои плечи ответственность за семью после ранней смерти отца. На фронте Петра Бабкина всегда отличали собранность, военная смекалка, профессионализм. Большое воздействие на юного читателя оказывает финал повести: «Нет, Петр Бабкин не умер. На видном месте, перед сельским клубом в Б.-Сурде Можгинского района, стоит памятник в честь погибших солдат этой деревни. Целый год рядом с памятником проходят люди: каждое утро в школу идут дети, спешат на ферму молодые девушки, подходят пожилые. У всех сжимается сердце. Подходя к нему, всплакнут старуха и старик, женщина в годах и молодой человек... Словно от имени Петра Бабкина «говорит» памятник: “Вот мы и вернулись поклониться родной деревне...”» [221, с. 73]. Финал повести еще

больше проясняет главную идею произведения – донести до современников представление об истинной цене победы народа в Великой Отечественной войне.

Образ Петра Бабкина органично дополняет галерею национальных героев, изображенных в произведениях удмуртской подростково-юношеской литературы, выпускаемой издательством «Удмуртия» в серии «Асьмелэн геройёсмы» («Наши герои»). Можно говорить о том, что повесть «Ӗрзи» явилась одним из первых опытов обращения к документальному повествованию в удмуртской детской литературе. Повесть ценна еще и тем, что она написана в русле новых жанровых поисков в отечественной документально-художественной литературе – в форме «история в лицах».

В 1976 году, через семь лет после издания повести «Ӗрзи», Г. Ходырев выпускает другую книгу в серии «Асьмелэн геройёсмы» («Наши герои») – «Солдат Спиридон Стрелков» [226]. Автор вновь обращается к «истории в лицах», на большом фактическом материале создает портрет молодого бойца. Документализм в литературе обуславливает творческое обобщение явлений действительности [См.: 38]. Работа с фактом помогла Г. Ходыреву придать образу Стрелкова обобщающую силу, показать тип молодого удмурта – защитника Отечества.

В повести документально точно описан жизненный путь и незабываемый подвиг Героя Советского Союза Спиридона Михайловича Стрелкова, уроженца села Зура Игринского района УР, героически погибшего в тяжелейшем бою на берегу реки Одер в двадцать семь лет. Произведение было создано в течение ряда лет, в поисках материалов для книги Г. Ходырев вел переписку с разными людьми, обращался в архивы Министерства обороны СССР. Особо ценную информацию получил писатель от директора Коребской восьмилетней школы Могилёвской области Белоруссии Сазоновой (пока нам не известны ее имя или хотя бы инициалы), от ветерана войны Ильи Моисеевича Стельмашонка, заведующего в те годы кафедрой Белорусской Сельскохозяйственной академии.

Богатый материал Г. Ходыреву предоставил пожилой учитель Зуринской школы Леонид Алексеевич Шкляев, собравший вместе со школьниками-

следопытами интересные сведения о Стрелкове. В процессе работы над повестью Г. Ходырев два раза встречался с матерью Спиридона – Марией Тихоновной, которая, к сожалению, не дожидаясь выхода в свет книги о сыне. В поиске друзей детства и юности Спиридона Стрелкова и людей, близко знавших его, принял активное участие председатель рабочкома совхоза «Зуринский» Евгений Ильич Корепанов. Образ солдата писатель воссоздавал и с помощью воспоминаний сельских пенсионеров – Николая Никитича Ускова, Семёна Яковлевича Шкляева, Николая Александровича Беляева, Андрея Никифоровича Стрелкова, Семёна Митрофановича Митрофанова, Егора Гавриловича Стрелкова, тетушки героя Елизаветы Михайловны Стрелковой. Много рассказал о своем товарище Спиридоне Стрелкове друг его детства и юности – Василий Васильевич Стрелков, оставшийся после войны на Херсонщине в Украине. Этот материал находится в семейном архиве писателя.

Живо и увлекательно воссозданы автором подростковые годы Стрелкова. Это во многом обусловлено тем, что речь автора-повествователя ориентирована на детское мировосприятие. Эмоционально зримо автор передает размышления и разговоры крестьянских детишек, переплетая объективный план повествования с субъективным, описывает их занятия и игры. Сильное впечатление оставляют эпизоды, показывающие труд малолетних детей, пасущих ночью коней. А ведь дети уже знают, как от медведя уберечься, как ночному страху не поддаваться и др.

Показывая обстановку детских лет Стрелкова, автор создает собирательную картину жизни удмуртского крестьянства времен коллективизации. Приведем пример: «Стрелковы и сами лошадь держали. Во время гражданской войны через Зуру прошли белые. <...> ...вмиг распрягли лошадь, вывели из упряжки, ускакали. Хозяин лошади остался на пашне – ни пахать, ни сеять. Тяжелой стала жизнь Стрелковых. Миша агай со старшими детьми – с дочерью Лизой и сыном Алексеем – нанимались к богатым то на молотьбу, то пилить и колоть дрова ходили. Иногда возвращались домой с пустыми руками. Что же принесешь, если все вычитали за пропитание» [226, с. 5–6].

Из повести юный читатель узнает много исторических реалий о жизни народа в двадцатом веке. Картина жизни, созданная Г. Ходыревым, встает в конкретном облике быта удмуртского крестьянина: домовитая, дружелюбная, трудолюбивая большая семья со своим укладом, обычаями, традициями. И тут же, одновременно с показом общего, изображен индивидуальный мир героя-ребенка. Автору удалось изобразить чувства, переживания, мысли документального героя Стрелкова, которые помогают читателю отчетливо представить его образ. Эмоционально и экспрессивно окрашенные предложения выразительно передают сострадание и сочувствие мальчишки Стрелкова и деревенских жителей к людям, отправляемым на каторгу по Большому Сибирскому тракту. «Здесь, по этому тракту, бывало, вели арестантов в Сибирь. Зуринцы этим арестантам выносили хлеб, молоко или квас давали. А мужчины передавали высушенный рубленый табак. Пожилые женщины давали травы, пригодные для лечения. Утирая слезы, долго стояли жители Зуры, глядя вслед незнакомым им людям, идущим на мучительные страдания» [226, с. 15].

Полны настоящей жизни эпизоды, раскрывающие неугасающее стремление мальчишки-Стрелкова к знаниям. Отличительными чертами героя с малых лет являлись любознательность, жажда открытий, бесстрашие. Показателен пример, как Спира уговаривает друзей отправиться в путешествие по реке, чтобы исследовать, где речка Ита впадает в Лозу. На реплики друзей о том, что это слишком далеко для пешей прогулки, мальчик возражает: «Почему пешком? Вон из тех бревен с помощью проволоки сплетем плот и спустимся» [226, с. 15–16].

Или другие эпизоды, воссоздающие тот период из жизни героя, когда ему пришлось оставить школу после четырех лет обучения. Семья решается вступить в колхоз, и мальчик начинает работать в конюшне, затем становится помощником тракториста. На колхозной работе Спиридон Стрелков возмужал, окреп, вступил в пору совершеннолетия, занимался самообразованием. «Как и раньше, Спиридон трудился в колхозе. По вечерам с друзьями, готовящимися в армию, выходил в клуб, смотрел кино, новые постановки. В библиотеке читал свежие журналы, газеты. А в мире, оказывается, было неспокойно. В Испании хозяйничают

фашисты. На Дальнем Востоке «тычут в бок» японцы. Гитлер стремится захватить всю Европу» [226, с. 32–33].

Повышенный эмоциональный строй и сложная структура повествования характерны для сцены, описывающей расставание героя с родными и близкими: «Его мама, тетя Марья, уже загодя приготовила еду в дорогу, сушеное мясо. “Сын, пусть удачной будет твоя дорога, води себя на службе хорошо. Таким же здоровым, красивым, душевным возвращайся”, – говорил отец, хлопая сына по плечу. А у самого по щекам покатались слезы. Только сейчас понял Спиридон, что прощается, почувствовал ком в горле, глаза повлажнели» [226, с. 33]. Провожали Спиридона в армию председатель колхоза Николай Александрович, бригадир тракторной бригады Семён Яковлевич и рядовые колхозники. Сцена описания проводов героя в армию так или иначе сливается с традиционным удмуртским обрядом проводов в армию («армие келян»). Особо это проявляется в использовании писателем слов и выражений, конструкций и оборотов народно-разговорной речи. Слова народно-разговорной речи чаще включаются в структуру авторского повествования. Использование разговорных конструкций в авторской речи и речи героев повышает художественную выразительность текста. Все это – хороший материал для социальной, бытовой, национальной характеристики героя.

Для повести характерно смешение разных речевых пластов: разговорного, книжного, публицистического. Сближение публицистических языковых форм с живой народной речью во многом определило то, что Г. Ходыреву удалось просто и непринужденно передать драматизм эпохи, вызвать соответствующий читательский эффект: «Провожая младшего брата, поехал и Алексей. С Зуринского военкомата в тот день на станцию Кез отправилось тридцать три призывника...» [226, с. 34]. Свободное и смелое обращение Г. Ходырева к речевым структурам народной речи способствовало обогащению языка удмуртской документалистики, демократизации языка удмуртской детской прозы в целом.

Используя прием «портретирования» как принцип изображения образа героя, автор делает установку на воссоздание характера человека. В процессе

познания характера героя автор стремился показать истоки характера, взаимоотношения личности с окружающими, связи характера человека и судьбы. Этим определены и основные композиционные элементы повести. Внутреннее изменение героя раскрывают страницы повести, посвященные военной службе героя. Заложенное в герое стремление к познанию нового, желание постоянно развивать в себе новые качества и умения особенно сильно проявились в годы службы в Красной Армии, на войне. Спиридону нужно было хорошо научиться изъясняться по-русски, наверстать упущенное из-за неоконченного школьного обучения, овладеть навыками профессионального военного мастерства. Поначалу это был забитый, стеснительный удмуртский парень, вскоре он стал комсомольцем, участвовал в постановке концертов, учился на политзанятиях, мечтал вернуться в родные края и строить новую жизнь.

Следует особо отметить, что автор делает акцент на изначально, данных «в крови», свойствах личности Стрелкова, идущих по наследству от родителей, предков. Это – с одной стороны. С другой – подчеркивается социальный фактор, указывающий на то, что новая жизнь дала возможность деревенскому парню выйти в большую жизнь. Образ Стрелкова строится на своеобразном контрасте: внешняя неприметность и огромная внутренняя сила, обыкновенность и героическая судьба. В повести «Солдат Спиридон Стрелков» одной из наиболее значимых приемов документальности является использование газетного материала военных лет. Г. Ходырев изучал публикации о героях своих книг, печатавшиеся в газетах, издаваемых на фронте. «В дивизионной газете “В поход” была напечатана статья парторга третьей стрелковой роты Осипова, посвященная молодому удмуртскому солдату Стрелкову. Называлась она “С врагом с глазу на глаз”» [226, с. 51].

Для Г. Ходырева характерен строгий отбор жизненного материала, хотя порой автор увлекается излишне подробным описанием событий фактографического порядка. Но главное – стремление писателя воссоздать истоки победы. Центральная мысль повести – победа Красной Армии основана на превосходстве морально-нравственных принципов советского солдата над

физически и технически превышающей ее силой врага. Работа писателя с источниками позволяет воспроизвести точные даты сражений, описать реальные картины боевых действий и подлинных мест прохождения фронтовых линий. Спиридон Михайлович Стрелков награжден двумя медалями «За отвагу», а 18 июля 1944 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Сила характера Стрелкова, его человеческая красота раскрываются в финальных эпизодах повести, в которых рассказывается о выполнении боевого задания. Командир стрелкового батальона боепитания Спиридон Стрелков вместе со своими подчиненными бойцами под шквальным огнем немцев обеспечили боевыми снарядами наступление советских войск, находящихся на другом берегу реки Одер. За полтора месяца до Великой Победы на западном берегу Одера погиб удмуртский парень во имя спасения человечества от фашизма. С большой выразительной силой написана речь боевого товарища Стрелкова – старшины Ивана Соловьева, раскрывающая душевную силу советского народа: «Среди нас больше нет Спиридона Стрелкова, нашего командира, хорошего и надежного товарища. Мы познакомились с ним во время службы на Дальнем Востоке, подружился как братья. Вместе и на фронт ушли. Мечтали также вместе вернуться с победой... Дойдем до Берлина, товарищ командир, отомстим за тебя фашистам. Мы тебя никогда не забудем. Спи спокойно, наш боевой товарищ, Спиридон Стрелков. Мы уходим вперед. Мы – победим!» [226, с. 71–72].

Повесть Г. Ходырева не потеряла своей актуальности и в наше время. Гуманистическое начало произведения, его опора на достоверные факты, правдивое изображение фронтовой жизни делает произведение одним из ярких напоминаний о войне тем, кто забывает ее уроки. Примечательно, что после выхода в свет книги Г. Ходырева «Солдат Спиридон Стрелков» многие школьные пионерские отряды Удмуртии с честью носили его имя.

По-прежнему привлекают юных читателей рассказы Г. Ходырева, вошедшие в книгу «Кытчы лобо пилемъёс» («Куда плывут облака»). Эта книга составлена из рассказов, написанных автором в разные годы, большинство из рассказов – результат познания автором интересных событий из прошлой жизни

народа. В течение многих лет Г. Ходырев серьезно изучал страницы национальной истории. В книге «Кытчы лобо пилемъёс» в сжатой и доходчивой форме писатель рассказывает детям о достойных внимания событиях прошлых лет, о людях, которые явились участниками исторического процесса. Открывается сборник рассказом «Выль урамын» («На новой улице»). В рецензии на эту книгу Л. Долганова обратила внимание именно на этот рассказ: «Автор показывает освобождение города Ижевска и удмуртской земли от белогвардейцев в годы гражданской войны под руководством командира дивизии В. М. Азина. Благодаря рассказу, мы узнаем, почему одна из улиц города Ижевска носит имя этого героя» [45, с. 47].

Главный герой рассказа Славик еще совсем маленький, поэтому ребята, которые его взрослее, не хотят брать мальчика в свою компанию. Но их мнение резко меняется, когда они узнали, что Слава самостоятельно «докопался» до истории названия улицы, на которой они все живут. Слава знает, что «на том пригорке сам Азин стоял, и потом город от белых освободил» [228, с. 6].

В некоторых отношениях часть рассказов, вошедших в эту книгу, можно назвать автобиографическими, писателем услышаны «истории» в детстве от взрослых людей. В изображении событий и образов детей автор использует прием стилизации фактического материала. Стоит заметить, что для широкого читателя исторические факты рассказов в своей подлинности в годы их написания были еще «закрыты». Видимо, этим объясняется ощущение некоторой недосказанности рассказов «Олёш» («Алеша»), «Кытчы лобо пилемъёс» («Куда плывут облака»). Скорее всего, по воспоминаниям отца или деда написан рассказ «Горд кизилиен изы» (Шапка с красной звездочкой). Рассказ построен на материале жизни удмуртской деревни 1920-х годов. События тех лет, связанные со строительством новой жизни, в рассказе овеяны романтикой. Рассказ лиричен и эпичен одновременно. Г. Ходыреву удалось воссоздать образ движущегося потока времени, раскрывающего процесс формирования характера ребенка, его взросление, мужание. «Горд кизилиен изы» написан от имени дошкольника

Максимки, мечтающего получить обещанный подарок от Коля агая* – красноармейскую будёновку. Описывая жизнь деревенского мальчишки в обстоятельствах четко очерченного реального времени, писатель создает проекцию в будущее ребенка. В финале мечты героя-рассказчика корректируются. Коля агая вновь призывают на военную службу, а первоклассник Максим оставленную ему агаем буденовку возвращает подрастающему малышу Валентину, сыну Коля агая как память об отце. Проекция рассказа в «завтра» – растут сыновья, достойные наследники отцов и дедов, продолжатели их дел. И сам автор вместе со своими читателями чувствуют лично себя продолжателем заветов отцов, дедов и прадедов, продолжателем их главного дела – защиты свободы народа. «На следующую осень я пошел в первый класс. Буденовку я Валентину, сыну Коля агая, вернул. Мне шапка с красной звездочкой была очень дорога. Но Валентину она ведь еще дороже: это вещественная память отца» [228, с. 23].

Эпоха гражданской войны, события тех лет в современной литературе получают иную оценку, чем в произведениях советских писателей. Исследователь карельской детской литературы Е. Маркова пишет: «Начиная с эпохи “перестройки” и чуть ли не все 1990-е каждый год стоил десяти. Не только нарастали одно за другим серьезные события, но и менялись оценки, происходило переосмысление прошлого. Многократно писали, что в 1930-е годы в кулацкое сословие были записаны крестьяне-середняки и даже бедняки, за что безвинно пострадали и погибали тысячами. Изменилось отношение к самому кулаку, к помещику. Однако история отдельно взятой деревни, отдельно взятой семьи далеко не всегда укладывается в привычную или новую схему описания. Она всегда конкретна. <...> ...социальное расслоение в деревне было фактом. На пустом месте революции и гражданские войны не случаются» [96, с. 238].

Другой рассказ «Песятайлэн ошмесэз» («Дедушкин родник») является лучшим в книге «Кытчы лобо пилемъёс». Не случайно он вошел в антологию удмуртского детского рассказа, которая была издана в 1981 году в московском

* *агай* – старший брат или дядя.

издательстве «Детская литература». По заглавию ходыревского рассказа была названа сама книга «Дедушкин родник» [206]. В нее вошли рассказы удмуртских писателей, ставшие классикой детской национальной литературы: А. Клабукова, Кедр Митрея, Г. Красиљникова, Р. Валишина, П. Чернова, Г. Ходырева, Е. Загребина, В. Ванюшева и др.

Рассказ «Песятайлэн ошмесэз» – произведение большой душевной силы, тонкого психологического рисунка, хотя в основе рассказа случай из повседневной жизни. Некогда один юноша набрел в лесу на заброшенный родник. Парень очистил источник, построил над ним бревенчатый сруб. Люди узнали о роднике и стали приходить сюда за свежей прохладной водой. Прошло много лет, парень женился, вырастил детей, стал дедушкой. После его смерти до сих пор люди дорожат родником и называют его «дедушкин родник». Родник стал носителем памяти о хорошем человеке, его благородных земных делах. Автор переживает эту рассказываемую в народе историю как слитность отдельной человеческой жизни с судьбой народа, как чувство сопричастности к великому понятию, имя которому – Родина, народ. Рассказ учит добру, прививает детям любовь к своему дому, земле, преподносит познавательные и воспитательные уроки.

Документальной в своей основе является и следующая прозаическая книга Г. Ходырева «Ѕеч визь-кенеш котьку дуно» («Добрый совет всегда дорог»), написанная в жанре воспоминаний, часть из которых представляют собой рассказы-этюды. Произведения, вошедшие в книгу, малы по объему, при всей их содержательной емкости. Облик каждого из героев резко очерчен, выразителен. Хотя автор обозначает свою книгу как «тодэ ваёньёс» («воспоминания о прошлом»), дать жанровое определение произведениям, составившим ее, очень сложно. Реальность, подлинные источники на этот раз получили у Г. Ходырева достаточно сильную художественную «обработку». Факт «претерпевает необходимую трансформацию, отраженный не информационно, а художественно» [135, с. 9].

Пожалуй, по отношению к зрелой художественно-документальной прозе Г. Ходырева можно говорить о развитии его писательского мастерства в сторону

большей художественности описаний. Прошлое воссоздается весьма своеобразно, исторический герой предстает в своей неповторимости. Автор не просто повествователь, он создает художественный мир, в котором реальность и ее художественная интерпретация – равнозначны. Вероятнее всего, произведения из книги «Љеч визь-кенеш котьку дуно» можно отнести к такой жанровой разновидности мемуаристики, как литературный портрет.

Действительно, героем литературного портрета нередко становится человек, известный в сфере искусства, культуры, литературы. В литературоведении выделяются две модификации жанра литературного портрета – мемуарный и биографический. В мемуарных портретах фактографическая база «проступает в воспоминаниях автора как близкого лица, современника героя» [135, с. 45]. С этой точки зрения книга Г. Ходырева «Љеч визь-кенеш котьку дуно» ближе к литературным мемуарам.

Поэт и литературовед А. Уваров непосредственно после смерти своего земляка Г. Ходырева писал: «В этой книге автор наглядно и живо описывает пути развития удмуртской литературы через изображение портретов наиболее значимых писателей, литераторов. Их лица на всю жизнь остаются в памяти читателя» [146]. Однако жанр литературного портрета не исключает воспоминаний о людях не писательских профессий. Автор может обратиться к любому близкому для него человеку и написать его документально-художественный портрет. В этом плане примечателен литературный портрет военного журналиста, майора, кавалера двух орденов Красного Знамени Валерия Васильевича Глезденева, погибшего в одном из афганских боев. Речь идет о произведении «Кизили уг кысы» («Звезда не гаснет»), очень точно запечатлевшем атмосферу 1980-х годов. В самом начале «портрета» от лица автора умело переданы реалии времени, когда, с одной стороны, события афганской войны высвечивают социально-политическую жизнь страны восьмидесятых, с другой – характерные для советской писательской организации тех лет тесные взаимосвязи литераторов разных республик. «Родившийся и выросший на удмуртской земле журналист В. И. Тюриков, теперь живущий

в Ташкенте, военный писатель, литературный консультант Союза писателей Узбекистана Владислав Стуловский и я идем к могиле Валерия» [235, с. 132].

Ценны и интересны размышления автора о героической цельности характера Глезденева. Будучи еще мальчишкой-юнкром районной газеты «Алнаш колхозник», Валерий мечтал стать военным журналистом. Нелегко дался сельскому парню выбранный путь: Львовское высшее военно-политическое училище, служба на Дальнем Востоке, Московская военно-политическая академия им. В. И. Ленина, работа в редакции окружной военной газеты «Фрунзевец» в г. Ташкенте. Успехи и достижения Валерия Глезденева – умение сконцентрироваться на главном деле жизни. Автору литературного портрета Глезденева удалось показать невидный, неэффективный внешне, но до предела самоотверженный, ответственный труд военного корреспондента. В произведении особо выявлена такая черта характера героя, как надежность. Сослуживцы погибшего майора говорят, что всегда можно было положиться на его честность, выносливость, бескорыстие, порядочность.

«Кизили уг кысы» – это не только воспоминание о достойном и мужественном человеке, но и обращение-напоминание к читателю. «Что сделали мы сами, чтобы оставить подвиг В. Глезденева навсегда в памяти народа?» [235, с. 143].

Провести четкую границу между разными жанрами литературной мемуаристики нельзя (биография, дневник, письмо, записки, путешествие, очерк, портрет и т. д.). Как писали выше, ученые выделяют две модификации литературного портрета – мемуарную и биографическую. В действительности, мемуарная и биографическая разновидности литературного портрета объединяют и дополняют друг друга, что расширяет и углубляет как информационное поле произведения, так и его содержание, проблематику. В такой манере написана большая часть «портретов» книги «Эч визь-кенеш котьку дуно», посвященных удмуртским писателям-классикам, оказавшим творческое и личностное влияние на Г. Ходырева. Литературные мемуары Г. Ходырева включают в себя целую портретную галерею удмуртских писателей XX века. Это портреты Ф. Кедрова (1909–1944) «Тйледыз яратэм мылкыдме кылбурын но потэ вераме» («Свою

любовь к Вам я выражаю в поэтической строке»), И. Гаврилова (1912–1973) «Лыктэ, лыктэ отрядэ» («Приходите, приходите в отряд»), М. Покчи-Петрова (1930–1959) «Умой мыным эшъёс пöлын» («Хорошо мне среди друзей»), Т. Шмакова (1910–1974) «Нылпиослэн эшсы» («Друг детей»), А. Лужанина (1912–1966) «Со кырзэз улонзэ» («Он воспевал жизнь»), Л. Г. Векшиной (1898–1973) «Жуткам жöккышет кадь» («Словно самотканая скатерть»), Г. Красильникова (1928–1975) «Калык выжыысь потйз» («Вышел из недр народа»), М. Лямина (1906–1978) «Выныныз кадь кенешиз» («Советы давал как младшему брату») и др.

По сути, в книге «Зеч визь-кенеш котьку дуно» Г. Ходыревым описан собственный путь в профессиональную литературу. Автор вспоминает свои встречи с известными удмуртскими и русскими писателями в разные периоды жизни, говорит о том, как тот или иной художник оказал воздействие на формирование его литературных вкусов и пристрастий. Он искренне благодарит всех героев книги за то, что они многому его научили, были внимательны к нему, начинающему литератору. Каждый из текстов воссоздает живой портрет удмуртского писателя, раскрываемый автором посредством описания личных встреч, первого знакомства с произведениями героя «портрета», совместной с ним работы и т. д. В литературных портретах Г. Ходырева, как правило, факт реальной биографии изображаемого писателя «переплавляется» описанием очень личного отношения к нему автора. Именно это и воздействует на душу ребенка (предположительный адресат этой книги – дети среднего школьного возраста). В некоторых воспоминаниях приведены отрывки из писем или разговоров, касающиеся разборов стихотворений юного Ходырева.

Важно заметить, что Г. Ходырев, создавая образ героя-литератора, стремится раскрыть его, прежде всего, как детского писателя. То есть отметить ту грань творчества большого удмуртского писателя, которая связана с литературой для детей. Своеобразие книги «Зеч визь-кенеш котьку дуно» обусловлено тем, что здесь объектом изображения становится внутренний мир автора-ребенка, впервые открывающего для себя технику литературного письма. Автор-ребенок открывает

для себя разные грани лирики для детей удмуртских писателей. К примеру, особенности построения детских стихов революционера-романтика Д. А. Майорова (1889–1923), поэта-просветителя Ф. Александрова (1907–1942), своеобразие гражданской лирики Филиппа Кедрова (1909–1944), детское творчество великого удмуртского драматурга И. Гаврилова (1912–1973) и многих других.

Включение в сюжет реального человека, конкретных событий и фактов из его жизни не исключают у Г. Ходырева живой образности. Воспоминания базируются на движении мысли автора. Авторская мысль свободно движется в различных временных пластах, особенно – в «пространствах» прошлой жизни. Такая «непоследовательность» воспоминаний в конечном счете крепится цельностью авторского изображения, т. е. личности воссоздаваемого героя. При этом Г. Ходырев не просто описывает события и создает биографию известного в республике человека, но формирует художественный образ истории национальной литературы. Сцены и эпизоды, воспроизведенные Г. Ходыревым из жизни писателей, становятся для читателя хорошим уроком, формируют в нем патриотические чувства, развивают любовь к истории родной культуры.

Интересны воспоминания на страницах журнала «Молот» самого Г. Ходырева о рождении этой книги: «Все идеи, задумки, опыт, накопленный годами, уже не вмещались в стихотворную форму. Поэтому начал писать рассказы, выпустил книги воспоминаний. Еще в годы работы в редакции газеты “Будь готов!” я делился своими воспоминаниями об известных удмуртских писателях на страницах этой газеты. Потом смотрю и прикидываю – да ведь материал собрался, что можно книгу выпустить!» [169, с. 12].

В книге столь многогранно раскрывается писательская работа во всех ее сложных и неожиданных проявлениях, что в ней можно найти ответы на многие вопросы, волнующие ребенка или подростка, занимающегося литературным творчеством. Г. Ходырев стремится, прежде всего, помочь литературно одаренному ребенку познать самого себя. На страницах многих портретов-воспоминаний автор честно и открыто на склоне лет размышляет о том, как и

почему он стал именно детским писателем. Живая память собственного детства, юношества подсказала писателю выбор материала: о чем думает каждый начинающий литератор, форма, которая его увлекает и др. Таким образом, писатель подарил нам авторскую, весьма своеобразную библиотеку для юношества, воссоздающую историю удмуртской детской литературы в писательских «лицах и судьбах».

Проследить идейно-художественные особенности книги «Ѕеч визь-кенеш котьку дуно» можно на примере рассказа-воспоминания «Син азез паськытатэ» («Расширяет кругозор»). В рассказе речь идет об участии классика удмуртской литературы М. Петрова в творческом становлении Г. Ходырева. Большое внимание уделено особенностям переводческой работы. Мастер предложил начинающему поэту переводческую практику: «Работа над переводом обогатит твой словарный запас, научит разнообразным художественным приемам. Несколько позже я понял, что дело это очень хорошо способствует росту писательского мастерства» [235, с. 40]. Главной идеей творческой деятельности М. Петрова была борьба за высокий уровень национальной культуры. М. Петрову было чуждо прямое литературное учительство, в том смысле, чтобы ставить собственный творческий опыт в какой-нибудь профессиональный педагогический пример. Одним из «секретов» литературного мастерства М. Петров считал усвоение уроков русской и мировой литературы, удмуртским писателям советовал чаще обращаться к великим образцам подлинных художников слова. Герман Ходырев очень верно замечает, что «через Петрова» в литературу пришли многие удмуртские писатели. Благодаря М. Петрову по-новому открыл самого себя и Г. Ходырев, мастер побудил его к искренности, чувствованию драматизма мира, за изображение которого любой детский писатель должен нести особую ответственность.

В рассказе отмечено, что советы М. Петрова исходят из собственного опыта писателя. М. Петров перевел на удмуртский язык первую книгу романа М. Шолохова «Поднятая целина», армянский эпос «Давид Сасунский», поэму «Василий Теркин» А. Твардовского, произведения Т. Шевченко и многое другое.

Рассказ показывает, что чем больше погружался автор в творческую лабораторию М. Петрова, тем глубже открывался ему диапазон литературной деятельности знаменитого писателя. Г. Ходырев вспоминает, что именно от М. Петрова передалось ему желание переводить на удмуртский язык детские книги писателей разных национальностей. Как было уже отмечено, в начале переводческой деятельности Г. Ходырев обращался к творчеству П. Воронько и Д. Гулия. Значительно позже в переводах Г. Ходырева на удмуртском языке появляются произведения для детей Ю. Шесталова, Ю. Рыхэу, И. Курлата, И. Мазнина, Г. Ладонщикова.

Примечательно, что в рассказе «Синазез паськытатэ» Г. Ходырев раскрывает эволюцию собственного пути в переводческой сфере. На примере сохранившихся черновиков и опубликованных вариантов стихов, Г. Ходырев откровенно делится с юным читателем тем, насколько полезным для него оказался перевод с другого языка. Глядя на свои первые литературные опыты из сегодня, автор советует юным читателям не бояться, пробовать свои силы в переводе. А самое важное, по мысли Г. Ходырева, перевод – это еще и школа самовоспитания. Следует особо отметить, что Г. Ходырев относится к своему читателю не как мэтр, но как равный товарищ по перу. Особенности творческой манеры Г. Ходырева и его личностные качества верно заметил современный писатель О. Четкарев: «Детские писатели – необычные люди. Они никогда не забывают о поре своего детства. Оно живет в их сердце и в пожилом возрасте. И потому детские писатели, на каком языке бы ни писали, дружат между собой, переводят друг друга» [184, с. 6].

К сожалению, профессиональные литературоведы и критики практически не обратили внимания на значимую для развития удмуртской детской литературы книгу Г. Ходырева «Ѕеч визь-кенеш котьку дуно». Однако заинтересованное отношение к ней было проявлено со стороны собратьев по перу. Поэт и прозаик, сотрудник журнала для удмуртских детей «Кизили» А. Ельцов пишет, что «в каждом очерке воссозданы портреты истинных звезд нашей республики. В книгу вошло около пятидесяти имен писателей и журналистов, композиторов и

артистов. Г. Ходырев сделал очень хорошо, показав в одной книге многих известных удмуртских деятелей культуры» [48, с. 52]. У этой книги Г. Ходырева есть еще одно качество. Адресованная школьникам, она интересна и взрослому читателю, поскольку мир героев не ограничен чисто детским материалом.

В 1998 году, уже после смерти писателя, вышла другая книга ходыревских воспоминаний «Кызы меда лыктйды...». Книгу снова составили рассказы об известных в удмуртской и отечественной литературе и искусстве людях. Герои книги – Кузеданов Герд, Петр Чайковский, Георгий Векшин, Иосиф Наговицын, Николай Зубков, Геннадий Красильников, Кедр Митрей, Ашальчи Оки, Петр Кубашев, Николай Постников и др. Со многими людьми, которые стали героями этих художественно-документальных рассказов, Г. Ходырев был знаком лично, поэтому он сумел ярко и живо изобразить их образы. И хотя книга написана в художественно-публицистическом стиле, писатель стремится раскрыть мир своего героя изнутри, показывает его таким, каким видел и знал его сам и каким его может увидеть читатель-подросток.

Определить жанровую принадлежность произведений, вошедших в книгу «Кызы меда лыктйды...» также очень сложно. В немногих рецензиях, написанных на книгу, они названы документальными рассказами. Правомернее отнести эти произведения к мемуарным зарисовкам как жанровой разновидности мемуара-очерка. Для мемуарной зарисовки характерен ограниченный охват пространства и действительности, небольшая информационная насыщенность, обнаженное авторское начало. Все это свойственно для многих произведений книги, здесь практически все тексты «окрашены» чувствами, настроением, раздумьями автора. Объем мемуарных зарисовок колеблется от коротких зарисовок до развернутых очерков-воспоминаний. Некоторые из «зарисовок» можно объединить в циклы, например, те, в которых доминирует авторское понимание и оценка личности писателя.

В контексте сказанного уместно обратиться к рецензии современного журналиста Р. Игнатьевой-Лаптевой, которая верно пишет, что «в удмуртской литературе до сих пор не было книг для детей, написанных в художественно-

публицистическом жанре. <...> Она призвана стать серьезным вкладом в дело возрождения удмуртского самосознания» [69, с. 9]. Окружающий мир обрисован Г. Ходыревым через восприятие героев произведения, большинство из которых – дети. Образы Ашалчи Оки, Геннадия Красильникова, Кедре Митрея и др. раскрыты как высокий нравственный пример художника и человека. Из массы ситуаций, подробностей Г. Ходырев умеет выбирать те, которые дают повод для серьезных раздумий.

Особенно интересен рассказ «Мынам дуно музъеме» («Дорогая мне земля»), посвященный детским годам Петра Ильича Чайковского, проведенным в г. Воткинске. Это произведение, в сравнении с другими текстами, отличается большим объемом, нейтральностью авторской позиции, особенностями характеристики героя. Скорей всего, это произведение можно отнести к рассказу-биографии. Перед глазами читателя проходят живые, реалистические картины жизни маленького Пети в окружении его сестер и братьев, приемного в доме сироты-мальчика Вени, гувернантки-француженки Фанни Дюрбах, родителей. Ярко и трогательно воссозданы взаимоотношения Пети с удмуртом Семон агаем, работавшем в усадьбе Чайковских кучером и одновременно конюхом. Образ Семон агаи олицетворяет такие черты удмуртского народа, как музыкальность, песенность, мягкость, скромность. Связывает и объединяет Петю Чайковского с Семон агаем, прежде всего, любовь к народной музыке и песне, к природе. Один из лучших эпизодов рассказа – отъезд семьи Чайковских в сентябре 1848 года из города Воткинска, прощание с жителями города. «Постоянно вытирая повлажневшие глаза и не отводя взгляда от удаляющихся экипажей, Семон агаи остался стоять очень грустный... “До свидания, Петя, я тебя уже никогда не увижу... Не забывал бы ты меня, своего Семон агаи... Теперь без тебя я, наверное, умру от тоски по тебе”, – не в силах сдерживать дрожащие губы, про себя шептал удмуртский мужик» [247, с. 33].

Г. Ходырев строит повествование таким образом, что образ героя проступает у него преимущественно через время, обстановку. Вообще одна из сильных сторон его творчества – это умение сказать многое о человеке

посредством незначительных деталей и создать полноценный художественный образ. Возьмем, к примеру, рассказ-зарисовку «Гердлэн пуныез» («Собака Герда»). Собака Герда наречена необычным именем – Нерон. Герд, его племянники – пятилетний Юра и трехлетняя Роза – были всем сердцем привязаны к животному. Собака, сильно преданная своим хозяевам, одна из первых почуяла надвигающуюся беду. Нерона отдали в чужие руки, но пес все еще надеялся на встречу со своим любимым хозяином: «Кто знает, может быть, пес подумал: этот человек обязательно приведет его к хозяину. Он найдет хозяина, найдет! Ибо на всем белом свете нет такого сердечного человека, как его хозяин» [247, с. 10]. Напомним, в произведении речь идет о репрессированном удмуртском поэте-классике Кузьме Павловиче Чайникове, вошедшем в историю удмуртской литературы под псевдонимом Кузедбай Герд.

Знаменитых героев Ходырева из книги «Кызы меда лыктйды...», как писали выше, «оживляет» авторский прием. Известный факт из жизни исторического героя автор пропускает сквозь взгляды персонажей, которые могут быть реальными людьми или вымышленными. Например, в рассказе-зарисовке «Кызы меда лыктйды...» о встрече со знаменитым поэтом-классиком Кузедбаем Гердом вспоминает баба Настя. Она была в числе участников совещания работников первых «детских площадок» в г. Сарапуле. Произведение «прикреплено» к конкретному событию из жизни конкретного человека. Хотя в произведении мало вымысла, тексту свойственна известная доля обобщенности, воплотившаяся, к примеру, в наказах Герда. «Прощаясь с нами, Чайников – Кузедбай Герд – наказал записывать народные песни. Пусть, говорит, подрастающее поколение детей хорошо знает родной фольклор» [247, с. 39].

Прозаическое творчество Г. Ходырева положило начало новым поискам современной удмуртской детской литературы. Так, новые качества «невывымышленной» удмуртской прозы наглядно проявляются в рассказе «Горд атас кадъ горд валэ...» («Мой красный конь, словно красный петух...»), получившем название первой строки народной песни. В рассказе «Горд атас кадъ горд валэ...», сочетающем в себе черты документального очерка, мемуаристики,

литературного портрета, воссоздано несколько эпизодов-фактов из подросткового периода жизни известного удмуртского прозаика Геннадия Красильникова. Юношеский «срез» жизни будущего писателя воссоздан по воспоминаниям Г. Красильникова, некогда услышанным автором, отсюда правдивость материала, полученного из «первых рук». Читатель впервые открывает для себя драматические страницы биографии Г. Красильникова, относящиеся к 1944–1952 годам. Герой ходыревского рассказа, оказывается, уходил «в люди». За то, что семья Красильниковых была раскулачена, выпускнику средней школы Геннадию Красильникову не дали «золотую» медаль. «Все учителя и друзья Геннадия прекрасно знали: юноша заканчивает школу с золотой медалью. Но директор резко сказал: “Сыну кулака золотая медаль не полагается!” Геннадий Красильников получил только Похвальную грамоту» [247, с. 94].

Не оказался Г. Красильников и в списке зачисленных студентов удмуртской национальной студии, которая была направлена в 1946 году от республики в Ленинградский театральный институт по целевой программе подготовки национальных кадров. «А тот, который набирал группу из Удмуртии, отправил своего родственника» [247, с. 97].

Отец писателя, отличавшийся удивительной смекалкой, желал видеть сына инженером. Подчиняясь воле отца, одаренный юноша без особого труда поступил в Ленинградский политехнический институт, но ему очень скоро пришлось расстаться со студенческой жизнью по состоянию здоровья. Юноша вернулся домой. Последовало суровое отцовское заключение: «Не приспособленного к труду человека и видеть не хочу. Иди куда глаза глядят и уши слышат! Вот тебе весь мой добрый совет! “Хорошо, – тихо сказал Геннадий, – тогда я пойду искать свою дорогу. Где-нибудь я ее, возможно, найду, и пойду по ней”» [247, с. 99].

Рассказ как бы «доносится» до читателя из двух мест – воочию ощущается время, которое описывается, и дни, из которых автор смотрит на прошлое. То есть, в произведении одновременно показаны внутреннее мужание молодого героя и характер движения эпохи. Здесь хорошо раскрывается одно из свойств дарования прозаика Г. Ходырева – движение к аналитическому психологизму.

Отсюда индивидуальный, ярко выраженный характер героя, хорошо отражающий и среду, и время. Каждое препятствие, каждая трудность заставляют героя познавать новое, думать, действовать. Будущий писатель в юности выбрал из современной ему действительности то, что дало ему впоследствии материал для художественно-философских построений, для размышлений об особенностях человеческой натуры. В частности, в романе «Начало года» впервые в удмуртской литературе поставлены нравственно-философские вопросы, жизнь современника осмыслена сквозь призму вечных духовных ценностей. Само название романа отражает не только временную категорию, но особое состояние человеческой личности.

Рассказ «Горд атас кадь горд валэ...» знакомит современного читателя с нравственными принципами подростков военных и послевоенных лет, помогающими им выжить и выстоять в трагическую эпоху. Окрепнуть духом детям и подросткам военных и послевоенных лет помогали жажда жизни, тяга к знаниям, трудолюбие. Г. Ходырев сумел психологически убедительно показать, каким образом в самом отдаленном уголке России формируется самобытный национальный талант как достаточно типичное явление. Автору удалось воссоздать присущую Г. Красильникову интуицию относительно главной своей жизненной дороги – писательства. В рассказе также очень тонко переданы ощущения отца, уверенного в силе воли Геннадия, несмотря на конфликты в их взаимоотношениях. Вера отца в то, что сын выйдет из безвестности на широкую дорогу жизни, сбылась. «17 июня 1988 года в Октябрьском зале Дома Союзов в Москве прошел большой литературный вечер, посвященный 60-летию Геннадия Дмитриевича Красильникова. Вел этот вечер Герой Социалистического труда, председатель правления Союза писателей РСФСР Сергей Владимирович Михалков. "Геннадий Красильников, – сказал он, – классик советской литературы". Сбылась мечта Митрей агая!» [247, с. 103–104].

К семидесятилетию юбилею Г. Ходырева вышла книга «Кыдёкын-а инвис?» («Далеко ли горизонт?»). Сборник составили четыре повести для детей: «Кылйськод на меда?» («Слышишь ли еще?»), «Чигымтэ чидан» («Несломленное

терпение»), «Песятайлэн кизилиеэ» («Дедушкина звезда»), «Кыдёкын-а инвис?» («Что там, за горизонтом?»)). Для всех четырех повестей характерна автобиографичность. Надо сказать, что автобиографичность книг о крестьянском детстве, рассказывающая о значении полученной в детстве закалки – распространенная черта советской «деревенской» прозы. Однако сюжеты и материал этих произведений несводимы лишь к «простому» воспоминанию о давнем деревенском детстве. Каждый писатель по-своему, индивидуально раздумывает над своей народной наследственностью.

О пробуждении памяти как осознания своей личной родословной пишет Г. Ходырев в повести «Песятайлэн кизилиеэ». В небольшой повести рассказывается о том, как школьник Яша в далеком Харькове находит могилу своего деда, пропавшего без вести на войне. В процессе поиска мальчик переживает и чувство истории, и чувство большой и малой Родины. Повесть «Песятайлэн кизилиеэ» дидактичен. Но, следует отметить, поучение здесь естественно, поскольку оно правдиво, возникает из переживаний и открытий юного героя, встреч с интересными людьми.

Немало автобиографического и в повести «Чигымтэ чидан», построенной в форме переписки двух мальчиков – Максима и Ивана. Главное в повести – осознание подростками своих корней. Жанр письма позволяет автору воссоздать нечто неуловимое, неосязаемое, потайное, что начинает связывать человека с родной землей. Шестиклассник Максим категорически отказывается уезжать из родной деревни вместе с родителями, которых в связи с укреплением района переводят на другую работу. Драматический подтекст очередных крестьянских реформ звучит в повести, к сожалению, слабовато, но мысль писателя понятна: необходимо сохранить духовные контакты прошлого, настоящего и будущего. «Когда был район, в клубе разные вечера, концерты проходили. Теперь ничего этого нет. И в редакции сколько профессиональных работников было! Теперь кто куда разъехались. <...> Но когда-нибудь жизнь повернется в нашу сторону» [248, с. 116–117].

Жизнь ребенка дана Г. Ходыревым в связях с общей жизнью. О единстве жизни юного героя и социальной истории рассказывается в повести «Кыдёкын-а инвис?». В больнице Юрмак по-особенному остро начинает чувствовать ценность духовной среды, которую хранит дом его бабушки. Повести свойственна естественность авторского голоса, умелое оперирование временными категориями. Основная идея произведения – сближение прошлого и будущего через душу ребенка – связана с образом бабушки Лепок, ее образ вносит в повесть героико-патетические и пафосные интонации, заостряющие вопрос о величии истории, пройденной народом.

Составитель этого сборника, известная удмуртская поэтесса Л. Айтуганова, пишет: «В книгу вошли повести, адресованные подросткам... Создавая прозаические произведения, впрочем, как и в стихах, писатель заботится о своем читателе. Его герои показаны смелыми, открытыми, умными, порядочными людьми; преодолевая различные жизненные трудности, они не отказываются от своих надежд и мечтаний, постоянно тянутся к “горизонту”» [4, с. 271].

Для книги «Кыдёкын-а инвис» характерно усиление биографически конкретного, фактического материала за счет обобщающего вымысла, за счет проблемно-аналитической нагруженности персонажей, бытовых эпизодов. К примеру, повесть «Кыльськод на меда?», ставшая в удмуртской детско-юношеской литературе одним из первых автобиографических произведений, выполненных на хорошем художественном уровне. Это первая повесть, в которой наиболее ярко проявлен автобиографический опыт детского писателя. Ходыревская «биография», в которой одновременно «живут» взрослое и детское сознание, доносит до читателя изумительную свежесть детского восприятия. И, вместе с тем, любая мысль, чувство, любое движение маленького героя обосновано представлением автора о мире, о жизни.

Способ изображения в повести характеризуется своеобразным соотношением временных и идейно-эмоциональных точек зрения, обусловленным двумя голосами, ведущими повествование. Один из повествователей – ребенок, являющийся «голосом прошлого», другой – взрослый,

говорящий о прошлом с позиции настоящего, умудренного опытом человека. Условно их можно назвать – автобиографический герой-рассказчик и повествователь.

Автор, идя по следам своего военного детства, выбирает прямо-таки надрывающие душу переживания, непосильным бременем ложившиеся на плечи девяти-десятилетнего мальчика. Не пряча лица, писатель проходит по путям своей памяти, воскрешающей внутреннее состояние героя, когда без вести пропавший отец вдруг почему-то, кем-то «объявляется» сдавшимся в плен немцам. Внутреннее состояние мальчика особо подчеркивает сцена, описывающая высылку в Сибирь одной деревенской семьи вместе с малыми детьми за то, что, якобы, один из их сыновей сдался в плен фашистам.

В повести, воссоздающей трудные будни тыла, есть и светлые, и тяжелые моменты жизни. Самые теплые слова посвящены рано поблекшей от забот матери, судьба которой типична для вдов войны. Истоки мужества матери, стойкости ее характера комментирует авторский голос, идущий из взрослости и объясняющий то, чего еще не может разъяснить маленький герой. Из сегодняшнего дня герой-рассказчик, вспоминая свое военное тыловое детство, говорит не только о самоотверженном труде женщин, стариков и подростков, но и о духовной и душевной жизни сельчан. С большим интересом воспринимаются рассказы о том, что читали дети, пьесы каких авторов ставились ими на сценах колхозных клубов. Следует особо отметить, что повесть «Кылйськод на меда?» вживую восстанавливает картину духовной жизни деревни военных лет: детские концерты и спектакли, лекции и беседы, организуемые школьные учителями, выпуски стенгазет и др. Картина быта войны у Г. Ходырева не «информация», но прежде всего жизнь народного духа, повесть пронизана идеей духовного самосохранения народа. В конечном счете, произведение воспринимается не только как биография одного героя, но биография детства его поколения, которое война заставила жить и отвечать за все по-взрослому. Не случайно повесть предваряет авторское послание-обращение: «Посвящаю друзьям из деревни Писэйгурт Алнашского района, с которыми вместе росли» [248, с. 3].

В жанре детской повести писатель сумел сказать, что глубинный источник непобедимости страны – в неразрывности в сознании советских людей своего и общего, в тождестве личного и народного. Это повесть о неистребимом поколении детей, чьи проблемы оказались сродни со всем, чем живут, страдают, уходят на фронт, воюют, погибают взрослые люди. Эта мысль цементирует всю идейно-художественную структуру произведения.

Стоит обратить внимание на особенности ходыревской художественной информации, ориентированной на выделение определенной детали. Так, мрачные картины запустения «безмужицкой» деревни переданы посредством метафорических олицетворений, сравнений: «солнце лениво, нехотя освещает молодой снежный наст» [248, с. 3]; «Деревня Улынгурт пустеет так, как постепенно, день за днем, опустошается мешок, наполненный картошкой» [248, с. 7]; «здесь бурлила жизнь, а теперь – словно в зимнем лесу – тихо» [248, с. 5]; «словно падающие с деревьев желтые осенние листья, деревню Улынгурт засыпают похоронки, разрывающие сердце – трагические новости о гибели мужчин» [248, с. 7]. Автор сгущает краски, рисуя полярно противоположную картину недавней мирной деревенской жизни.

Кроме того, метафоры и разговорная лексика, народная манера словоупотребления содействуют созданию комической экспрессии. «Стойте! Зарубить вас живьем! У-ух, рожи поганые, смотреть на вас противно! Де-зер-ти-ры! Мой Поликарп где-то на чужой земле похоронен... А вы – клещи!» [248, с. 52]. Г. Ходырев использует традиционные народные приемы сцепления слов и новые авторские, помогающие дать комическую обрисовку тех или иных явлений. Комическое освещение определенных ситуаций действительности раскрывает неиссякаемую народную энергию, юмор, народный оптимизм. Обратимся к эпизоду задержания дезертиров. Хотя автор тут и сбивается на шаблон военных «мальчишеских» приключений, и написан этот отрывок повести достаточно неровно, материал использован достоверный. Пожилая деревенская женщина дает яркую и живописную характеристику дезертирам: «Гражданин милица, Длинная

Одок из Улынгурта изловила вот этих двух клещей. Побеседуйте, познакомьтесь с двумя жуликами, банными косоями» [248, с. 53].

В прозе Г. Ходырева есть ощущение плоти и воздуха времени: в языке эпохи, в человеческих отношениях, в характерах. Проза насыщена реальными событиями, фактами, поступками конкретных людей, наполнена исторической правдой «низовой» жизни. Все это создает особый колорит, делает ходыревские произведения действительно близкими и дорогими сердцу читателя. Нравственное средоточие художественной документалистики Г. Ходырева составляют авторские раздумья о времени, которое формировало людей такими, чтобы они смогли взять ответственность за себя, окружающих, за страну. Воспоминания, литературные портреты, зарисовки, рассказы, повести Г. Ходырева – это хорошая, «невыдуманная» проза и для современных детей, потому что в нее вложены душа, память, история народа.

§ 3.2. Литературно-критическая деятельность

В последние годы читатель все больше открывает для себя Г. Ходырева как автора серьезных, глубоких литературно-критических работ. В удмуртской филологии писательская критика, тем более критика детских писателей остается совершенно не изученной. Об этом не говорится в учебниках и в научных изданиях, проблемы писательской критики практически не затрагиваются в «Истории удмуртской литературы». Критические статьи Г. Ходырева отражают не только мысли и позицию отдельного художника, но и тенденции развития национальной детской литературы в целом. Именно как литературный критик определил он свое отношение к текущему литературному процессу, стремясь способствовать новым тенденциям в развитии удмуртской детской литературы.

Критические статьи Г. Ходырева разнообразны, противоречивы, разбросаны по различным республиканским и районным газетам и журналам, печатался он и в московском журнале «Детская литература». Он писал о своем творчестве, анализировал других, писал принципиальные рецензии, живо и страстно

откликался на литературно-общественные события, обращался к начинающим литераторам, ходыревские литературно-критические материалы свидетельствуют о его широком литературном кругозоре, о его стремлении постоянно изучать и осваивать опыт и литературы, и фольклора.

Удалось обнаружить статью Г. Ходырева «Нылпиослы удмурт литература сярысь» («Об удмуртской литературе для детей»), стоящую у истоков его литературно-критической деятельности. Эта статья была напечатана 3 декабря 1954 года в газете «Советской Удмуртия». Как и вся критика тех лет, Г. Ходырев уделяет повышенное внимание тематической злободневности удмуртских детских произведений, хвалит те книги, герои которых заняты полезным физическим трудом. Несмотря на доминирующий социологизированный подход к литературе, характерный для той эпохи, в статье Г. Ходырева есть ценные высказывания эстетического плана. К примеру, Г. Ходырев говорит о языковых особенностях детских стихотворений Т. Шмакова, С. Широбокова, актуализирует проблему художественного психологизма в национальной литературе для детей. Пожалуй, впервые в удмуртской критике Г. Ходырев ставит вопрос о необходимости разработки современных жанров, в частности, создания научно-популярных произведений для удмуртских детей. «Удмуртские писатели еще не написали для своих юных читателей произведения в таких жанрах как сатирические и юмористические. Детей не знакомят с событиями, которые произошли в нашей республике в годы гражданской войны, коллективизации, в годы пятилеток и в годы Великой Отечественной войны. В удмуртской литературе нет еще научно-художественных произведений. Если писатели не возьмутся за это дело, кто же расскажет обо всем этом детям?» [156].

Остаются остросовременными критические замечания Г. Ходырева в адрес удмуртской детской драматургии: «В последнее время никто не работает над созданием небольших школьных пьес для детей. Школьные драматические коллективы сегодня очень нуждаются в хороших удмуртских пьесах. Детская драматургия – самое отсталое звено в нашей литературе» [156].

Многие критические мысли Г. Ходырева «шестидесятых» пережили свое время, оказались классическими, по ним можно сверять современные оценки литературных явлений прошлых лет. Он смело и открыто сказал о том, что не хотели видеть и не могли еще видеть профессиональные критики тех лет. Вполне закономерно то, что, поскольку Г. Ходырев – писатель, а не ученый-литературовед, излагал он свои мысли не в форме аналитической статьи, а своеобразных деклараций, в которых ему удавалось нащупать изменения, происходящие в литературе «оттепели». Так, в рецензии на книгу В. Скобелева «Пичи мушкасьёс» («Мальчишки-пчеловоды») Г. Ходырев, ссылаясь на идеи Н. Добролюбова о том, что проблематика детского произведения должна быть выражена в системе художественных образов, оказывающих непосредственное эмоциональное воздействие на ребенка, актуализирует важность обращения удмуртских писателей к юмору. «Наконец, особое значение в рассказах для детей имеет юмор. Веселый, остроумный рассказ всегда будет прочтен или прослушан ребенком с увлечением. В. Скобелеву это еще не удастся. Наверняка выиграл бы, например, рассказ “Хвастливый Андрейка”, если б автор заставил читателя посмеяться над приключениями незадачливого зазнайки» [157].

Целый ряд острых, современных проблем выдвинул Г. Ходырев в статьях «Иначе не стоит писать» и «Будйсь пинальёслы – выль сямьёс» («Подрастающему поколению – новые заветы»), опубликованных в центральных республиканских газетах «Удмуртская правда» и «Советской Удмуртия». Г. Ходырева тревожит то, что многие удмуртские писатели продолжают ориентироваться на «подсказку свыше». Особо беспокоит Г. Ходырева сановнический подход к оценке литературного произведения со стороны критики. Казалось бы, Г. Ходырев дает простую череду броских замечаний, но в его декларациях хорошо ощутимы складывающиеся в удмуртском литературном процессе новые эстетические идеи. К примеру, анализируя работу семинара детских писателей, который проходил в г. Свердловске (Екатеринбург) в 1964 году, Г. Ходырев говорит, что ему были созвучны мысли манси поэта Ю. Шесталова и пермского писателя Л. Давыдычева: «Верно сказали. Все

хорошее нужно изображать ярко и живо, а у нас зачастую так не получается. Отжившее лучше получается, и начинает заслонять современное. Побольше книг для подростков научно-познавательного характера. <...> Другая важная проблема связана с тем, что оцениваются у нас детские произведения однобоко. Критики не стремятся отметить удачные стороны детской книги, как правило, находят лишь слабые стороны, перечеркивают все творчество автора. Мы не умеем уважать творчество другого автора, отличающееся от своего собственного» [161].

Г. Ходырев, размышляя над вопросами детского творчества и детского чтения, нередко писал и говорил о культуре детского писателя, о месте и роли критики в национальной литературной жизни. Согласно идеологии времени, он выступал за действенное начало в литературе, «запутывался» в вопросах творческого метода. Однако свои замечания, зачастую укоризненные, Г. Ходырев адресовал не только писателям-современникам, но с не меньшей категоричностью и себе, и своим единомышленникам: «Как мы, детские писатели, справляемся с теми задачами, которые так остро поставлены перед нами? Слабо. Во-первых, тематика наших произведений однообразна. Все детские авторы, в том числе и я, пишут только о сельских ребятах, о том, что они делают во все времена года, о рыбалке и об играх. <...> А сколько у них (детей – Ю. Р.) замечательных дел! Я приведу только один пример. Глазовские пионеры собрали и сдали стране много металлолома. Брянские машиностроители изготовили тепловоз “Глазовский пионерский”. Разве этот факт не достоин того, чтобы о нем писать? А мы о нем умолчали. Из поля зрения выпала и такая большая тема, как дружба удмуртских детей с детьми других национальностей. Темы, не нашедшие отражения в литературе, можно перечислять еще и еще. В конце концов, писатель, пишущий для детей, должен всегда помнить об одном: его книжка должна быть проникнута новизной тематики, образов, содержания. Пусть эта книжка выдержит время. Иначе не стоит и писать» [158].

Г. Ходырев говорил о прямой связи нравственного, интеллектуального, эстетического развития ребенка с получаемой им «книжной пищей». Конечно, при этом он ожидал от детского произведения «четких моральных принципов и

идеалов». Но, ратуя за отчетливость нравственной тенденции в художественном творчестве, он был далек от однозначной, «плоской» назидательности. Отрадно, что, прослеживая книжные новинки, Г. Ходырев верно подмечает общественную перспективу удмуртской детской литературы. В статье «Куаразы юнма: куинь егит поэтьёс сярись» («Их голоса крепнут: о трех молодых поэтах») дана рецензия на стихи трех начинающих авторов – В. Бубякина, К. Ломагина, А. Уварова. В отзыве рецензент пытается дать обстоятельный анализ только вступающим в литературу поэтам, их творческим индивидуальностям. В частности, отмечая самобытность народного слова А. Уварова, предсказывает дальнейшее развитие его таланта, основанного на колоритном народном слове. (Прогнозы Г. Ходырева относительно творчества А. Уварова – оправдались, его басни стали классикой удмуртской поэзии.) Подчеркивая отличительные черты детских стихов трех названных выше начинающих поэтов, Г. Ходырев пишет, что объединяющим началом их поэзии является любовь к человеку-творцу: «Хорошее в творчестве этих поэтов в том, что они от всей души прославляют трудового Человека» [160]. В статье важен акцент, сделанный Г. Ходыревым на силе поэтического обобщения черт крестьянской психологии в стихах молодых поэтов. Это один важный момент. Другой – в призыве Г. Ходырева искать новые литературные формы, создавать достойную публицистическую поэзию для детей.

Г. Ходырев был одним из немногих, кто решился высказывать замечания признанным, авторитетным писателям. Согласно предписаниям эпохи, Г. Ходырев требовал от детского автора гражданской позиции, и одновременно с этим убеждал в необходимости искусства слова. Бесстрашие и определенное дерзновение проявил Г. Ходырев в статье «Две книжки – два впечатления». Впечатления высказаны им по поводу сборников А. Вотякова «Ойдолэ бакчае» («Пойдемте в огород») и Ф. Васильева «Ми ваньмы тыршиськомы» («Мы все стараемся»). Одним из недостатков детского творчества А. Вотякова он считает пренебрежение рифмой, поскольку «детям нравятся стихи со звучными рифмами, благодаря чему они быстро запоминают их. Думается, что поэт в новых книгах сумеет избежать этого недостатка» [159].

По мнению Г. Ходырева, то, что Ф. Васильев, пишущий для взрослых, «выступил в новом для него жанре, заслуживает похвалы. Это – стихи для дошкольников. Их тематика близка малышам. Автор рассказывает о маленьком Коле, который мечтает стать строителем, о детях, которые учатся трудолюбию. Но стихи Васильева, к сожалению, чрезмерно назидательны. Зачастую поэты, пишущие для детей, бывают погрешны в том, что они забывают о возрасте читателей. В их стихах не юный герой говорит, а взрослый рассказывает о детях. Такое впечатление создается и при чтении некоторых стихов из сборника Васильева. Возьмем стихотворение “Коля строит дом”. Читаешь это восьмистишие и чувствуешь, что в нем совершенно не передано настроение и характер ребенка. Оно от начала до конца описательно. Страдают описательностью и стихи “Мы работаем с отцом”. Явно сыровато стихотворение “Кукла заболела”. Детская книжка Флора Васильева только выиграла бы, если бы автор проявил большую взыскательность к своей работе» [159].

К сожалению, эта статья далеко не однозначно сказала и на творческой судьбе самого Г. Ходырева. Досадно, что в отношениях Г. Ходырева и Ф. Васильева после этой рецензии наступает недопонимание, натянутость. Несмотря на приверженность к правдивому изображению жизни, Г. Ходырев считал, что детский автор должен уметь рассказывать о явлениях действительности с такой поэтической точностью, что произведение будило бы одновременно и гражданскую мысль, и эстетическое чувство. В процитированной статье Г. Ходырев верно отмечает, что душе ребенка близки не описательные и бессюжетные стихи, а тексты, отображающие черты живых характеров, живую действительность, и лучше, если все это пронизано веселыми ритмами детского фольклора.

Проблема в отношениях двух талантливых поэтов (Г. Ходырев – Ф. Васильев) лежит, видимо, в гораздо широкой области – каковы критерии, позволяющие определить действительную новизну и значимость литературного произведения, адресованного детям. Будучи поэтом, обостренно воспринимающим окружающий мир, Г. Ходырев тяготился идеологическим

настроением эпохи, его литературное дарование было шире своего социоисторического контекста. Ф. Васильев, находясь в «верхах» литературной жизни республики и страны, выступал апологетом идей советской литературы. Не углубляясь в изучение проблемы взаимоотношений двух авторов, отметим, что поэтические приемы, используемые Г. Ходыревым и Ф. Васильевым, дали национальной литературе изумительную по художественному совершенству и глубине лирику. И оба они были авторами, постоянно ищущими, стремящимися к расширению своих поэтических горизонтов.

Статьи и рецензии Г. Ходырева отражают тенденцию вызревания в удмуртской критике серьезного разговора о художественной выразительности детского произведения. Это подтверждают и другие критические статьи Г. Ходырева, относящиеся к 1960-м годам. В этом ряду удалось обнаружить статьи, напечатанные в газетах «Советской Удмуртия» и «Удмуртская правда». Это статьи – «Нылпиос вите умоесь произведениосты» («Дети ждут интересные произведения») [166] «Кытын пинальёслэн яратоно геройзы?» («Где любимый герой детей?») [163], «Улонмес данъясь поэзия» («Поэзия, прославляющая нашу жизнь») [164], «Доброе дело» [167], «Лыдзись тодэ, лыдзись вала» («Читатель знает, читатель понимает») [165]. Следует также назвать статьи «Выль адями сярысь малпаськыса» («С заботой о новом гражданине») и «Кивоштйсьёсмы вите» («Преемники ждут»), напечатанные в журнале «Молот» за 1965 и 1968-е годы в номерах один и семь.

Г. Ходырев воспроизвел колебания критериев и оценок, свойственных удмуртской критике послевоенных десятилетий. Новое обнаруживало себя не столько в его прямых спорах и открытых возражениях, сколько в подходе писателя к проблеме содержания и формы литературного произведения, в постановке вопросов. В частности, в статье «Нылпиос вите умоесь произведениосты» поэт пишет: «Каждую тему необходимо суметь раскрыть и показать индивидуально, оригинально. В самом начале текста читатель-ребенок должен почувствовать притягательную силу текста, т.е. его тему» [166].

Г. Ходырев подвергает сомнению и соотносению героя детской книги с абстрактно сконструированным идеалом. Он оспаривает практику сведения положительного героя к эталону, директиве, инструкции. Четко обозначился поворот удмуртской критики к историзму мышления в статье Г. Ходырева «Їуказе сярысь малпаса». Важна мысль поэта о том, что «хотя и стихи для детей написаны с учетом формальных, технических требований, чувствуется необдуманная погоня за идеей, а комическое начало, столь необходимое ребенку, утеряно» [168].

Критические суждения любого большого писателя важны, значимы, интересны. Это является неотъемлемой составной частью истории критики и литературы. Писательская критика особенно ценна для изучения внутренней творческой лаборатории того или иного автора. Литературно-критические суждения писателей, обращенные к индивидуальной мастерской художника, служат для него опорой, когда «официальная» критика пасует, идет на поводу чиновничьей оценке. Критическая деятельность Г. Ходырева свидетельствует о том, что он пытался сформировать принципы и правила работы детского писателя.

В контексте сказанного актуальны рассуждения Г. Ходырева относительно подростково-юношеской литературы. Г. Ходырев не только говорил о проблемах, характерных для этой сферы национальной литературы, но и высказывал теоретические соображения. В статье «Выль адями сярысь малпаськыса» обращается к собратям по перу, говорит о том, что, по сравнению с поэтическими книгами, гораздо меньше прозаических произведений. Поэт в образной форме высказывает глубокие мысли, связанные с жанрово-тематической узостью прозаических текстов: «Разнообразие тем, проблем, жанров в прозе настолько много, что их можно черпать ковшом экскаватора, однако мы этого не используем» [162, с. 9]. Между тем, о высоком уровне детской литературы мы можем говорить в том случае, если у нас вырастет идейно-художественный уровень прозы. Поэт критиковал себя и своих современников за то, что они зачастую в своих рассказах и повестях удовлетворяются пересказом

общественных проблем или занимаются «фабульными перипетиями». Обращался также к критикам, считал, что их главная задача – выявить художественную идею произведения, то есть проникнуть во внутренний замысел писателя, исследующего человека и окружающий мир средствами искусства.

Ходырев-критик также задается вопросом о том, почему писатели не решаются создавать книги для подростков и о подростках, мало интересуются жизнью и мечтами современных подростков, почему не стараются узнать и не задумываются над тем, какими помыслами живет современная молодежь. Двенадцатилетние, пятнадцатилетние дети, которые ищут и ждут ответы на самые разные жизненные вопросы, словно оставлены блуждать в темном лесу. Г. Ходырев пишет: «Возьмем, к примеру, очень важную проблему: выбор жизненного пути. Подростки очень озабочены этим кругом вопросов... Но в удмуртской литературе есть только одна книга данного направления – повесть “Остаюсь с тобой” Г. Красильникова <...> Как продолжение этой темы, к сожалению, в нашей литературе абсолютно не разработанной остается проблема взаимоотношения детей и взрослых, точнее – подростков и их родителей» [162, с. 10].

Г. Ходырев считал, что становлению настоящего писателя способствуют такие условия, как природный талант, знание жизни, глубокое усвоение предшествующей культуры и опыта настоящих мастеров слова. Поэт очень радовался тому, что возобновила работу пионерская газета «Дась лу!», которая обнаружила новых авторов и в будущем поможет воспитать новых детских авторов. В литературно-критических статьях Г. Ходырева, написанных в 1970–1980-е годы, все более доминирующими становятся его советы собратям по перу – обращаться к великим образцам детской литературы, изучать технику мастерства русских и зарубежных детских писателей. Из статей Г. Ходырева видно, что предпочтение он отдает поэтам и писателям, близко стоящим к жизни, говорит об осмыслении уроков С. Маршака, А. Гайдара, Г. Троепольского, Дж. Родари и др. Особый интерес у него вызывает отношение известных детских писателей к фольклору, национальному языку. Удмуртский поэт видит примеры

органического проникновения в фольклор у писателей-классиков, у такого гения отечественной литературы, как А. Пушкин.

Примечательна статья «Їуказе сярысь малпаса» («Раздумывая о будущем»). Г. Ходырев, не соглашаясь с искусственным вводом в текст детских произведений реалий современной действительности, пишет: «В последнее время в центральных журналах и газетах все чаще и чаще речь идет о том, что в литературе необходимо глубже показывать детскую психологию и ярче изображать национальный характер. Такой разговор, на мой взгляд, возник не случайно. О художественно-изобразительной стороне детских книг очень точно писал Аркадий Гайдар. Он говорил, что детский писатель должен понимать, чувствовать и любить прежде всего родной язык. Родной язык несет в себе много мудрого, хорошего, доброго. Мы же не стремимся совершенствовать свое писательское мастерство, не обогащаем литературный инструментарий, словарный запас... Не ищем красивых сравнений, эпитетов, метафор, не вслушиваемся в речь современного человека» [168].

Чаще писатель сам определяет круг повлиявших на его творчество мастеров в своих дневниках, письмах, статьях и т.д. В одной из последних критических статей Г. Ходырева «Удивление миру – неперменное качество хорошего человека» интересны следующие признания поэта: «У меня на рабочем столе великолепная книга воспоминаний о Самуиле Яковлевиче Маршаке, выпущенная в Москве издательством “Советский писатель” семь лет тому назад. Каждое воспоминание людей, отлично знавших его, это настоящий клад... Лично для меня, как литератора, всю свою сознательную жизнь посвятившего детской литературе, его высказывания о своем творчестве будут всегда неоценимым учебником, который в своей работе я взял за основу, за руководство к действию» [176].

Или другая цитата из этой же статьи, указывающая на проблемы методологии детского творчества: «К высказыванию Паустовского мне хочется добавить бесценную мысль Маршака: “Детская литература должна строиться где-то на пересечении фольклора и литературы. Найти точку пересечения очень

трудно...” Вот каковы задачи и требования к писателям, которые задумываются писать для детей» [176].

Давать оценку современникам, выдвигать и отстаивать свою позицию, быть последовательным – нелегкая работа литературного критика. Отличительную черту литературно-критической деятельности Г. Ходырева в 1970–1980-е годы составляет, пожалуй, то, что он по-своему начинает претворять в жизнь опыт работы М. Петрова. Одним из острейших вопросов, занимавших мысли М. Петрова, была индивидуальная работа с авторами, выискивание подающих надежду писателей. «Я вспоминаю классика удмуртской литературы Михаила Петрова, который всегда был чуток и внимателен к молодым, помогал советом и добрым словом», – пишет Г. Ходырев [174]. Стремление Г. Ходырева привлечь в детскую литературу новых авторов весьма отчетливо проявляется в статьях «Мынам будо арьёсы» («У меня растут года») [169]; «Работаем на будущее» [174], «Нылпи литература сярсыс куд-ог малпанъёс» («Некоторые размышления о литературе для детей») [173]. Г. Ходырев внимательно следит за книжными новинками, дает обзоры произведениям, вышедшим отдельными книжками и напечатанным на страницах республиканских газет и журналов. Обзор произведений продлевается Г. Ходыревым в свете важнейших проблем литературы и времени. Следует отметить, что описываемые поэтом детские произведения таких авторов, как Ю. Байсарова, К. Куликов, И. Иванов, А. Кондратьев, М. Андрианов, Е. Николаев и др., к сожалению, до сих пор не введены ни в научный, ни в критический оборот.

К чести Г. Ходырева, он считал, что каждая творческая индивидуальность имеет право на существование. При сопоставлении творчества разных писателей, говорил Г. Ходырев, нужно понимать, что такое сравнение не идет в ущерб самобытному таланту художника слова. По мнению поэта, у каждого читателя в соответствии со своим возрастом и своими вкусами «свои требования к детской книге, свои ожидания авторской трактовки событий» [169, с. 12].

Особенно тревожило Г. Ходырева механическое применение фольклорных форм к современным темам. Он осуждал попытки некоторых писателей

копировать приемы фольклора при разработке в детских произведениях современных сюжетов. Прежде всего это касается жанра авторской сказки. В своем выступлении о современной сказке он указывает на то, что морально-воспитательная функция фольклора не должна «выражаться» в избитой назидательной форме. Сожалеет, что удмуртские детские авторы мало работают в жанре авторской сказки, но даже те, которые «пишут литературные сказки, редко обращаются к ярким художественно-изобразительным приемам» [169, с. 13]. Поэт считает, что плоская поверхностная мораль новой авторской сказки подрывает доверие читателя к современной литературе. Как писатель-реалист, Г. Ходырев считал, что нравственная тенденция должна вытекать в художественном тексте из логики действия героев произведения. Эти мысли он проиллюстрировал в своих сказках.

Отдельная сфера забот Г. Ходырева – дошкольная книга. Он говорил о том, что книга для самых маленьких должна быть серьезна и действенна как игра, поскольку игра для малышей – это сама жизнь. Вполне закономерно, что многие произведения Г. Ходырева, адресованные малышам, служат игровым целям, основаны на поэтике игры. Он часто использует ритмы распространенного в удмуртском детском фольклоре жанра – считалки. Обращаясь к писателям, Г. Ходырев просил их писать для самых маленьких предельно простым и лаконичным языком, имея в виду поэтическую ясность художественного слова.

На всем протяжении творчества Г. Ходырев-писатель рука об руку идет с Ходыревым-критиком. Одной творческой работы над художественным произведением, видимо, Г. Ходыреву не доставало. Поскольку критика – жанр мыслящего автора и дает возможность для наиболее откровенного выражения не только литературной, но и общественной позиции, то это и влекло его к ней. Действительно, в ходыревских статьях поднимаются не только вопросы собственно творческие, но и актуальные проблемы современной литературной жизни. Наиболее сильно волновало Г. Ходырева то, чтобы произведение удмуртского детского писателя одновременно обладало национальными особенностями и имело общечеловеческое звучание. Потому и призывал он

начинающих авторов осваивать те формы изобразительности, которые способны с наибольшей силой передавать самобытное и общезначимое, важное и интересное для всех.

К сожалению, литературно-критическая деятельность Г. Ходырева к концу 1980-х годов сворачивается, если можно так выразиться. Хотя, смелостью высказываний отличается статья «Работаем на будущее». В эти годы детских писателей часто упрекали в том, что они в своих произведениях не воссоздают героiku современности. Примечателен ответ Г. Ходырева, указывающего на то, что зачастую скучные, серые сочинения «героической» тематики не содержат «никакого художественного открытия», и что на деле эти книги малосодержательны. Он считал, что у взрослой и детской книги «одни внутренние законы, и если содержание не сливается с яркой образной системой..., то не возникнет контакта с читателем» [174].

Г. Ходырева занимала проблема воскрешения художественного наследия как репрессированных писателей, так и писателей старшего поколения. То, что было отторгнуто или оставалось вне внимания критики, Г. Ходырев стремился ввести в современный литературный процесс, чтобы их творчество заняло достойное место в национальной культуре. Литературы нет без индивидуальностей, и потому Г. Ходырев радовался появлению творческих портретов, написанных самими детскими авторами. Приветствовал появление книги классика удмуртской детской литературы А. Н. Клабукова «Моя биография», которая может быть полезной для начинающих авторов. Поэт призывал удмуртских писателей создавать литературные портреты известных деятелей культуры республики. Вскоре он сам приступил к разработке жанра литературного портрета, воспоминания, мемуара в удмуртской детской литературе.

Г. Ходырев впервые ввел в критический оборот творчество удмуртских писателей, о которых критика высказывалась лишь попутно, делая при этом субъективные и весьма поверхностные замечания. В частности, в статье «Туймы дурын гожтэм чурьёс» («Строчки, написанные на берегу реки Туймы», 1987) дан

объективный анализ особенностям языка и стиля удмуртского публициста С. Шихарева, очерки которого отличаются смелостью постановок актуальных проблем современности.

С середины «восьмидесятых» Г. Ходырев начинает активно работать в прозаических жанрах. Это и стало, по всей вероятности, одной из причин того, что он стал значительно меньше уделять внимание критике. Журнал «Вордскем кыл» в 1994 году печатает методический материал о Г. Ходыреве, в который вошел текст, написанный в жанре воспоминаний «Азбарысен – паськыт дуннее» («Со двора – в широкий мир») [175]. Название статьи воспринимается как условно-символическое, как своеобразная фабульная завершенность его литературного пути, как своеобразный ответ поэта на известные воззвания – «выйти со двора». Приведем цитату Г. Ходырева на удмуртском языке: «Лыдзъыса потй тодмо зуч поэтлэсь Михаил Дудинлэсь куинь томен поттэм быръем произведениоссэ. Солы азыкыл гожтэм вылэм тодмо балкар кылбурчи Кайсын Кулиев. Со гожтэмысьтыз шедьтй таёе чурьёссэ: “Анай-атай юртысен, солэн азбарысеныз, анаймылэн бакчаысеныз кутске котькудмылэн кылбуран сюресмы”. Балкар калыклэн дано кылбурасезлэн таёе визьмо верам кыльёсыз мынэсьтым азылань малпанме эшшо огпол юнматйзы, кужмоятйзы. Нылпи литературае сюресме мон шонер лёги. Азбарысен тубат лёгетъёс вылэ лёгиськыса, паськыт дуннее потй» [175, с. 34]. («Прочитал избранные произведения Михаила Дудина, изданные в трех томах. Предисловие к нему написал известный балкарский поэт Кайсын Кулиев. Нашел такие строки: “В отцовском доме, в родительском дворе, в огороде матери у каждого из нас берет начало поэтическая тропа”. Эти мудрые слова славного поэта балкарского народа еще больше укрепили во мне правильность моего выбора. Я верно сделал, что связал всю свою творческую жизнь с детской литературой. Идя по ступенькам лестницы родного двора, вышел в большой мир»).

Г. Ходырев, войдя в удмуртскую литературу критическими статьями, оставил после себя не только конкретно сказанное о творчестве писателя или его произведении, но свою манеру критического мышления, свою индивидуальность.

Каждый период ставит перед литературой свои вопросы, однако есть проблемы, которые устойчивы и переходят из одного десятилетия в другое. Такой сквозной темой для удмуртской детской литературы, впрочем, как и для литературы в целом, является проблема художественности. Вопрос об эстетическом отношении литературы к действительности – ключевой вопрос удмуртской критики. В упрощенном понимании взаимоотношений искусства слова и действительности коренятся истоки неверных трактовок многих ходыревских текстов, характерных для удмуртской критики. Вполне закономерно, что Г. Ходырев, ощутивший на себе нормативность критики и ее умозрительный схематизм, в своих критических выступлениях стремился заступаться за тех авторов, в творчестве которых видел их первоприроду, их тонкое чувство слова. Размышляя над проблемой соотношения правды жизни и правды искусства, он так или иначе переходил на разговор об образной специфике литературы. Литературно-критические статьи Г. Ходырева так или иначе высвечивают мироотношение автора, его оптимистическое отношение к жизни. Поэт верил в будущее, его творчество проникнуто жизнелюбием, жизнеутверждением. Потому и все его творчество, и художественное, и литературно-критическое, продолжает воспитывать в современном читателе веру в жизнь, в будущее человека.

Обозревая мысленным взором литературно-критическое наследие Г. Ходырева, нельзя не заметить, что его критические статьи, рецензии, отзывы – неравноценны. Тем не менее, в них есть такое объединяющее начало, как стремление писателя рассматривать идейные и художественные особенности детских произведений в их неразделимости. Особенно ценны рецензии, в которых дается оценка мастерству автора. По вопросам совершенствования писательского мастерства Г. Ходырев выступал на семинарах, которые имели большой общественный резонанс: ежегодные республиканские семинары, региональные совещания по детской литературе (гг. Свердловск, Тюмень) и др.

Выводы. Прозаическое творчество Г. Ходырева одновременно выражает его эмоциональное и аналитическое мировосприятие. Основополагающий принцип

структурирования прозаических произведений – синтез двух начал, документального и художественного. Для творчества писателя характерно следование факту и обращение к вымыслу, стремление к сочетанию аналитического, художественно-образного, нравственно-философского уровня повествования.

Проза Г. Ходырева представлена автобиографической повестью, документально-биографическими повестями, литературными портретами, воспоминаниями, рассказами, очерками. Жанровой особенностью документально-биографических повестей Г. Ходырева является конкретно-образное воссоздание жизни реальных исторических личностей, опирающееся на подлинные документы, обогащенные авторской фантазией и психологизмом. Повести о героях-земляках Великой Отечественной войны пронизаны лиризмом, образы воинов-защитников романтизированы. В текст повествования включены реальные документы: фотографии, копии приказов, цитаты из писем, газет. Документальные повести Г. Ходырева воссоздают подлинную атмосферу эпохи.

Особое место в прозаическом творчестве Г. Ходырева занимают произведения, повествующие о жизни и деятельности удмуртских писателей, журналистов, людей искусства, оказавших большое влияние на формирование его литературного мастерства. Отбор событий в этих текстах определяется установкой на значимость события для духовного и профессионального развития автора-повествователя. Такого плана ходыревские произведения сложились в следующих жанровых «рамках»: очерк, воспоминание, литературный портрет, эссе. Однако четкой авторской жанровой дефиниции эти произведения не имеют. Для литературных портретов Г. Ходырева характерны психологизм, интерес к нравственным проблемам, философское размышление. Автор стремится к воссозданию образа живого человека с его болями и радостями, неудачами и победами. Изображение жизненного пути известного в республике человека, основанного на реальных фактах и подлинных событиях подает юному читателю положительный жизненный пример.

Автобиографическая повесть Г. Ходырева явилась одним из первых произведений в удмуртской детской литературе, написанных в этом жанре. Внимание автора к истории семьи и рода обуславливает подсознательное обращение к традициям биографического повествования. Повесть не наполнена счастливой поэзией детства, поскольку детство автора пришлось на тяжелые военные годы. Психологически сильно воссоздан в повести процесс становления внутреннего мира рано взрослеющего ребенка. Игра как главное занятие ребенка уступает место труду вместе с взрослыми. Сюжетно-композиционная структура повести определена умелым построением взаимодействия «ценностных контекстов» (М. Бахтин) – автора, повествователя, героя-ребенка. Повествование от первого лица придает повести исповедальность и психологизм. Становление личности ребенка показано в обстановке семьи, школы, улицы, родной деревни, страны. Произведение выходит за рамки семейной хроники, вбирая в себя описание важных событий времени.

Литературная критика Г. Ходырева по своему значению в истории удмуртской детской литературы не уступает его поэзии и прозе. Жанровый диапазон его критики включает в себя статьи, рецензии, выступления, заметки в прессе, интервью, доклады, которые хорошо демонстрируют особенности авторского мировоззрения. Непосредственность наблюдений над художественными текстами в критических статьях и рецензиях Г. Ходырева способствует выработке и более глубокому пониманию читателем литературных произведений. Для его публицистики последних лет характерно стремление проанализировать собственный жизненный путь и творчество. Наиболее постоянным, характерным для разных периодов истории удмуртской литературы, был вопрос художественности детского произведения. Поверхностным пониманием взаимоотношений литературного текста и действительности обусловлены несправедливые оценки многих ходыревских текстов. Тенденциозное отношение критики к произведениям Г. Ходырева во многом определило активную литературно-критическую позицию поэта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художественный мир удмуртского детского писателя Г. Ходырева в полной мере отражает своеобразие его самобытной творческой личности и вписывается в основные тенденции развития удмуртской литературы для детей второй половины XX века. Его многожанровое творчество не только обогатило национальную литературу при жизни мастера, но повлияло и на формирование контекста литературного процесса конца XX – начала XXI века. Г. Ходырев – автор более тридцати детских книг на русском и удмуртском языках, его произведения переведены на языки народов России и стран ближнего зарубежья, печатался в центральных издательствах «Детская литература», «Советская Россия», «Малыш». Важно отметить, что в удмуртской литературе послевоенных лет детских писателей осталось мало. Основоположники-классики литературы для детей были репрессированы, другие погибли во время гражданской и Великой Отечественной войн. Эта ситуация сильно тревожила первую в удмуртской литературе писателя-женщину Ашальчи Оки (Л. Г. Векшину). После реабилитации она обратилась к молодым сотрудникам детской газеты «Дась лу!» со словами: «Максим Горький называл детскую литературу "великой державой"». К сожалению, удмуртские писатели мало пишут для детей. А великие русские писатели не уходили от детского читателя. К примеру, Лев Толстой, Чехов, Мамин-Сибиряк, Аксаков, Маяковский... Надо бы удмуртских писателей привлечь в детскую литературу. Теперь писателей много, а книг для детей мало, особенно для школьного возраста» [9, с. 40].

Приход в детскую литературу Г. Ходырева восполнил лакуну в ее развитии. Однако его творческий путь не был ровным и спокойным, вхождение поэта в профессиональную литературу, обретение им собственного оригинального пути в детской литературе нельзя охарактеризовать как линейно-эволюционное накопление новых признаков и качеств. Пережив переломные моменты и проделав ряд неожиданных поворотов, творчество Г. Ходырева в целом отражает процесс перехода удмуртской детской литературы к активным поискам новых

жанров и художественно-изобразительных приемов. Важнейшие отличительные особенности поэзии и прозы Г. Ходырева обусловлены, прежде всего, тесной связью творчества писателя с фольклором, с русской детской классической литературой. В восприятии удмуртской критикой произведений Г. Ходырева долгие годы доминировал узко идеологический подход, характерный для национального литературоведения рассматриваемого периода. Явная тенденция критики к углубленному осмыслению творчества Г. Ходырева начинает наблюдаться после смерти писателя: авторы статей отмечают такие качества произведений Г. Ходырева, как оригинальный стиль, умение увлечь ребенка неожиданностью сюжетных ходов и комичностью ситуаций. Тем не менее, самобытное литературное наследие Г. Ходырева требует целостного подхода, нацеленного на изучение своеобразия его художественного мира, особенностей поэтики. Исследование обращено к рассмотрению важнейшей проблемы выявления художественного своеобразия произведений писателя в их внутреннем единстве с особенностями идейно-эстетического осмысления мира. В диссертации подход к творчеству Г. Ходырева предусматривает целостный анализ поэтики его творчества, нравственно-этической проблематики произведений для детей и их художественной структуры, важнейшего смысла эстетического отношения автора к миру, который наиболее важен для духовного развития юного человека.

В центре созданной Г. Ходыревым художественной системы – собирательный образ ребенка, показанный в контексте социальной, общественной, политической, культурно-бытовой жизни народа второй половины двадцатого века. В качестве основополагающего принципа своего художественного мира писатель выдвигает принцип отображения правды жизни, верности реалиям окружающей действительности. Однако мир ребенка невозможен без фантазии, поэтому автор придает ей большое значение и умело использует для создания психологически точного образа детства. Для своеобразной художественной манеры Г. Ходырева характерно соединение реалистического, лирико-романтического и отчасти даже натуралистического (описательного) начал. Все это

напрямую соотносится с такими важными ходыревскими стилистическими составляющими, как соединение художественного и документально-публицистического, воспроизведение социально-исторических форм реальной жизни и обращение к фантазии, синтез аналитического, лирико-поэтического, нравственно-философского. Существенные моменты поэтики Г. Ходырева – интеллектуальная направленность, насыщенность нравственно-этической проблематикой, игровое начало. По мнению писателя, нравственный идеал реализуется в детском и народном мироощущении, запечатлен в фольклоре и классической литературе. В художественном мире Г. Ходырева особенно важное место отведено теме семьи и рода как фактору развития цивилизации. Семья в произведениях Г. Ходырева предстает мерилем всех духовно-нравственных ценностей, наполняющих жизнь ребенка. Сквозь призму семейно-родовых традиций автор смотрит на жизнь общества и государства.

В своем обращении к проблеме детства Г. Ходырев разрабатывает как традиционные для удмуртской литературы темы, так и открывает новые, или же придает новое звучание старым. К таковым, прежде всего, относится тема преемственности в истории народа. Это напрямую связано с незатихающей болью сына-сироты, потерявшего в Великую Отечественную войну отца. О том, что война – в генной памяти народа, говорят почти вся проза и многие поэтические произведения Г. Ходырева. Другая тема – связь ребенка с миром живой природы – осмысливается писателем в широком идейном контексте. Ребенок и природа, по мнению писателя, близки друг другу: ребенок чувствует свою первозданную связь с природой и ее законами. Художественному миру Г. Ходырева придает определенную целостность утверждение национальной самобытности, богатого духовного мира, созидательной нравственности трудового человека. Непременным условием гармоничного развития личности ребенка писатель считает просветленное состояние его души, формируемого в труде, семье, коллективе, обусловленное тесным взаимодействием с традициями родного края, близостью к природе. В системе этических представлений традиционной народной культуры ребенок всегда был наивысшей ценностью.

В моделировании идеального национального образа мира и образа героя-ребенка для Г. Ходырева фольклор имел концептуальное философско-этическое и эстетическое значение. Взрослые герои произведений Г. Ходырева являются выразителями народного мирозерцания, нравственных принципов добра и справедливости. Строение сюжета многих произведений Г. Ходырева определяет передача жизненного опыта старших младшим.

Основные гражданские, нравственно-философские проблемы поэзии Г. Ходырева – человек, земля и труд, историческая память, патриотизм, преемственность поколений – также берут начало в фольклоре. Это определяет обращенность творчества писателя и к прошлому, и к будущему. Г. Ходыреву свойственно умение ощутить прошлое как живую реальность. Это ярко запечатлено в художественно-документальной прозе писателя. Позитивный традиционализм, ориентированность на народные духовные ценности особо сильно проявились в его мемуарной прозе.

Литературно-критическая деятельность Г. Ходырева показывает, что для его статей характерен протест против идейной и эмоциональной бессодержательности произведений, адресованных детям. Когда в литературе в качестве основной художественной меры полагалась тематическая актуальность и идейность художественного произведения, Г. Ходырев выступил в защиту критериев художественности. Его эстетическими принципами также были духовность литературы, доступность художественного произведения пониманию ребенка, искренность автора, единство формы и содержания.

Проза и поэзия Г. Ходырева входит в современный национальный литературный процесс как глубоко содержательное и оригинальное явление. Нравственно-гуманистические воззрения писателя особенно важны сегодня для усиления в жизни ребенка позиций классической литературы и многовековых традиций народной культуры, утверждающих вечные ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научная и критическая литература

1. Абдулхакова, А. Р. Татарская детская книга начала XX века, 1901–1917 гг.: дис. ... канд. филол. наук / Абдулхакова Айслу Радифовна. – Казань, 1998. – 262 с.
2. Абраменкова, В. В. Социальная психология детства: учебное пособие для студентов университетов, педагогических институтов и психолого-педагогических колледжей / В. В. Абраменкова. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 431 с.
3. Айтуганова, Л. Д. Удмуртское стихосложение: вопросы формирования и развития / Л. Д. Айтуганова. – Ижевск: УИИЯиЛ УрО РАН СССР, 1992. – 152 с.
4. Айтуганова, Л. Д. Шырыт сямо, жеч, айбат мылкыдо. = Щедрый, добрый, отзывчивый / Л. Д. Айтуганова // Ходырев Г. А. Кыдёкын-а инвис?: Пинальёслы повестьёс = [Далеко ли горизонт?: повести для детей]. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – С. 263–271.
5. Алешкин, А. В. Творческая индивидуальность писателя и накопление художественных ценностей / Современная мордовская литература: в 2 ч. – Ч. 1 / А. В. Алешкин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 8–22.
6. Андреев, А. Н. Теория литературы: личность, произведение, художественное творчество: в 2 ч. – Ч. 2. / А. Н. Андреев. – Минск: БГУ, 2003. – 188 с.
7. Арзамасцева, И. Н. Детская литература: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 576 с.
8. Аутлева, Ф. А. Фольклорные и литературные традиции в художественном творчестве и переводческой деятельности С. Я. Маршака: дис... канд. филол. наук / Аутлева Фатима Аскарбиевна. – Майкоп, 2005. – 190 с.

9. Ашальчи Оки. «Дась лу!» газетлэн редакцияз – Г. А. Ходыревлы = [В редакцию газеты «Будь готов!» – Г. А. Ходыреву] / Ашальчи Оки // Молот. – 1979. – № 3. – С. 39–40.
10. Батуев, Г. В родных местах / Г. Батуев // Удмуртская правда. – 1992. – 28 окт.
11. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
12. Белая, Г. А. Художественный мир современной прозы / Г. А. Белая. – М.: Наука, 1983. – 191 с.
13. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / В. Г. Белинский. – Т. 7. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. – 474 с.
14. Блок, А. А. Собрание сочинений: в 8 т. / А. А. Блок. – Т. 5. Очерки, статьи, речи. – М., Л.: ГИХЛ, 1962. – 802 с.
15. Богомолова, З. А. Песня над Чепцой и Камой / З. А. Богомолова. – М.: Современник, 1981. – 352 с.
16. Богомолова, З. А. «Кырӟанэн – калык сюлэме...» = [С песней – в людские сердца] / З. А. Богомолова // Вордскем кыл = [Родное слово]. – 1992. – № 5. – С. 3–9.
17. Богомолова, З. А. О писателе и моем друге / З. А. Богомолова. – Удмуртская правда. – 1992. – 24 окт.
18. Богомолова, З. А. «С песней – людям в души...» / З. А. Богомолова // Голоса эпохи. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 402–413.
19. Богомолова, З. А. Штрихи к портрету детской литературы Удмуртии / З. А. Богомолова // На переломе эпох: Союзу писателей Удмуртии 70 лет (1934–2004): статьи, стихотворения, прозаические произведения, документы / сост., текст З. А. Богомоловой, В. С. Уразаевой, Г. В. Романовой. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – С. 232–237.
20. Боров, Ю. Б. Эстетика / Ю. Б. Боров. – М.: АСТ: Русь – Олимп: Астрель, 2005. – 829 с.

21. Бочаров, С. Г. О художественных мирах / С. Г. Бочаров. – М.: Советская Россия, 1985. – 296 с.
22. Булякова, Г. М. Проблема героя в современной Башкирской прозе для детей: дис. ... канд. филол. наук / Булякова Гадиля Мударисовна. – Уфа, 1990. – 162 с.
23. Буренина-Петрова, О. Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук / Буренина-Петрова Ольга Дмитриевна. – СПб, 2005. – 344 с.
24. Бурков, Л. Н. Становление и развитие марийской детской литературы: дис. ... канд. филол. наук / Бурков Леонид Николаевич. – Чебоксары, 2000. – 159 с.
25. Бушмин, А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина / А. С. Бушмин. – Л.: Наука, 1987. – 275 с.
26. Ванюшев, В. М. Так он рос / В. М. Ванюшев // Комсомолец Удмуртии. – 1963. – 9 февр.
27. Ванюшев, В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья: монография / В. М. Ванюшев. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1995. – 296 с.
28. Ванюшев, В. М. Литература для детей и юношества / В. М. Ванюшев, А. Г. Шкляев, Д. А. Яшин // История советской удмуртской литературы: в 2 т. / Кол. авторов; ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, НИИ при СМ Удм. АССР. – Т. 2. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – С. 173–191.
29. Васильев, Ф. И. Поэтлэн но будэмез шӧдске = [И поэта чувствуется рост] / Ф. И. Васильев // Молот. – 1960. – № 5. – С. 47–48.
30. Васильев, Ф. И. О литературе для детей / Ф. И. Васильев // Удмуртская правда. – 1969. – 13 нояб.
31. Виноградов, Г. С. Страна детей. Избранные труды по этнографии детства / Г. С. Виноградов. – СПб.: Историческое наследие, 1999. – 547 с.
32. Волкова, Т. Г. Становление удмуртской детской литературы: дис. ... канд. филол. наук / Волкова Татьяна Геннадьевна. – Ижевск, 2005. – 220 с.

33. Волошина, Л. А. Проблема творческой индивидуальности в русской эстетике конца XIX начала XX века: дис. ... канд. филос. наук / Волошина Людмила Александровна. – СПб, 2013. – 172 с
34. Вотяков, А. Д. Пичиослы кузьым = [Подарок детям] / А. Д. Вотяков // Советской Удмуртия = [Советская Удмуртия]. – 1959. – 10 окт.
35. Вотяков, А. Д. Киысьтыды уд куштэ = [Не выпустите с рук] / А. Д. Вотяков // Советской Удмуртия. – 1966. – 14 янв.
36. Гаврилова, М. В. Улонысь басьтэм чурьёс / М. В. Гаврилова // Молот. – 1976. – № 3. – С. 46–47.
37. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – М.: Советский писатель, 1988. – 396 с.
38. Гинзбург, Л. Я. Жизненный материал и художественное обобщение / Л. Я. Гинзбург // Вопросы литературы. – 1966. – № 9. – С. 21–27.
39. Гордович, К. Д. Творческая индивидуальность писателя / К. Д. Гордович. – СПб: Петроний, 2009. – 240 с.
40. Горький, М. О детской литературе / А. М. Горький. – М.–Л.: Детгиз, 1952. – 434 с.
41. Гриценко, З. А. Детская литература. Методика приобщения детей к чтению: учеб. пособие для студентов вузов / З. А. Гриценко. – М.: Академия, 2004. – 312 с.
42. Двойнишникова, М. П. Поэтика абсурда в русской литературной традиции XX века (на материале лирики г. Сапгира) / М. П. Двойнишникова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2009. – Вып. 9. – С. 91–93.
43. Дзюина, К. Н. О героях детских книг / К. Н. Дзюина // Комсомолец Удмуртии. – 1967. – 28 марта.
44. Дмитриева, Л. А. Книги из личных собраний удмуртских писателей Вячеслава Ар-Серги и Германа Ходырева в Национальной библиотеке УР / Л. А. Дмитриева // Книга в аспекте региональной культуры: материалы

межрегион. науч.-практ. конф. (Ижевск, 8 ноября 2017 г.) / Национальная библиотека УР; сост. Е. В. Егорова. – Ижевск [б. и.], 2017. – С. 24–31.

45. Долганова, Л. Н. Кылбурчилэн веросьёсыз = [Рассказы поэта] / Л. Н. Долганова. – Молот. – 1981. – № 2. – С. 47.

46. Домокош, П. История удмуртской литературы / П. Домокош. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.

47. Егорова, Л. Г. Творческая индивидуальность писателя. Проблема дефиниций / Л. Г. Егорова // Творческая индивидуальность писателя: теоретические аспекты изучения: материалы науч. конф. – Ставрополь: Изд-во СтГУ, 2008. – С. 3–12.

48. Ельцов, А. А. Кизилиос уг кысо = [Звезды не гаснут] / А. А. Ельцов // Кенеш = [Собеседник]. – 1990. – № 8. – С. 51–52.

49. Емельянова, О. Поэт, журналист, педагог / О. Емельянова // Комсомолец Удмуртии. – 1982. – 28 окт.

50. Еремчева, Т. М. Пути и тенденции развития мордовской детской литературы 70–90-х годов XX в.: дис. ... канд. филол. наук / Еремчева Татьяна Михайловна. – Саранск, 2000. – 172 с.

51. Ермакова, Г. А. Эстетические основы художественного мира Г. Н. Айги: дис. ... д-ра филол. наук / Е. Г. Алексеевна. – Чебоксары, 2004. – 418 с.

52. Ермолаев, А. А. Чтоб к штыку приравняли перо // Ермолаев А. А. Об удмуртской литературе: хрестоматия литературно-критических текстов / А. А. Ермолаев / Составители Н. Г. Ермолаева, Т. И. Зайцева, И. Н. Семенова; отв. за выпуск Т. И. Зайцева. – Ижевск: УдГУ, 2013. – С. 257–265.

53. Ермолаев, А. А. Чтоб к штыку приравняли перо / А. А. Ермолаев // Моя республика. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – С. 140–149.

54. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие / А. Б. Есин. – 3-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248 с.

55. Жолковский, А. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты-Тема-Приёмы-Текст / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. – 344 с.

56. Зайцева, Т. И. Удмуртская детская литература и детская книга Удмуртии (1960–2010-е гг.): сб. науч. ст. / Т. И. Зайцева, И. Ф. Павлова. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2015. – 224 с.

57. Зайцева, Т. И. К истории критического восприятия первых поэтических сборников удмуртского детского писателя Г. Ходырева / Т. И. Зайцева, Ю. Н. Разина // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 60-летию коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета ПГГПУ (26–27 ноября 2015 г., г. Пермь). – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2015. – С. 218–223.

58. Зайцева, Т. И. Фольклор в творчестве удмуртского детского поэта Г. А. Ходырева / Т. И. Зайцева, Ю. Н. Разина // Филологические науки: вопросы теории и практики. – 2017. – № 10 (76): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 18–20.

59. Зубарева, Е. Е. Несущие тягу земную (очерки о проблеме социалистического реализма в советской детской и юношеской литературе) / Е. Е. Зубарева. – М.: Дет. Лит., 1980. – 192 с.

60. Ивашкин, В. М. Ёеч сямъёслы дышетйсь кылбуръёс = [Стихи, обучающие хорошим манерам] / В. М. Ивашкин // Советской Удмуртия. – 1970. – 26 дек.

61. Ивашкин, В. М. Фольклорлэсь дышетскыса... = [Взращен на фольклоре] / В. М. Ивашкин // Молот. – 1972. – № 6. – С. 52–53.

62. Ивашкин, В. М. Из наблюдений над поэтикой удмуртского детского стиха (на примере творчества Г. Ходырева) / В. М. Ивашкин // Об удмуртском фольклоре и литературе: сб. ст. – Ижевск: НИИ при СМ Удм. АССР, 1973. – Вып. 1. – С. 87–100.

63. Ивашкин, В. М. Уж – нылпи литератураын = [Труд – в детской литературе] / В. М. Ивашкин // Советской Удмуртия. – 1973. – 3 февр.

64. Ивашкин, В. М. Герман Ходырев / В. М. Ивашкин // Детская литература. – 1975. – № 9 (117). – С. 65–66.

65. Ивашкин, В. М. Отчего ива говорлива / В. М. Ивашкин // Удмуртская правда. – 1979. – 2 мая.
66. Ивашкин, В. М. Нылпиослы кузьым = [Подарок детям] / В. М. Ивашкин // Молот. – 1987. – № 9. – С. 59.
67. Ивашкин, В. М. Шуныт но, шулдыр но. Герман Ходыревлы – 60 арес = [И тепло, и уютно. Герману Ходыреву – 60] / В. М. Ивашкин // Кенеш = [Собеседник]. – 1992. – № 10. – С. 21–24.
68. Ивашкин, В. М. Синучконэ, вера на мыным... Герман Ходыревлы – 70 = [Скажи мне, зеркало мое...] / В. М. Ивашкин // Удмурт дунне. – 2002. – 13 нояб.
69. Игнатьева-Лаптева, Р. С. Словно встреча с добрым приятелем / Р. С. Игнатьева-Лаптева // Луч. – 2001. – № 1–2. – С. 9.
70. Имангулова, Л. М. Поэтика жанров современной мордовской детской литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Имангулова Людмила Мустафеевна. – Саранск, 1995. – 18 с.
71. История русской литературы XX века: В 4-х кн. Кн. 3: 1940–1960 годы: учеб. пособие / Л. Ф. Алексеева, И. А. Биккулова, Л. И. Щёлокова и др.; под ред. Л. Ф. Алексеевой. – М.: Высшая школа, 2006. – С. 335.
72. Калык поэтлэн кылдытэм образъёсыз = [Созданные народным поэтом образы] // Мынам Удмуртие [Моя Удмуртия]. – URL: <http://www.myudm.ru/node/33747> (дата обращения: 11.01.2018).
73. Кондаков, Б. В. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья первая / Б. В. Кондаков, Т. Д. Попкова // Вестник Пермского университета. – 2011. – Вып. 4 (16). – С. 130–143.
74. Кондаков Б. В. Художественный мир литературы и феномен детского мирознания. Статья вторая / Б. В. Кондаков, Т. Д. Попкова // Вестник Пермского университета. – 2013. – Вып. 2 (22). – С. 139–148.
75. Косова, Л. А. Художественный мир современной коми-пермяцкой поэзии / Л. А. Косова. – Кудымкар: Коми-Перм. книжн. изд-во, 2007. – 144 с.
76. Кралина, Н. П. Покчи лыдзисьёс шумпотозы = [Маленькие читатели будут рады] / Н. П. Кралина. – Молот. – 1973. – № 1. – С. 47–49.

77. Кралина, Н. П. С планеты детей / Н. П. Кралина // Герд. – 2002. – 28 окт.
78. Кубанцев, Т. И. Становление творческой индивидуальности писателя в контексте национально-художественных традиций: дис. ... д-ра филол. наук / Кубанцев Трофим Иванович. – Саранск, 2006. – 332 с.
79. Кудрявцева, Р. А. Марийская литература в контексте сравнительной филологии: учеб. пособие / Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2012. – 100 с.
80. Кузнецова, Т. Л. Комическое в коми литературе / Т. Л. Кузнецова. – Сыктывкар: Коми респ. ин-т переподготовки и повышения квалификации работников нар. образования, 1994. – 72 с.
81. Кукушкин, Р. Ф. Татарская советская детская поэзия: тенденции развития и вопрос поэтической индивидуальности: дис. ... канд. филол. наук / Кукушкин Равиль Файзрахманович. – Казань, 1985. – 192 с.
82. Кытысь кылдйзы передачаысь геройёс – Тэшкыли но Кузьгубей? = [Откуда родом герои передачи – Щелчок и Верзила?] // Воршуд = [Хранитель рода]. – URL: <http://vorshud.unatlib.ru/index.php/> Баженова_Галина_Николаевна (дата обращения: 11.01.2018).
83. Лейдерман, Н. Л. К вопросу о художественном потенциале документального произведения / Н. Л. Лейдерман // О художественно-документальной литературе. – Иваново: Ивановский гос. пед. ин-т, 1972. – С. 23–44.
84. Лейдерман, Н. Л. Творческая индивидуальность писателя как объект изучения / Н. Л. Лейдерман // Филологический класс. – 2005. – № 14. – С. 11–23.
85. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература. 1950–1990-е годы: учеб. пособие для вузов: в 2 т. – Т. 2. 1968–1990 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – 2-е изд., испр., доп. – М.: Академия, 2006. – 684 с.
86. Леонтьев, А. К. Азбар съёры, пе, потоно... = [Говорят, нужно выйти за пределы подворья] / А. К. Леонтьев // Молот. – 1968. – № 7. – С. 50–51.
87. Летопись печати Удмуртской АССР. 1983 год: государственный библиографический указатель. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 148 с.

88. Линков, В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова / В. Я. Линков. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 172 с.
89. Лихачев, Д. С. Внутренний мир художественного произведения / Д. С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.
90. Ломидзе, Г. И. Чувство великой общности: статьи о советской многонациональной литературе / Г. И. Ломидзе. – М.: Советский писатель, 1978. – 272 с.
91. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.
92. Лукьянин, В. П. Творческая индивидуальность как результат столкновения национальных и инонациональных традиций / В. П. Лукьянин // Литература Урала: история и современность: сб. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та, 2007. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 154–164.
93. Лупанова, И. П. Полвека: Советская детская литература: 1917–1967: очерки / И. П. Лупанова. – М.: Детская литература, 1969. – 671 с.
94. Малкина, Е. А. Национальный мир как художественная модель в литературах народов России: дис. ... канд. филол. наук / Малкина Елена Александровна. – М., 2008. – 194 с.
95. Мансурова, А. М. Предназначение. О творчестве Расула Гамзатова. Литературно-критическое эссе / А. М. Мансурова. – М.: [б. и.], 2003. – 56 с.
96. Маркова, Е. И. История русской детской словесности Карелии / Е. И. Маркова. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. – 394 с.
97. Маршак, С. Я. О большой литературе для маленьких. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей / С. Я. Маршак // Маршак, С. Я. Собрание сочинений. В 8 т. – Москва: Художественная литература, 1971. – Т. 6. – С. 195–243.
98. Мефодьев, А. И. Чувашская детская литература. Ч. 1: Истоки, возникновение, формирование / А. И. Мефодьев. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2008. – 200 с.

99. Мещерякова, М. И. Литература в таблицах и схемах. Справочное пособие / М. И. Мещерякова. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 224 с.
100. Мингазова, Л. И. Своеобразие и тенденции развития татарской детской литературы XX века: дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2011. – 363 с.
101. Минералова, И. Г. Практикум по детской литературе / И. Г. Минералова. – М.: Владос, 2001. – 255 с.
102. Миронов, А. В. О влиянии некоторых философско-художественных идей на формирование поэтического мировоззрения В. И. Нарбута / А. В. Миронов // Изучение творческой индивидуальности писателя в системе филологического образования: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24–25 марта 2005 г.) / Урал. гос. пед. ун-т., Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник». – Екатеринбург, 2005. – С. 76–81.
103. Михайлов, В. Д. Герман Ходырев. «Однажды на опушке»: рецензия на книгу / В. Д. Михайлов // Детская литература. – 1978. – № 5(149). – С. 20.
104. Михайлов, В. Д. Туала нылпиослы – туалал улон сярысь = [Современным детям – о современной жизни] / В. Д. Михайлов // Молот. – 1983. – № 2. – С. 49–50.
105. Михайлов, В. П. Нылпи литератураысь генерал: Герман Ходыревлы 85 арес тырмысал = [Генерал детской литературы: Герману Ходыреву исполнилось бы 85 лет] // Кенеш = [Собеседник] / В. П. Михайлов. – 2017. – № 10. – С. 86–92.
106. Михайлова, М. В. Роль творческой индивидуальности писателя в ситуации смены культурных парадигм (на материале литературы начала XX в.) / М. В. Михайлова. – 1999. – URL: <https://rucont.ru/efd/13287> (дата обращения: 12.12.2016).
107. Налдеева, О. И. Жанровая система современной мордовской поэзии. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. н. / Налдеева Ольга Ивановна – Саранск: Мордовский ГПИ им. М. Е. Евсевьева», 2013. – 41 с.

108. Небылица // Словарь литературоведческих терминов. – URL: https://literary_criticism.academic.ru/206/небылица (дата обращения: 23.12.2017).

109. Никифоров, Н. М. Бурдъясь гожтэтьёс = [Окрыляющие письма] / Н. Никифоров // Кизили = [Звездочка]. – 1995. – № 10. – С. 12.

110. Ночовный, М. Проверяется сердцем / М. Ночовный // Удмуртская правда. – 1982. – 17 июня.

111. Очерки истории удмуртской советской литературы / под ред. А. И. Писарева, Н. П. Крапиной, П. М. Яшина. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. – 184 с. – С. 177–182.

112. Павлова, И. Ф. Удмуртская детская книга в 1847–1941 годы: история, типология: монография / И. Ф. Павлова. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 130 с.

113. Павлова, И. Ф. Творчество удмуртского детского писателя Г. Ходырева в критике и литературоведении / И. Ф. Павлова, Т. И. Зайцева // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / отв. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. – 271 с. – С. 173–177.

114. Пахорукова, В. В. История коми-пермяцкой литературы: монография / В. В. Пахорукова. – Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 2004. – 217 с.

115. Перевозчиков, А. А. Гожтэчетьёс = [Побдборка писем] / А. А. Перевозчиков // Вордскем кыл = [Родное слово]. – 2000. – № 3(65). – С. 50–59.

116. Перевозчикова, Т. Г. Основная библиография / Т. Г. Перевозчикова, Л. Н. Долганова // История удмуртской советской литературы: в 2 т. Т. 2. / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР, Науч.-исслед. ин-т при Совете министров УАССР; рук. авт. кол. В. М. Ванюшев. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – С. 173–191.

117. Перевози́ков, С. А. Асьме адыми = [Свой человек] / С. А. Перевози́ков // Кенеш. – 2004. – № 8. – С. 101–104.

118. Петров, М. П. Рассказы молодых писателей / М. П. Петров // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1961. – С. 195–198.

119. Писарев, А. И. Больше книг для детей и юношества! / А. И. Писарев // Удмуртская правда. – 1967. – 7 апр.
120. Писатели и литературоведы Удмуртии: Биобиблиографический справочник / сост. А. Уваров. – Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2006. – 220 с. – С. 116–117.
121. Писатели Удмуртии: Биобиблиографический справочник / сост. А. А. Ермолаев, А. Н. Клабуков, Н. П. Кралина. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. – С. 137–138.
122. Писатели Удмуртии: Биобиблиографический справочник / сост. А. Уваров. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – С. 396–399.
123. Поздеев, П. К. Герман Ходыревлэн кылбуръёсыз = [Стихи Германа Ходырева] / П. К. Поздеев // Советской Удмуртия. – 1956. – 22 сент.
124. Поцепня, Д. М. Образ мира в слове писателя / Д. М. Поцепня. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 259 с.
125. Путилова, Е. О. История критики советской детской литературы 1929–1936 гг.: учеб. пособие / Е. О. Путилова. – Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975. – 100 с.
126. Разина, Ю. Н. Творчество удмуртского детского поэта Г. Ходырева в диалоге культур / Ю. Н. Разина // Ашмаринские чтения: сб. трудов X Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20–21 окт. 2016 г.) / сост. и отв. ред. О. Г. Владимирова, А. М. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – 336 с. – С. 38–39.
127. Разина, Ю. Н. Удмуртский детский писатель Г. Ходырев: особенности поэтического мастерства / Ю. Н. Разина // Литературное наследие региона: сохранение, интеграция в цифровую среду, перспективы чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Сыктывкар, 30 окт. – 1 нояб. 2017 г.). – Сыктывкар, 2017. – С. 212–217.
128. Родионов, В. Г. Этнос. Культура. Слово. / В. Г. Родионов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – 551 с.

129. Розанов, В. В. Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет / В. В. Розанов. – М.: Искусство, 1990. – 605 с.
130. Русская литература для детей: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / Т. Д. Полозова, Г. П. Туюкина, Т. А. Полозова, М. П. Бархота; под ред. Т. Д. Полозовой. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 512 с.
131. Самый детский поэт Удмуртии. // Культура.РФ. – URL: <https://www.culture.ru/events/172662/vstrecha-samiy-detskiy-poet-udmurtii> (дата обращения: 18.08.2017).
132. Сетин, Ф. И. История русской детской литературы, конец X – первая пол. XIX в.: учеб. / Ф. И. Сетин. – М.: Просвещение, 1990. – 302 с.
133. Сивоконь, С. И. Уроки детских классиков / С. И. Сивоконь. – М.: Дет. лит., 1990. – 286 с.
134. Сигов, С. В. «Истоки поэтики ОБЭРИУ» / С. В. Сигов // Даниил Хармс. – URL: <http://www.d-harms.ru/library/istoki-poetiki-oberiu.html> (дата обращения: 22.12.2017).
135. Симонова, Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: учеб. пособие / Т. Г. Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.
136. Соловьев, В. С. Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьев. – М.: Искусство, 1991. – 701 с.
137. Султанов, К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы / К. К. Султанов. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. – 196 с.
138. Тamarченко, Н. Д. Теория литературы: в 2 т. / Н. Д. Тamarченко. – Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Академия, 2004. – 513 с.
139. Твардовский, А. Т. Проза. Статьи. Письма / А. Т. Твардовский. – М.: Известия, 1974. – 781 с.
140. Тетерев, И. Маленьким читателям – хорошие книги (С республиканского совещания по детской литературе) / И. Тетерев // Удмуртская правда. 1961. – 26 февр.

141. Тынянов, Ю. Н. Проблема стихотворного языка / Ю. Н. Тынянов. – М.: Советский писатель, 1965. – 301 с.
142. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для вузов / В. И. Тюпа. – М.: Академия, 2006. – 331 с.
143. Уваров, А. Н. К вопросу о становлении жанров удмуртской литературы дооктябрьского периода / А. Н. Уваров // Об истоках удмуртской литературы. – Ижевск: НИИ при СМ Удм.АССР, 1982. – С. 5–51.
144. Уваров, А. Н. Покчиослы литературалэн бадзымесь сюлмаськонъёсыз = [Большие заботы «маленькой» литературы] / А. Н. Уваров // Молот. – 1984. – № 4. – С. 43–44.
145. Уваров, А. Н. Пути детской литературы / А. Н. Уваров. – Удмуртская правда. – 1984. – 16 окт.
146. Уваров, А. Н. «Ӝеч визь-кенеш котьку дуно» / А. Н. Уваров // Удмурт дунне. – 1995. – 24 окт.
147. Удмуртская Республика. Энциклопедия. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 797 с.
148. Ураксина, Р. М. Роль фольклора в формировании башкирской детской литературы: дис. ... канд. филол. наук / Ураксина Расима Минибулатовна. – Уфа, 1995. – 163 с.
149. Ушаков, Г. А. Нылпиосты яратыса = [Любя детей] / Г. А. Ушаков // Советской Удмуртия. – 1962. – 28 янв.
150. Ушаков, Г. А. Кылбур кадь мед луоз = [Пусть будет поэзией] / Г. А. Ушаков // Советской Удмуртия. – 1980. – 29 апр.
151. Ушаков, Г. А. Аслаз лёгем сюрестиз = [Своим путем] / Г. А. Ушаков // Советской Удмуртия. – 1983. – 21 май.
152. Федоров, В. В. О природе поэтической реальности / В. В. Федоров. – М.: Советский писатель, 1984. – 184 с.
153. Федоров, Г. И. Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х годов: монография / Г. И. Федоров. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – 304 с.

154. Федоров, Л. П. Эшъёс ке вань = [Если есть друзья] / Л. П. Федоров // Кенеш. – 2007. – № 9. – С. 20–24.
155. Фёдорова, Е. А. Этнокультурные и социокультурные проблемы современной коммуникации: учеб.-метод. пособие / Е. А. Фёдорова. – Ярославль: ЯрГУ, 2016. – 60 с.
156. Ходырев, Г. А. Нылпиослы удмурт литература сярысь = [Об удмуртской литературе для детей] / Г. А. Ходырев // Советской Удмуртия. – 1954. – 3 дек.
157. Ходырев, Г. А. Рассказы для самых маленьких / Г. А. Ходырев // Удмуртская правда. – 1956. – 26 авг.
158. Ходырев, Г. А. Иначе не стоит писать / Г. А. Ходырев // Удмуртская правда. – 1963. – 9 март.
159. Ходырев, Г. А. Две книжки – два впечатления / Г. А. Ходырев // Удмуртская правда. – 1963. – 29 сент.
160. Ходырев, Г. А. Куаразы юлма: куинь егит поэтьёс сярысь = [Голоса крепнут: о трех молодых поэтах] / Г. А. Ходырев // Советской Удмуртия. – 1963. – 15 нояб.
161. Ходырев, Г. А. Будйсь пинальёслы – выль сямъёс = [«Подрастающему поколению – новые заветы»] / Г. А. Ходырев // Советской Удмуртия. – 1964. – 29 дек.
162. Ходырев Г. А. Выль адями сярысь малпаськыса = [С заботой о новом гражданине] / Г. А. Ходырев // Молот. – 1965. – № 1. – С. 8–11.
163. Ходырев, Г. А. Кытын пинальёслэн яратоно геройзы? = [Где любимый герой детей] / Г. А. Ходырев // Советской Удмуртия. – 1967. – 7 апр.
164. Ходырев, Г. А. Улонмес данъясь поэзия = [Поэзия, прославляющая нашу жизнь] / Г. А. Ходырев // Советской Удмуртия. – 1968. – 29 авг.
165. Ходырев, Г. А. Лыдзись тодэ, лыдзись вала [Читатель знает, читатель понимает] / Г. А. Ходырев // Советской Удмуртия. – 1969. – 18 июня.

166. Ходырев, Г. А. Нылпиос витё умоесь произведениосты = [Дети ждут интересных произведений] / Г. А. Ходырев // Советской Удмуртия. – 1969. – 28 июня.
167. Ходырев, Г. А. Доброе дело / Г. А. Ходырев // Удмуртская правда. – 1969. – 11 сент.
168. Ходырев, Г. А. Їуказе сярысь малпаса = [Раздумья о будущем] / Г. А. Ходырев // Советской Удмуртия. – 1971. – 16 мая.
169. Ходырев, Г. А. Мынам будо арьёсы = [У меня растут года] / Г. А. Ходырев // Молот. – 1974. – № 12. – С. 12–13.
170. Ходырев, Г. А. Начало моего пути / Г. А. Ходырев // Детская литература. – 1978. – № 5(149). – с. 13–14.
171. Ходырев, Г. А. Дорожу своей дорогой / Г. А. Ходырев // Детская литература. – 1978. – № 8(152). – С. 14.
172. Ходырев, Г. А. Лёгем сюрес дуно = [Пройденный путь дорог] / Г. А. Ходырев // Чале ми вёзы: Кылбуръёс, поэмаос, выжыкыльтёс, кырзаныёс, берыктэмъёс = [Давайте с нами вместе: Стихи, поэмы, сказки, песни, переводы]. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – С. 5–7.
173. Ходырев, Г. А. Нылпи литература сярысь куд-ог малпанъёс = [Некоторые размышления о литературе для детей] / Г. А. Ходырев // Советской Удмуртия – 1984. – 16 сент.
174. Ходырев, Г. А. Работаем на будущее / Г. А. Ходырев // Удмуртская правда. – 1986. – 7 март.
175. Ходырев, Г. А. Азбарысен – паськыт дуннее = [Со двора – в широкий мир] / Г. А. Ходырев // Вордскем кыл. – 1994. – № 4. – С. 32–34.
176. Ходырев, Г. А. Удивление миру – неперменное качество хорошего человека: Размышления писателя о детской литературе / Г. А. Ходырев // Удмурт дунне. – 1995. – 11 февр.
177. Храпченко, М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы / М. Б. Храпченко. – М.: Худ. лит., 1977. – 446 с.

178. Хуторянская, А. Д. Параметры художественной картины мира в литературоведении / А. Д. Хуторянская // Картина мира в художественном произведении. – URL: <http://mognovse.ru/wft-kartina-mira-v-hudojestvennom-proizvedenii.html> (дата обращения: 9.05.2018).

179. Циммерман, С. С. Художественный мир прозы И. А. Бунина в сознании учащихся 11 класса: дис. ... канд. пед. наук / Циммерман Светлана Сергеевна. – Самара, 2003. – 177 с.

180. Чернец, Л. В. Литературные жанры: Проблемы типологии и поэтики / Л. В. Чернец. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 194 с.

181. Чернов, П. К. Солэн удысэз – нылпи поэзия = [Его призвание – детская поэзия] / П. К. Чернов // Молот. – 1982. – № 9. – С. 40–41.

182. Чернорицкая, О. Л. Поэтика абсурда. Поэтика абсурда в аспекте литературно-художественной методологии: дисс. ... канд. филол. наук / Чернорицкая Ольга Леонидовна. – М., 2002. – 206 с.

183. Черняк, М. А. Петербургский акцент в литературе абсурда XX века: об эффекте нарушения формальной логики / М. А. Черняк // Библиотечное дело. – 2014 – № 24(234). – С. 2–7.

184. Четкарёв, О. Г. Вунонтэм пичи дыр дуннеетй / О. Г. Чебеляй. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – С. 5–6.

185. Чудаков, А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А. П. Чудаков. – М.: Советский писатель, 1986. – 386 с.

186. Шаталов, С. Е. Художественный мир И. С. Тургенева / С. Е. Шаталов. – М.: Наука, 1979. – 312 с.

187. Шешунова, С. В. Национальный образ мира в русской литературе: П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын: дис. ... д-ра филол. наук / Шешунова Светлана Всеволодовна. – Дубна, 2006. – 368 с.

188. Шибанов, В. Л. Кылбурчилэн паймымон дуннеез = [Удивительный мир поэта] / В. Л. Шибанов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 88 с.

189. Шихарев, С. Т. Син азам будйз = [Рос на моих глазах] / С. Т. Шихарев // Советской Удмуртия. – 1989. – 23 дек.

190. Шкляев, А. Г. О детях и для детей. Заметки об удмуртской детской литературе / А. Г. Шкляев // Комсомолец Удмуртии. – 1974. – 2 июля.
191. Шкляев, А. Г. Гондыр йыркучыранэн... = [Медведь с филином...] // Удмурт дунне = [Удмуртский мир] / А. Г. Шкляев. – 1992. – 9 дек.
192. Шульгин, Н. И. Гуманизм в европейской и русской культуре второй половины XIX века: на материале художественной литературы: дис. ... канд. филос. наук / Шульгин Николай Иванович. – Барнаул, 2006. – 178 с.
193. Эйхенбаум, Б. М. О поэзии / Б. М. Эйхенбаум. – М.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1969. – 552 с.
194. Югов, С. А. Становление и развитие коми детской литературы: дис. ... канд. филол. наук / Югов Степан Александрович. – Сыктывкар, 1996. – 164 с.
195. Юрий Кушак // BabyBlog: Дом друзей: сообщество для обсуждения детских книг. – URL: www.babyblog.ru/community/post/kids_books/3192739 (дата обращения: 17.10.2015).
196. Яшин, Д. А. Готовить к жизни / Д. А. Яшин // Удмуртская правда. – 1976. – 28 март.
197. Яшин, Д. А. Покчиослэн эшсы но дышетйсьсы = [Друг и учитель детей] / Д. А. Яшин // Молот. – 1982. – № 9. – С. 40–41.
198. Яшин, Д. А. С любовью к детям / Д. А. Яшин // Удмуртская правда. – 1982. – 23 окт.
199. Яшина, Р. И. Нылпиослы кузьым = [Подарок детям] / Р. И. Яшина // Молот. – 1987. – № 9. – С. 52–53.
200. Яшина, Р. И. Нылпиослэн зэмос эшсы = [Самый настоящий друг малышей] / Р. И. Яшина // Вордскем кыл = [Родное слово]. – 2002. – № 3. – С. 75–79.
201. Domokos, P éter. Az udmurt irodalom története / P. Domokos. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1975. – 550 old.
202. Hõbepaat: Udmurdi luule antoloogia = Азвесь лодка. Удмурт кылбур антология / koostanud Nadja Ptšelovodova; kujundaja: Piret Räni. – Tallinn: Kirjastuskeskus, 2005. – 455 lk.

203. Varsti on jälle kevad: Valik udmurdi proosat. 39 lugu 34-lt autorilt aastatest 1890–2010 / Koostanud Shibani Viktor; tõlkinud Arvo Valton, Lauri Pilter ja teised. – Tallinn: Kirjastuskeskus, 2012. – 211 lk.

Художественная литература

204. Воронько, П. М. Про бичка та їжачка / П. М. Воронько. – URL: <http://ukrclassic.com.ua/katalog/v/voronko-platon/2931> (дата обращения: 13.11.2017).

205. Голубев, В. В. Ёрзи кадь лобаз = [Летал как орел] / В. В. Голубев // Голубев В. В. Пыраклы егитэсь = [Навсегда молоды]. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – С. 99–116.

206. Дедушкин родник: Рассказы и сказки удмуртских писателей / под ред. В. М. Ванюшева. – М.: Детская литература, 1981. – 176 с.

207. Икча-кукча: удмурт нылпи фольклор = [Икча-кукча: удмуртский детский фольклор] / сост. Л. Н. Долганова. – Ижевск: Удмуртия, 1983. – 56 с.

208. Клабуков, А. Н. Куатаськись = [Обидчивый] / А. Н. Клабуков // Клабуков, А. Н. Шудом, будом, ужалом: Кылбуръёс, поэма = [Будем играть, расти, работать]. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 62 с.

209. Корепанов-Камский, Г. М. Тапи-тап: Нылпиослы кырзанъёс = [Тапи-тап: Песни для детей] / Г. М. Корепанов-Камский. – Ижевск: Удмуртия, 1974. – 92 с.

210. Маршак, С. Я. Кошкин дом. Сказки-пьесы, баллады, стихи / С. Я. Маршак. – М.: Малыш, 2017. – 256 с.

211. Ожо-вожо: удмурт нылпи фольклор = [Мурава зелена: удмуртский детский фольклор] / сост. Л. Долганова. – Ижевск: Удмуртия, 1987. – 55 с.

212. Песенки, потешки, считалки, дразнилки / сост. Л. Н. Долганова. – Ижевск: Удмуртия, 1981. – 130 с.

213. Поздеев, П. К. Утыны сйзем кырзан: Веросьёс но тодэ ваёнъёс = [Завещанная песня: Рассказы и воспоминания] / П. К. Поздеев. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 196 с.

214. Ходырев, Г. А. Милям азбарамы: Кылбуръёс = [У нас на дворе: стихи] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удм. книжн. изд-во, 1957. – 13 с.
215. Ходырев, Г. А. Кызы мон будй = [Как я рос] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удм. книжн. изд-во, 1959. – 24 с.
216. Ходырев, Г. А. Пичи воргорон = [Мужичок] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удм. книжн. изд-во, 1961. – 32 с.
217. Ходырев, Г. А. Ми но Толэзе: Выжыкыльёс = [Мы тоже на Луну: Сказки] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 1964. – 16 с.
218. Ходырев, Г. А. Наш двор / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 1965. – 22 с.
219. Ходырев, Г. А. Горькийлы памятник дорын = [У памятника Горькому] / Г. А. Ходырев // Дась лу! = [Будь готов!] – 1968. – 27 март.
220. Ходырев, Г. А. У памятника. Стихи (К Горькому) / Г. А. Ходырев // Удмуртская правда. – 1968. – 28 март.
221. Ходырев, Г. А. Ёрзи: Петр Бабкин сярысь повесть = [Орел: Повесть о Петре Бабакине] / В. В. Голубев, Г. А. Ходырев. – Ижевск, 1969. – 75 с.
222. Ходырев, Г. А. Памятник дорын = [У памятника] / Г. А. Ходырев // Молот. – 1971. – № 5. – С. 64.
223. Ходырев, Г. А. Чиборийё буко = [Разноцветная дуга] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 1972. – 29 с.
224. Ходырев, Г. А. Пело утром солнышко / Г. А. Ходырев. – М.: Малыш, 1974. – 12 с.
225. Ходырев, Г. А. Счастливая ива / Г. А. Ходырев. – М.: Советская Россия, 1974. – 40 с.
226. Ходырев, Г. А. Солдат Спиридон Стрелков: Документальная повесть / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 76 с.
227. Ходырев, Г. А. Сюрес вожын [На большаке] / Г. А. Ходырев // Серемес веросьёс, кылбуръёс, сценкаос, лэчыт чуръёс = [Юморески, стихи, сценки, меткие изречения]. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – С. 39–41.
228. Ходырев, Г. А. Кытчы лобо пилемъёс. Веросьёс = [Куда плывут облака. Рассказы] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 1980. – 32 с.

229. Ходырев, Г. А. Кожа, лэся... = [Так кажется...] / Г. А. Ходырев // Серемес веросьёс, кылбурьёс, сценкаос, лэчыт чурьёс = [Юморески, стихи, сценки, меткие изречения]. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – С. 67–68.

230. Ходырев, Г. А. Чале ми вöзы: Кылбурьёс, поэмаос, выжыкыльёс, кырзаныёс, берыктэмьёс = [Давайте с нами вместе: Стихи, поэмы, сказки, песни, переводы] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 60 с.

231. Ходырев, Г. А. Луговой цветок / Г. А. Ходырев. – М.: Малыш, 1986. – 26 с.

232. Ходырев, Г. А. Покчи дэменчи = [Маленький, да удаленький] / Г. А. Ходырев. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 64 с.

233. Ходырев, Г. А. Тöды жöккышет = [Белая скатерть] / Г. А. Ходырев // Кизили = [Звездочка]. – 1986. – № 8. – С. 11.

234. Ходырев, Г. А. Тöды жöккышет вöлдй... = [Постелила белую скатерть] / Г. А. Ходырев // Ходырев Г. А. Покчи дэменчи = [Маленький, да удаленький]. – Устинов: Удмуртия, 1986. – С. 44.

235. Ходырев, Г. А. Ёеч визь-кенеш котьку дуно: Тодэ ваёнъёс = [Добрый совет всегда дорог: Воспоминания] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 1989. – 144 с.

236. Ходырев, Г. А. Счастливая ива / Г. А. Ходырев. – М.: Детская литература, 1989. – 56 с.

237. Ходырев, Г. А. Кечат-вамат: Кылын шудонъёс = [Крест-накрест: Игры со словами] / Г. А. Ходырев // Молот. – 1989. – № 2. – С. 61.

238. Ходырев, Г. А. Жогверанъёс = [Скороговорки] / Г. А. Ходырев // Кизили. – 1990. – № 7. – С. 11.

239. Ходырев, Г. А. Эшъёсылы сйзем чурьёс = [Строки, посвященные друзьям] / Г. А. Ходырев // Советской Удмуртия. – 1990. – 7 апр.

240. Ходырев, Г. А. Пиос но будо но = [Вот и мальчишки растут] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 16 с.

241. Ходырев, Г. А. Кылшудонъёс = [Игралки, считалки, дразнилки] / Г. А. Ходырев // Чебеляй: Нылпиослы книга. = [Непоседа: Книга для детей]. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – С. 44–50.

242. Ходырев, Г. А. Чебеляй: Нылпиослы книга = [Непоседа: Книга для детей] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 144 с.
243. Ходырев, Г. А. Тумбака тамака = [Тумбака кишмарит] / Г. А. Ходырев // Удмурт дунне = [Удмуртский мир]. – 1995. – 28 марта.
244. Ходырев, Г. А. Дозор / Г. А. Ходырев // Кизили = [Звездочка]. – 1995. – № 10. – С. 2.
245. Ходырев, Г. А. Кызыпу = [Береза] / Г. А. Ходырев // Удмурт дунне = [Удмуртский мир]. – 1995. – 23 нояб.
246. Ходырев, Г. А. Тулыс куараос = [Весенние голоса] / Г. А. Ходырев // Кизили = [Звездочка]. – 1996. – № 10. – С. 9.
247. Ходырев, Г. А. Кызы меда лыктйды...: Пинальёслы художественно-документальной веросьёс = [Как вы добрались...: художественно-документальные рассказы] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – 104 с.
248. Ходырев, Г. А. Кыдёкын-а инвис?: Пинальёслы повестьёс = [Далеко ли горизонт?: повести для детей] / Г. А. Ходырев. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 132 с.
249. Ходырев, Г. А. Тол куазез яратйсько... = [Люблю зиму...] / Г. А. Ходырев // Кизили = [Звездочка]. – 2002. – № 10–12. – С. 1.
250. Ходырев, Г. А. Эчеше: Ныль чурен кылбурьёс = [Прекослов: Четверостишия] / Г. А. Ходырев // Кизили = [Звездочка]. – 2012. – № 10. – С. 8–9.
251. Ходырев, Г. А. Мар-о меда кароно? = [Как быть?] / Г. А. Ходырев // Кенеш. – 2014. – № 05–06. – С. 72.
252. Ходырев, Г. А. Юг тодды жёккышет = [Ослепительно белая скатерть] / Г. А. Ходырев // Кенеш = [Собеседник]. – 2014. – № 05–06. – С. 22; С. 107.
253. Ходырев, Г. А. Березовая роща / Г. А. Ходырев // РуСтих: Стихи классиков. – URL: <https://rustih.ru/german-hodyrev-beryozovaya-roshha/#comment-10927> (дата обращения: 12.12.2017).
254. Чипчирган: Стихи удмуртских поэтов / Чипчирган / сост. и авт. предисл. Г. Ходырев. – М.: Детская литература, 1985. – 112 с.